

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

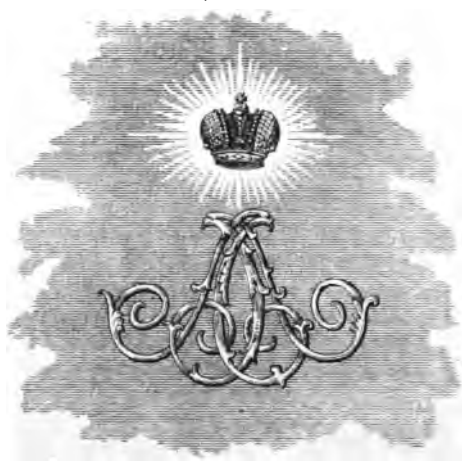
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

L

Siegmund

ЛЕКЦІИ

О МОРСКОЙ ТАКТИКѢ И ЭВОЛЮЦІЯХЪ

ПРОЧИТАННЫЯ ВЪ КРОНШТАДТѢ

ВЪ ФЕВРАЛѢ И МАРТѢ 1868 ГОДА.

Лейтенантомъ Л. Сѣмечкинымъ.

Приложеніе къ № 6 М. Сб. 1868.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,

въ Главномъ Адмиралтействѣ.

1868.

Rus

+

Печатано по распоряженію Морского Министерства.

APR 1 1932

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Лекція I. О значеніи морской тактики и эволюцій въ кругу общей организаціи флота и о состояніи ихъ у различныхъ морскихъ государствъ	1— 35
Лекція II. Морскія эволюціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова	36— 63
Лекція III. Одиночный бой судна съ судномъ. . .	64— 96
Лекція IV. Атака во время эскадреннаго боя. . .	97—132
Лекція V. Оборона во время эскадреннаго боя. . .	133—150
Лекція VI. Бой флота съ прибрежными укрѣпленіями.	151—183

ЛЕКЦІЯ I.

О значеніи морской тактики и эволюцій въ кругу общей организаціи флота и о состояніи ихъ у различныхъ морскихъ государствъ.

Общее понятіе о морской тактикѣ. — Важность морскихъ эволюцій въ смыслѣ боевой силы флота. — Обзоръ состоянія морской тактики и дополнительной тактики адмирала Буэ-Вильомса. — Труды англичанъ. — Состояніе морскихъ тактическихъ вопросовъ въ Россіи.

Морская боевая наука начинаетъ теперь сильно занимать офицеровъ во всѣхъ флотахъ, которые имѣютъ право называться организованными. Время созданія броненосныхъ эскадръ кончается, наступаетъ періодъ, въ которомъ преобладающею мыслью дѣлается — какъ бы побольше развить имѣемя средства для нанесенія сильныхъ ударовъ. Получивъ въ наши руки оружіе, мы начинаемъ думать о лучшемъ его употребленіи и о доведеніи его до возможнаго совершенства. Подобный ходъ идей весьма понятенъ; имъ руководятъ сознаніе долга и стремленіе къ славѣ, двѣ нравственныя силы, безъ которыхъ немыслимо существованіе военнаго человѣка.

Морская тактика занимаетъ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ въ томъ циклѣ познаній, которыхъ долженъ отъ себя требовать морской офицеръ нашего времени. Я позволяю себѣ даже думать, что она составляетъ вѣнецъ зданія современной морской боевой науки, потому что основана на полномъ развитіи тѣхъ правилъ и примѣненій, которыя имѣютъ назначеніемъ битву. Наша тактика, въ обширномъ смыслѣ своемъ есть наука боя на морѣ, т. е. сводъ выработанныхъ мыслей о томъ, какіе приемы слѣдуетъ употреблять кораблямъ какъ при одиночномъ, такъ и при эскадренномъ сраженіи, съ цѣлю обезпеченія успѣха, или устраненія возможной неудачи. Эта отрасль знанія только что начинаетъ возникать какъ наука, потому что донинѣ она составляла достояніе лишь немногихъ, которымъ счастливыя обстоятельства помогали приобрѣтать

ея основанія, или помощью собственных трудовъ, или же путемъ преемственнымъ. Отнынѣ же она должна сдѣлаться достояніемъ всѣхъ насъ, быть совѣтникомъ каждаго военнаго моряка и являться къ нему на помощь какъ въ мелкихъ, такъ и крупныхъ событіяхъ морской боевой жизни. Морская тактика входитъ теперь въ число нашихъ специальныхъ потребностей и становится необходимостью точно также какъ для насъ необходимы астрономія и навигація для плаванія, практика для управленія судномъ, наука корабельной архитектуры для созданія корабля.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я прошу васъ, мм. гг., не выводить изъ словъ моихъ заключенія, что морская тактика вообще есть нѣчто рѣзко формулированное. Вовсе нѣтъ; принадлежа къ области наукъ, основанныхъ на чистой логикѣ, подобно имъ, она не можетъ укладываться въ опредѣленные рамки и не въ состояніи вытерпѣть дѣленія на отдѣлы, статьи, параграфы и проч. Она существуетъ и всегда будетъ существовать какъ предметъ для изученія, какъ сборникъ матеріаловъ для разбора, но никогда не превратится въ школьный учебникъ, руководство, по которому обязательно воспринимаются факты, безъ уразумѣнія духа. Она будетъ говорить, намъ—изучайте, думайте, но никогда не скажетъ: задалбливайте. Разумѣется, станутъ встрѣчаться боевые случаи, частое повтореніе которыхъ сформируетъ нѣчто похожее на правила, но число ихъ, безъ сомнѣнія, будетъ ограниченное, а значеніе лишь скоропреходящее. Такимъ образомъ, морская тактика будетъ давать намъ канву и матеріалы для вышивки, станетъ учить насъ какъ вышивать по ней, но никогда не позволитъ себѣ деспотически указывать какой узоръ вывести и какія краски употребить для этого.

При подобномъ опредѣленіи внутренняго состава морской тактики является вопросъ, какимъ образомъ изучать ее, и заслуживаетъ-ли она даже названія науки, если свойство ея таково, что она не укладывается въ рамку, а основанія ея способны широкаго разнообразія. Подобный вопросъ весьма возможенъ при нынѣшнемъ стремленіи нашего общества къ точнымъ знаніямъ и томъ предпочтеніи, которое оно воздаетъ дѣйствительности надъ отвлеченностями. На это слѣдуетъ отвѣчать, что морская тактика существуетъ какъ наука, вслѣдствіе того, что усваивать ее себѣ необходимо для каждаго морскаго офицера, и сверхъ того потому, что она обнимаетъ собою кругъ понятій ясно очерченнаго характера. Намъ нѣтъ никакого дѣла до того, что она позволяетъ изучать себя каждому по его желанію, не предписывая ему известной проторенной дороги; для насъ важенъ тотъ фактъ, что безъ нея

обойтись невозможно. Ей слѣдуетъ учиться, слѣдовательно она наука. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, когда число матеріаловъ увеличится, а потребность изучать морскую тактику глубже проникнетъ въ нашъ специальный кружокъ, поле, занимаемое теперь ею, нѣсколько ссузится, сдѣлается болѣе сосредоточеннымъ, и она приметъ видъ, болѣе подходящій къ понятію о наукѣ, которое мы составляемъ себѣ нынѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не покинетъ своей, преимущественно умозрительной, почвы и никогда не примкнетъ къ тѣмъ отраслямъ знанія, которыя зиждутся на сухихъ, рѣзко опредѣленныхъ догматахъ и правилахъ.

Что же касается до изученія современной морской тактики, то намъ должно еще составить для себя методу какъ это дѣлать. Времена морской боевой науки перемѣнились. Новые паровые, броненосные флоты требуютъ для себя приемовъ боя, для которыхъ нельзя найти примѣровъ въ прошломъ. Морскіе офицеры былой парусной эпохи были въ этомъ отношеніи счастливые насъ; имъ стоило только открыть морскую исторію, или прислушаться къ изустной передачѣ прошлыхъ фактовъ, чтобы мысли о тактикѣ начинали обильно стекаться къ нимъ. Мы же, не имѣя почти вовсе матеріаловъ, принуждены составлять для себя все вновь, не зная даже до какой степени наши понятія окажутся справедливыми на практикѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ думать о новыхъ приемахъ морскаго боя должно постоянно. Составлять и вырабатывать для себя боевыя идеи слѣдуетъ безостановочно, параллельно тому какъ не останавливаясь идти впередъ техническая часть нашего дѣла. Намъ даны въ руки боевыя средства, назначенныя для защиты государства, слѣдовательно нашъ долгъ и обязанность, какъ военныхъ людей и гражданъ великой страны, не уставая изыскивать способы какъ-бы лучше употребить ихъ, въ минуту нужды, во славу нашего Государя и на честь нашей родины. Мнѣ кажется, что изучать морскую тактику, или—иначе—думать о лучшихъ приемахъ судоваго и эскадреннаго боя, долженъ каждый морской офицеръ въ отдѣльности. Затѣмъ ему слѣдуетъ повѣрять и укрѣплять себя въ выработанныхъ мысляхъ въ кружкахъ специалистовъ, преданныхъ этому дѣлу и серьезно надъ нимъ работающихъ. Наконецъ, этимъ кружкамъ слѣдуетъ встрѣчаться на общихъ бесѣдахъ и мѣняться идеями, которыя они для себя подготовили. Такимъ путемъ, какъ мнѣ кажется, дѣло должно двигаться впередъ съ успѣхомъ, потому что дорога эта самая естественная и ничѣмъ не отличается отъ путей, по которымъ идутъ къ совершенству другія науки. Этимъ способомъ мы можемъ вознаградить недостатокъ фактическихъ матеріаловъ и работою мысли подготовить себѣ основанія,

*

которыхъ нужно держаться послѣ того момента, когда завидимъ на горизонтѣ непріятеля. Между тѣмъ, перевести эту методу изъ области теоріи на практику необходимо. Поздно думать о томъ какъ дѣйствовать, когда наступитъ пора самого дѣйствія. У насъ есть не мало историческихъ доказательствъ, что заблаговременное обдумываніе и разработка лучшаго приѣма военныхъ дѣйствій доставляли рѣшительный перевѣсъ той сторонѣ, которая за нихъ принималась. Дѣятельное занятіе морскою тактикою должно быть для насъ тѣмъ болѣе привлекательнымъ, что еще далеко не всѣ флоты принялись за него и, слѣдовательно, намъ предстоитъ возможность значительно обогнать другихъ на этомъ поприщѣ.

Я нарочно остановился нѣсколько долѣе на опредѣленіи морской тактики въ смыслѣ науки, для того, чтобы выяснитъ настоящее значеніе этого слова и отдѣлить отъ него идею о морскихъ эволюціяхъ, которыя, какъ мнѣ кажется, несправедливо называются обыкновенно этимъ именемъ. Намъ слѣдуетъ непременно отдѣлять эти понятія другъ отъ друга, потому что въ противномъ случаѣ, при недостаткѣ ясности въ значеніи словъ «морскія эволюціи» и «морская тактика», можетъ произойти очень важный пробѣлъ въ области нашихъ специальныхъ познаній. Морскія эволюціи суть ничто иное какъ правила и разнообразные способы для передвиженій флота и эскадръ массами. Онѣ стоятъ на одномъ уровнѣ съ артиллерією и назначеніе ихъ быть ничѣмъ инымъ какъ боевымъ средствомъ, не превращаясь въ боевую науку. Разумѣется, изучать ихъ необходимо, точно также какъ нужно усвоивать себѣ технику артиллеріи, законы дѣйствія пороха, движенія тѣлъ въ воздухѣ и проч.,—именно для того, чтобы боевое средство было истиннымъ боевымъ средствомъ, а не простымъ звукомъ, неизвѣстнымъ количествомъ военныхъ матеріаловъ, скопленнымъ безъ пользы. Морская же тактика есть сводъ мыслей о томъ, какъ употреблять во время боя и артиллерію, и эволюціи, т. е. какъ пользоваться нашими военными средствами для нанесенія вреда непріятелю. Такимъ образомъ, если мы станемъ по прежнему называть этимъ именемъ морскія эволюціи, то рискуемъ, по надлежащемъ изученіи ихъ, придти къ понятію, что нами исполнено все, что нужно для собственной нашей боевой подготовки. Мы можемъ представить себѣ, что выучившись строиться и перестраиваться, мы приобрѣли себѣ уже все, что необходимо для обезпеченія успѣха во время боя. Вотъ почему я и сказалъ, что, не выяснивъ себѣ какъ слѣдуетъ понятія о морской тактикѣ и эволюціяхъ, мы легко можемъ оставить пробѣлъ въ ряду нашихъ специальныхъ познаній, который будетъ уже поздно и неудобно пополнять впослѣдствіи.

Невѣрное опредѣленіе морскихъ эволюцій словомъ «тактика» произошло по весьма понятной причинѣ. Эскадренный бой всегда былъ и продолжаетъ быть немислимымъ безъ помощи эволюцій. Во время парусныхъ флотовъ, эскадры сближались для сраженія, исполнивъ предварительно не малое число маневровъ, съ цѣлію пріобрѣтенія наиболѣе выгоднаго положенія. Всѣ эти маневры производились при строгомъ соблюденіи эволюціонныхъ правилъ, которыя подчинялись въ свою очередь двумъ краеугольнымъ основаніямъ—линіи бейдевинда и линіи кильватера. Такимъ образомъ, характеръ движеній флота передъ боемъ былъ почти всегда одинъ и тотъ же и многія изъ его положеній были даже предусмотрѣны и выяснены въ эволюціонной книгѣ. Отсюда естественно произошло смѣшеніе понятій о морской тактикѣ и эволюціяхъ, которому поддавалось большинство военныхъ моряковъ того времени и которое продолжаетъ держаться по преданію донинѣ. Одинъ только Нельсонъ сумѣлъ выбраться изъ этого закованнаго круга и, бросивъ за бортъ эволюціонные пути того времени, показалъ при Трафальгарѣ своимъ современникамъ и потомкамъ, что морская тактика и эволюціи не одно и то же. Нѣтъ сомнѣній, что если бы послѣ Нельсона велись долгія и дѣятельныя морскія войны, то урокъ, данный имъ своимъ ученикамъ, не прошелъ бы даромъ и эволюціи давно перестали бы называться тактикою. Но такъ какъ этого не было и такъ какъ флоты въ мирное время продолжали употреблять чуть ли не половину времени своихъ практическихъ плаваній на то, чтобы учиться перестроеніямъ, считая это главнымъ залогомъ успѣха, — то убѣжденіе въ тождественности выраженій «морскія эволюціи» и «морская тактика» продолжало существовать и даже укрѣплялось, потому что многіе изучали побѣды знаменитыхъ адмираловъ и самаго Нельсона не по духу, который руководилъ ими, а по эволюціямъ, которыя они дѣлали, сближаясь съ неприятелемъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя морскія эволюціи и должны лишиться прежней полноты своего значенія, онѣ продолжаютъ тѣмъ не менѣе занимать чрезвычайно важное мѣсто въ кругу общей организаціи флота и пріобрѣтаютъ теперь даже болѣе высокое мѣсто въ боевомъ смыслѣ, чѣмъ имѣли прежде. Какъ бы адмиралъ хорошо ни изучилъ предметъ эскадреннаго боя, но вся его опытность и даже геніальность останутся втунѣ, если флотъ не умѣетъ стройно и быстро дѣлать эволюцій. Можно даже сказать, что флотъ не можетъ рассчитывать на побѣду, готовясь къ бою съ организованнымъ противникомъ, если у него нѣтъ хорошо обработанной эволюціонной книги и искусства ловко исполнять ея наставленія.

Знаціе эволюцій даеъ массѣ кораблей связь между собою, стройность въ движеніяхъ и увѣренность въ дѣйствіяхъ. Отсутствіе этого, напротивъ того, вноситъ въ эскадру хаосъ, недовѣріе къ себѣ и убиваетъ единодушіе, главное условіе успѣха во время боя. Чтобы наносить и отражать удары цѣлымъ флотомъ, потребны сомкнутость и гибкость строя, которыя немислимы безъ твердаго умѣнья перестраиваться. Чтобы осуществлять тактическіе планы, должно имѣть возможность послѣдовательно развивать ихъ не только мысленно, но и на дѣлѣ, что возможно лишь при помощи эволюцій. Такимъ образомъ, морская тактика, при переходѣ изъ области мышленія въ дѣйствительность, не можетъ обойтись безъ содѣйствія эволюцій, точно также какъ одинъ трудъ головы не способенъ произвести что-нибудь осязательное безъ помощи рукъ.

Изъ этого опредѣленія боеваго смысла морскихъ эволюцій становится яснымъ, что онѣ должны занимать видное мѣсто въ ряду средствъ, служащихъ для защиты государства. Слѣдовательно, недостатокъ въ нихъ ведетъ къ ослабленію оборонительныхъ способовъ страны, а напротивъ того, тщательная обработка и изученіе содѣйствуютъ боевой организаціи флота, что придаетъ въ свою очередь болѣе смѣлости исполнителямъ политическихъ плановъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, отсюда же становится виднымъ, что большее усовершенствованіе морскихъ эволюцій, сравнительно съ другими флотами, можетъ дать намъ перевѣсъ въ боевой подготовкѣ надъ нашими соперниками и, слѣдовательно, привести къ положенію дѣла, которое будетъ справедливо льстить нашему сословному самолюбію. Такимъ образомъ, въ совершенствѣ обработанныя эволюціи должны быть одною изъ цѣлей нашихъ стремленій и заботъ и намъ слѣдуетъ ревниво хлопотать, чтобы никто на западѣ не ушелъ далѣе насъ на этой дорогѣ.

Я имѣю намѣреніе, мм. гг., прежде чѣмъ приступать въ продолженіе нашихъ бесѣдъ къ анализу того или другаго вопроса, излагать въ общихъ чертахъ состояніе того же самаго у западныхъ морскихъ государствъ. Этимъ путемъ, мы будемъ имѣть до нѣкоторой степени возможность судить на какой высотѣ стоитъ разбираемый вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получимъ средство сравнивать свое съ чужеземнымъ и обратно. Морскія эволюціи составляютъ важный элементъ боевой силы флота, слѣдовательно намъ необходимо быть знакомымъ со степенью его дѣйствительности въ чужихъ рукахъ, не менѣе того какъ мы хлопочемъ о полномъ знаніи силы и всѣхъ подробностей иностранныхъ артиллерій. На

этомъ основаніи я наложу здѣсь въ общихъ чертахъ въ какомъ положеніи находятся нынѣ морскіе тактическіе и эволюціонные вопросы у главныхъ морскихъ державъ, прежде чѣмъ приступить къ разбору нашихъ собственныхъ средствъ. Этимъ путемъ мы будемъ въ состояніи сдѣлать надлежащую оцѣнку чужихъ средствъ и силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воздать должное тому началу, которое, благодаря многолѣтнимъ и тяжелымъ трудамъ, доставило русскому флоту рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми остальными въ дѣлѣ морскихъ эволюцій и касательно подготовки матеріаловъ для выполненія тактическихъ плановъ.

Между западными государствами, Франція занимаетъ первое мѣсто относительно разработки морскихъ эволюцій и тактики. Я полагаю, что въ этомъ ей не могутъ отказать даже самые упрямые изъ ея противниковъ. Причиною этого, весьма пріятнаго для ея самолюбія обстоятельства, были труды одного изъ самыхъ блестящихъ современныхъ адмираловъ, графа Буэ-Вильомеца, который, будучи еще капитаномъ корабля и командуя отрядомъ крейсеровъ у западныхъ береговъ Африки, обдумалъ и составилъ основанія, принятые теперь почти всѣми базисомъ для морскихъ эволюцій. Въ 1855 году онъ изложилъ свои идеи въ приложеніи къ своему же сочиненію *Batailles de terre et de mer*, которыя были переведены на русскій языкъ въ Морскомъ Сборникѣ за 1858 годъ № 7. Эти идеи, даже ранѣе появленія своего въ печати, были признаны до такой степени справедливыми и заслуживающими вниманія, что французское правительство сочло нужнымъ назначить въ 1855 же году комиссію изъ адмираловъ для составленія на ихъ основаніи эволюціонной книги для своего флота. Коммисія, послѣ почти двухлѣтней работы, издала въ 1857 году официальную *Tactique navale*, которая употребляется французами донинѣ и ежегодно совершенствуется на практическихъ эскадрахъ. Эта книга есть самое полное и наиболѣе обработанное изъ сочиненій, о морскихъ эволюціяхъ, которыя имѣются въ иностранныхъ флотахъ. Поэтому мы остановимся на ней нѣсколько долѣе и разберемъ какъ вообще ея устройство, такъ и главные тактическіе основанія, послужившія ей фундаментомъ.

Французская эволюціонная книга дѣлится на двѣ части; первая содержитъ въ себѣ построенія флота, идущаго подъ парами, а вторая—идущаго подъ парусами. Вторая часть въ три раза меньше первой и очевидно имѣетъ назначеніе вспомогательное на случай рѣдкихъ, но тѣмъ не менѣе могущихъ представиться, плаваній большихъ эскадръ подъ парусами. Первая часть содержитъ въ

себѣ сначала общія наставленія и правила погони, за тѣмъ сводъ тактическихъ правилъ для пароваго флота, взятый пѣликомъ изъ книги Буэ-Вильомеца и, наконецъ 153 сигнала, (съ чертежами и объясненіями) помощію которыхъ французскій флотъ дѣлаетъ свои маневры. Общія наставленія составлены частію изъ прежнихъ тактическихъ правилъ былой парусной эпохи, частію на основаніи различныхъ декретовъ и частію на духѣ преданій, существующихъ во флотѣ. Знаніе этихъ наставленій обязательно для каждаго морскаго офицера и входитъ въ программу экзаменовъ для гардемаринъ при переходѣ ихъ изъ втораго въ первый классъ. Общія наставленія дѣлятся на восемь главъ: объ эскадренныхъ порядкахъ, о дневныхъ и ночныхъ сигналахъ, о боѣ, о репетиционныхъ судахъ, форзейлихъ и крейсерахъ, о легкой эскадрѣ и резервѣ, о конвоѣ, объ эскадренномъ плаваніи и, наконецъ, о построеніяхъ и перестроеніяхъ. Изъ всего этого мы разсмотримъ только главу «о боѣ», при чемъ взглянемъ также на тактическія правила для пароваго флота Буэ-Вильомеца. Этимъ путемъ мы нѣсколько познакомимся съ тѣмъ, что намъ можно ожидать отъ французскаго флота, если тюльерійскому кабинету понадобится когда нибудь пустить въ дѣло свои морскія силы.

Вотъ въ чемъ состоятъ боевыя основанія французскихъ эскадръ, какъ онѣ изложены въ офиціальной *Tactique navale*:

1) Флотъ, состоящій изъ винтовыхъ судовъ, долженъ вступать въ бой подъ парами и съ закрѣпленными парусами, за исключеніемъ развѣ случаевъ положительной невозможности, происходящей отъ поврежденія машинъ или котловъ.

2) Такъ какъ быстрота хода составляетъ одинъ изъ главныхъ элементовъ боевой силы винтоваго флота, то въ виду непріятеля должно разводить огонь во всѣхъ топкахъ и быть готовымъ усилить топленье при первомъ сигналѣ, или въ удобную минуту.

Поэтому, сигналъ «изготовиться къ бою» налагаетъ обязанность разводить огонь въ тѣхъ топкахъ, которыя были погашены.

3) Главнокомандующій флотомъ долженъ, передъ боемъ, сколько возможно лучше подготовить планы атакъ, и ознакомить съ ними своихъ капитановъ, равно какъ и съ маневрами, которые онъ предполагаетъ произвести для ихъ выполненія.

Поэтому, капитаны, по началѣ боя, будутъ до такой степени освоившись съ мыслями адмирала, что сигналы перестанутъ быть для нихъ необходимо нужными.

Вотъ три пункта, которые комиссія французскихъ адмираловъ сочла главными боевыми правилами пароваго флота. Всѣ они

принадлежать Буэ-Вильомецу и комиссия измѣнила только нѣсколько ихъ редакцію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не приняла другихъ трехъ пунктовъ, которые показались ей въ то время, по всей вѣроятности, или излишними, или же неудобноисполнимыми. Не будемъ забывать, что она работала двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, и слѣдовательно, находясь гораздо ближе къ парусной эпохѣ, не могла предвидѣть того поворота въ морской тактикѣ, который произошелъ вслѣдствіе введенія броненосцевъ. Три пропущенные пункта составляютъ сами по себѣ цѣлый тактический планъ, весьма интересный и заслуживающій полного вниманія, такъ что я считаю нужнымъ привести ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что они обрисовываютъ понятія адмирала, которому предстоитъ, безъ сомнѣнія, весьма важное командованіе при первомъ политическомъ затрудненіи французской имперіи.

Буэ-Вильомецъ сказалъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, во время повсемѣстнаго введенія винтовыхъ судовъ, что — такъ какъ окончности винтоваго корабля продолжаютъ еще быть наиболѣе слабыми и уязвимыми, относительно продольнаго огня непріятели, точками, то слѣдуетъ по возможности избѣгать, исключая случаевъ abordage, подставлять непріятелю корму или носъ, а напротивъ того, самому стараться обстрѣливать его продольно, или противопоставлять ему бортъ.

Во вторыхъ, такъ какъ во время морскаго сраженія должно имѣть главною задачею совокупное движеніе, произведенное въ превосходныхъ силахъ на рѣшительный пунктъ противника, чтобы разбить его по частямъ, то есть возможность достигнуть до этой цѣли при помощи надлежащихъ боевыхъ движеній и эволюцій.

И, наконецъ, въ третьихъ, такъ какъ всегда слѣдуетъ предполагать, что непріятель имѣетъ подобное же правило для веденія боя, то главнокомандующій долженъ, по мѣрѣ возможности, пустить свои главные силы на слабую точку противника, болѣе занимать его, чѣмъ сражаться съ нимъ, лучшими ходами своего флота, стараясь сбить съ толку его относительно своихъ плановъ и намѣреній.

Что же касается до боевыхъ движеній, о которыхъ упомянулъ Буэ-Вильомецъ, то онъ, а за нимъ и официальная эволюціонная книга, принимаютъ ихъ въ числѣ пяти и опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ:

Флотъ можетъ:

1) Если фланги противника слабы, или растянуты, то спуститься на одинъ изъ нихъ и разбить его, благодаря превосходству силъ.

2) Или же обогнуть одинъ изъ этихъ фланговъ, чтобы избить его, поставивъ въ два огня.

3) Обстоятельства могутъ быть на столько благоприятными, что дозволить отрѣзать отъ главныхъ силъ цѣлое крыло, окружить его и уничтожить, прежде чѣмъ подоспѣтъ помощь.

4) Кромѣ того, существуетъ возможность прорѣзать непріятельскій строй во многихъ мѣстахъ, чтобы завязать общую схватку.

5) Наконецъ, по началѣ общей битвы, можно абординировать непріятеля.

Изъ этихъ главныхъ положеній французской официальной тактики мы видимъ, мм. гг., что взглядъ на эскадренный бой значительно измѣнился въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ даютъ понятіе какого образа дѣйствій будетъ держаться французскій флотъ, если обстоятельства поведутъ его въ битву. Атаки значительными силами противъ слабыхъ точекъ непріятеля—вотъ главное боевое основаніе французскихъ адмираловъ. Идея вполне вѣрная и весьма опасная для флота, который станетъ развивать въ себѣ мысли о возможности сраженія съ растянутыми силами, въ какомъ-бы видѣ онѣ ни были построившись—въ ордеръ-ли кильватера, какъ итальянцы подъ Лиссою, или въ дивизионный фронтъ, шириною въ двѣ мили, какъ предлагаютъ иные, не имѣющіе понятія о морской тактикѣ. Идея эта вытекла прямо изъ *Batailles de terre et de mer* Буэ-Вильомеца и значительно повліяла на взгляды Дюпю де-Лома, старшаго судостроителя Франціи, который создалъ флотъ броненосцевъ, способный великолѣпно маневрировать и быстро переноситься не разъединяясь, туда, куда пошлетъ эскадру воля адмирала. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что французскій броненосный флотъ, въ настоящемъ своемъ составѣ, долженъ быть превосходнымъ исполнителемъ тактическихъ сигналовъ и такимъ противникомъ, который во время эскадреннаго боя потребуетъ отъ своихъ непріятелей основательной военной подготовки и глубокаго знанія морской боевой науки. Фактъ этотъ можетъ служить еще однимъ доказательствомъ, что заблаговременное подготовленіе себя въ области извѣстнаго предмета доставляетъ истинную силу въ минуту надобности и доводитъ въ разработкѣ этого дѣла до совершенства, лестнаго для насъ и грознаго для противниковъ.

Глава «о боѣ» во французской эволюціонной книгѣ, къ которой мы перейдемъ теперь для разбора, носитъ на себѣ очень много отпечатковъ былого, непримѣнимаго въ настоящее время для дѣла. Главный отжившій ея параграфъ есть тотъ, въ кото-

ромъ боевымъ строемъ назначается линія кильватера со всѣми ея принадлежностями—уменьшеніемъ промежутковъ между кораблями, обереганіемъ головы и хвоста отъ атаки, противодѣйствіемъ прорыву непріятеля сквозь линію и проч. Все это свѣжо еще въ нашей собственной памяти, такъ что повторять эти французскіе параграфы здѣсь, значило-бы только утомлять васъ лишнимъ повтореніемъ стараго. Гораздо интереснѣе наставленія, касающіяся до боя отдѣльныхъ судовъ, и тѣ мѣры, которыя командиры обязаны принимать по окончаніи битвы для скорѣйшаго изготовленія своихъ судовъ къ продолженію военныхъ дѣйствій. Эти параграфы имѣютъ интересъ всеобщій, будучи равно приложимыми ко всѣмъ флотамъ, и потому я намѣренъ привести нѣкоторые изъ нихъ цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что ясный смыслъ ихъ не нуждается ни въ комментаріяхъ, ни въ другаго рода поясненійхъ.

Наставленія французской тактики говорятъ, что:

1) По завязкѣ близкаго боя, или по началѣ общей схватки, каждый командиръ, надѣющийся съ выгодною свалиться на abordажъ съ непріятелемъ, долженъ, не колеблясь, исполнять это дѣйствіе.

2) Защита корабля главнокомандующаго и другихъ флагманскихъ судовъ ввѣрается не только ихъ мателотамъ, но и всему флоту, если завяжется общая схватка. И такъ какъ весьма вѣроятно, что въ этомъ случаѣ непріятель направитъ свои главные усилія противъ нашего главнокомандующаго и другихъ флагмановъ, то и намъ слѣдуетъ сосредоточивать около этихъ точекъ самыя сильныя изъ нашихъ наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій.

Точно также и мы должны пользоваться каждымъ благоприятнымъ обстоятельствомъ; чтобы энергически нападать на непріятельскаго главнокомандующаго и другихъ его адмираловъ.

3) Ни одинъ корабль не долженъ отдѣляться отъ флота во время боя, чтобы преслѣдовать безъ приказанія небольшое число отступающихъ непріятельскихъ судовъ.

4) При окончаніи боя, если адмиралъ не предписываетъ какого нибудь движенія, суда, наиболѣе сильныя или наименѣе пострадавшія во время сраженія, должны сами повести атаку на тѣ непріятельскіе корабли, которые могутъ снова построиться или отступить.

5) По окончаніи боя, если нашъ флотъ имѣетъ на своей сторонѣ удачу, или если столько же пострадалъ какъ и непріятель, командиры не должны вступать въ свои мѣста въ строй, если строй этотъ продолжаетъ еще быть выстроенымъ.

Въ первомъ случаѣ, суда, наиболѣе способныя продолжать бой, должны стронуться по скорости хода, чтобы преслѣдовать отступающаго непріятеля и отрѣзать ему отступление. ■

Во второмъ случаѣ, они должны выстраиваться по нашимъ наиболѣе обитымъ кораблямъ для того, чтобы защищать ихъ, противопоставляя непріятелю силу, достаточную для обороны, если бы ему вздумалось продолжать или возобновить бой.

Въ томъ и другомъ случаѣ, командиры не должны дожидаться сигналовъ адмирала, чтобы дѣйствовать. Адмиралъ, а въ случаѣ его смерти, старшій изъ командировъ, если корабль его можетъ продолжать бой, управляетъ движеніемъ.

6) Начальники эскадръ должны во время сраженія назначать своимъ эскадрамъ такіа движенія, которыя вызываются перемѣнами, происходящими въ положеніи непріятеля, особенно если эти движенія требуютъ быстрого исполненія, и если главнокомандующій не можетъ видѣть, также ясно какъ они, то, что происходитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они находятся.

Эти приказанія, отдаваемые во-время, должны быть всегда считаны такимъ образомъ, чтобы содѣйствовать выполненію предъидущихъ сигналовъ, сдѣланныхъ адмираломъ, или же совпадать съ тѣмъ планомъ, который онъ предварительно составилъ и выяснилъ своимъ подчиненнымъ.

7) Каждый командиръ долженъ стараться какъ можно скорѣе исправить свои поврежденія и приводить въ порядокъ артиллерію, какъ въ продолженіе самаго боя, такъ и послѣ него.

Изъ двухъ флотовъ, которые дрались другъ съ другомъ и не пріобрѣли рѣшительнаго перевѣса, тотъ, который будетъ въ состояніи скорѣе открыть огонь, или даже просто выполнить какой-нибудь маневръ, можетъ склонить на свою сторону успѣхъ.

Бываютъ случаи, что два или три судна при концѣ боя могутъ рѣшить судьбу сраженія и стяжать для своего флота побѣду.

8) Суда, помѣщенныя внѣ линіи, должны всѣми средствами помогать сражающимся, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія дерутся съ болѣе сильнымъ непріятелемъ, или находятся въ невыгодномъ положеніи, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ поврежденія.

Они должны стараться выручать ихъ собственнымъ огнемъ и содѣйствовать имъ, снабжая ихъ боевыми припасами, вещами и даже людьми,—словомъ, всѣмъ, чтобы дать имъ возможность снова идти въ огонь, или продолжать сраженіе.

Суда, находящіяся внѣ линіи и могущія съ пользою буксировать, должны быть во время боя въ постоянной готовности подать

буксиры и поэтому имѣть обнесенными и закрѣпленными буксирные кабельтовы.

9) Если во время боя будетъ замѣчено приближеніе новыхъ, свѣжихъ непріятельскихъ судовъ, то объ этомъ дается знать какъ можно скорѣе адмиралу. Въ случаѣ же, если адмиралъ находится въ такомъ мѣстѣ на полѣ битвы, откуда не можетъ отдавать приказаній, а между тѣмъ обстоятельства требуютъ безотлагательныхъ распоряженій, чтобы встрѣтить или преслѣдовать видимыя суда, офицеръ, старшій по адмиралѣ, долженъ принять надлежащія мѣры подъ своею отвѣтственностью.

10) Если адмиралъ сдѣлалъ сигналъ «прекратить бой», суда, принадлежащія ко флоту, не должны стрѣлять иначе какъ для собственной защиты. Они не должны ни въ какомъ случаѣ начинать нападенія, а въ противномъ случаѣ, по окончаніи сраженія будутъ принуждены отдать отчетъ въ причинахъ, побудившихъ ихъ на это дѣйствіе.

Вотъ, мм. гг., главныя изъ боевыхъ наставленій, приложенныхъ къ французской эволюціонной книгѣ. Изъ нихъ мы видимъ, что сущность ихъ почерпнута главнѣйше въ былой эпохѣ паруснаго флота, а духъ ихъ показываетъ, что они прямо вылились изъ практики, изъ тѣхъ случайностей, долгій рядъ которыхъ составляетъ содержаніе преданій, живущихъ на флотѣ. Они недостаточно полны для нашего времени броненосныхъ эскадръ и шпироннаго боя, но за то вполне проникнуты правдою и совершенно чисты отъ теоретическихъ мудрствованій, которыми заражены, къ сожалѣнію, многія военныя науки. Наставленія эти даютъ понятіе, что въ случаѣ войны французскій флотъ будетъ развивать въ себѣ принципъ рѣшимости и быстрыхъ мѣръ и, разумѣется, скорѣе встрѣтитъ удачу, чѣмъ пораженіе, потому что этотъ базисъ военныхъ дѣйствій проникнутъ глубокою логикою. Вообще видно, что горькія невзгоды, сопровождавшія морскія войны временъ республики и первой имперіи, не прошли для французовъ даромъ и что они путемъ мысли и внимательнаго изученія морской исторіи старались подготовить для себя основанія, могущія возратить имъ славные дни Турвиля и Жанъ-Бара и загладить воспоминанія, которыя возникаютъ при именахъ Брюэ и Вильнёва.

Намъ остается поговорить теперь объ эволюціяхъ для пароваго флота, число которыхъ, какъ я сказалъ выше, равняется 153 и которыя были первымъ систематическимъ руководствомъ для маневрированія паровыхъ эскадръ, появившемся въ Европѣ. Мы не будемъ останавливаться для его подробнаго обзора, потому что это потребовало-бы значительнаго количества времени и

не было-бы, кромѣ того, особенно интереснымъ, такъ какъ французскія морскія эволюціи, занимавшія въ свое время первое мѣсто, имѣютъ теперь далеко впереди себя тѣ эволюціонныя основанія, которыя вырабатывались у насъ въ Россіи. Кромѣ того, я намѣренъ въ продолженіе слѣдующей бесѣды на ней сдѣлать сравненіе нѣкоторыхъ изъ русскихъ методовъ построенія съ французскими, такъ что при этомъ случаѣ мы будемъ имѣть возможность познакомиться болѣе подробно съ системою и приемами французскихъ эволюцій. Поэтому, я сдѣлаю теперь только легкій обзоръ ихъ и выведу нѣсколько общихъ взглядовъ, чтобы представить вамъ ихъ сущность и отчасти достоинство въ боевомъ смыслѣ. Для насъ не такъ важно знаніе механизма и устройства чужихъ эволюціонныхъ книгъ, сколько опредѣленный взглядъ на степень приносимой ими пользы и то количество силы, которую пріобрѣтаетъ флотъ при ихъ помощи.

Французская эволюціонная книга почти цѣликомъ составлена изъ данныхъ, которыя выработалъ Буэ-Вильомецъ въ своихъ «сраженіяхъ на сушѣ и на морѣ». Коммисія изъ адмираловъ, занимавшаяся изготавленіемъ officialныхъ эволюцій, нѣсколько развила и дополнила эти данныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не сказать, значительно убавила той ясности и опредѣленности, которою отличаются вообще всѣ объясненія и выводы Буэ-Вильомеца. Кромѣ того, хотя нѣсколько внимательный разборъ наставленій, приложенныхъ къ французскимъ эволюціоннымъ сигналамъ, показываетъ какъ поверхностно понимали составлявшіе ихъ лица тотъ предметъ, которымъ они занимались. Многіе изъ способовъ построеній и перестроеній, принятыхъ французскими адмиралами, могли бы быть, при нѣсколько большемъ усилии соображенія, замѣнены приемами болѣе простыми и быстрыми. Весьма ясно, что коммисіею руководила идея, почти постоянно преслѣдуемая французами, что лучше имѣть хоть что-нибудь, чѣмъ ничего, и она работала не для того, чтобы создать нѣчто совершенное, а съ тою цѣлю, чтобы флотъ не остался въ безпомощномъ состояніи относительно потребностей морской тактики. Взглядъ этотъ принесъ свою долю пользы для Франціи, потому что въ продолженіе десяти лѣтъ она была единственнымъ государствомъ, имѣвшимъ свои морскія силы дѣйствительно организованныя для эскадреннаго боя, но вмѣстѣ съ тѣмъ его естественнымъ результатомъ будетъ то, что французскій флотъ увидитъ въ одинъ прекрасный день, что его эволюціонная книга нуждается въ капитальныхъ и продолжительныхъ исправленіяхъ. Отсутствие системы бываетъ всегда побиваемо ея развитіемъ и нерѣдко приводитъ въ печальной

несостоятельности, заставляющей горевать о потерянном времени. Разработка морской тактики и эволюцій, которая поднимается теперь почти во всѣхъ флотахъ, неминуемо подвинетъ вопросъ значительно впередъ и поставитъ французскую эволюціонную книгу на второй планъ, если только морскіе офицеры Франціи не возьмутся снова горячо за дѣло и не составятъ для себя новаго свода, основаннаго на началахъ, глубоко продуманныхъ, а не схваченныхъ на-скоро со всѣхъ сторонъ безъ надлежащей критики.

Буэ-Вильомецъ, а за нимъ и коммисія, задали себѣ задачу дать средства адмиралу вести какъ большой флотъ, такъ и небольшую эскадру, и съ этою цѣлю составили правила и наставленія для построений значительнаго числа судовъ и нѣсколькихъ кораблей, идущихъ вмѣстѣ. Мысль вполне вѣрная и практически-полезная, потому что, по всей вѣроятности, грядущія морскія войны потребуютъ передвиженій большихъ флотовъ, подобно тому какъ мы это уже видѣли во время прошедшей австро-итальянской кампаніи. Поэтому, французская эволюціонная книга содержитъ въ себѣ двѣ разграниченныя серіи сигналовъ, изъ которыхъ въ одной заключаются средства для управленія флотомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ эскадръ, а въ другой даны способы для построений и перехода изъ ордера въ ордеръ отряда изъ ограниченаго числа кораблей. Скажемъ предварительно, прежде чѣмъ приступить къ общему обзору свода, что французы называютъ флотомъ соединеніе двѣнадцати судовъ и болѣе, а эскадрою—группу кораблей, число которыхъ менѣе двѣнадцати. Флотъ дѣлится всегда на три эскадры, нумерующіяся по порядку 1, 2, 3, а эскадры раздѣляются въ свою очередь на отдѣленія изъ двухъ или трехъ кораблей, смотря по общему числу судовъ, составляющихъ флотъ. Каждый корабль имѣетъ свой собственный, опредѣленный номеръ. Если главнокомандующій не составляетъ особенной легкой эскадры, или не формируетъ резерва, то третья эскадра состоитъ всегда изъ лучшихъ ходовыхъ и должна выполнять въ случаѣ надобности роль летучаго отряда для преслѣдованія отступающихъ частей противника, или для подкрѣпленія собственныхъ силъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требуется помощь. Корабль главнокомандующаго находится всегда около середины строя, а другія флагманскія суда около середины тѣхъ частей, которыя подчинены имъ. Разстоянія между кораблями полагаются въ обыкновенныхъ случаяхъ равными 2 кабельтовамъ, или 200 саженимъ. Суда поленгуютъ другъ у друга всегда гротъ-мачту.

Французы дѣлятъ свои эволюціонные строи на *простые* и *сложные*.

Простыми они называютъ строи фронта (черт. 1), кильватера (черт. 2) и пеленга (черт. 3), а сложными—строй двойнаго фронта въ шахматномъ порядкѣ (черт. 4), строй двухъ линій кильватера въ шахматномъ же порядкѣ (черт. 5) и строй двухъ линій пеленга, или строй клина (черт. 6). Кромѣ того, они принимаютъ еще сложные строи, составленные изъ эскадръ, число которыхъ равняется семи, а именно:

Строй фронта поэскадренно, эскадры въ линіяхъ кильватера въ прямомъ порядкѣ (черт. 7).

Строй фронта поэскадренно, эскадры въ линіяхъ кильватера въ обратномъ порядкѣ.

Строй фронта поэскадренно, эскадры въ строѣ клина (черт. 8).

Строй фронта поэскадренно, эскадры въ строѣ кучекъ (черт. 9).

Строй кильватера поэскадренно, эскадры въ строѣ фронта (черт. 10).

Строй кильватера по эскадренно, эскадры въ строѣ клина (черт. 11).

Строй кильватера по эскадренно, эскадры въ строѣ кучекъ (черт. 12).

Вотъ главныя основанія, которыя были приняты за базисъ коммисіею, составлявшею французскую эволюціонную книгу. Установивъ ихъ и объяснивъ нѣкоторыми замѣчаніями, она раздѣлила затѣмъ свой сводъ на четыре части, изъ которыхъ въ первую включила составленіе ордеровъ, во вторую увеличеніе и уменьшеніе разстояній между кораблями и эскадрами, въ третью—перемѣны курсовъ, начиная отъ одного румба и до 32-хъ, а въ четвертую—перестроенія изъ одного ордера въ другой. Я сдѣлаю легкій очеркъ этихъ четырехъ частей и затѣмъ, послѣ общаго заключенія изъ всего разсмотрѣннаго нами, окончу разборъ французской официальной эволюціонной книги, чтобы взглянуть на другія сочиненія, въ которыхъ разрабатывался тотъ же предметъ о морской тактикѣ и морскихъ эволюціяхъ.

Французы полагаютъ, что составленія паровыми кораблями строевъ не должны считаться эволюціями. Они думаютъ, что при той легкости, съ которою паровыя суда могутъ исполнять всевозможныя передвиженія, столь простое дѣйствіе какъ выстраиваніе ордера не нуждается ни въ наставленіяхъ, ни въ объясненіяхъ. Поэтому, при сигналахъ, которыми предписывается составленіе простаго ордера, они прикладываютъ только чертежъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Эта идея не можетъ назваться вполне справедливою; разумѣется, выстроить линію кильватера не трудно, точно также какъ можно построиться безъ особенныхъ наставленій и во фронтъ, но формированіе строевъ болѣе сложныхъ, и особенно составленіе ордеровъ изъ эскадръ, требуетъ правилъ и объясненій точныхъ, такъ какъ отъ этого зависитъ

правильность движеній флота и быстрота самаго дѣйствія. Очевидно, Буэ-Вильомецъ и его послѣдователи увлекались возможнымъ упрощеніемъ своего свода, сбереженіемъ мѣста на его страницахъ, доставленіемъ книгъ возможно меньшаго объема и другими подробностями, которыя обыкновенно одолѣваютъ почти всѣхъ составителей сигнальных, эволюціонныхъ и другихъ сводовъ, забывая, что лучше имѣть толстую, даже неуклюжую книгу, но за то быть въ состояніи исполнить по ней все, что потребуется, и дать отвѣтъ на случайности самыя разнообразныя. Толстая, богатая содержаніемъ книга тяготитъ лишь нѣсколько руки и отчасти обременяетъ карманъ, но за то отъ нея удобно флоту или эскадрѣ, которые находятъ въ ней то, что имъ нужно, и съ ея помощію въ минуты надобности легко побѣждаютъ затрудненія. Между тѣмъ тоненькая, укладывающаяся во всякій карманъ, но скудно снабженная внутри, книжечка, хотя и вызываетъ возгласы удовольствія у людей, мало знакомыхъ съ дѣломъ, но за то получаетъ нерѣдко на свою голову недобрыя пожеланія отъ флота, неполучающаго отъ нея отвѣта на самыя категорическія требованія.

Что же касается до увеличенія и уменьшенія разстояній между кораблями и эскадрами, то эта часть обработана довольно подробно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не съ тою ясностью и точностью, которыя необходимы для эволюціонныхъ наставленій. Вообще, офиціальная *Tactique navale* страдаетъ туманностью своихъ объясненій и чертежей, по которымъ командиръ, въ первый разъ принимающійся за эволюціи, въ большей части случаевъ положительно не можетъ выполнить сдѣланнаго адмираломъ эволюціоннаго сигнала. Французы слишкомъ много рассчитываютъ на индивидуальное развитіе и пониманіе предмета отдѣльными личностями, забывая, что чѣмъ болѣе соберется вмѣстѣ отдѣльныхъ пониманій при исполненіи какого нибудь дѣйствія, тѣмъ скорѣе возникаетъ безпорядокъ и нестройность въ движеніи, которое по своему назначенію особенно нуждается въ порядкѣ и стройности, т. е. качествахъ прямо противныхъ. Кромѣ того, неопредѣленность наставленій дѣлаетъ то, что эскадра исполняетъ ихъ недостаточно твердо и даже съ потерю времени,—обстоятельство, могущее невыгодно отозваться на ней въ виду приближающагося непріятели.

Третья часть пароваго отдѣла французской эволюціонной книги занимается переменною курсою эскадры, построеною въ томъ или другомъ ордерѣ, и можно сказать, что она обработана наименѣе удачно изъ всей *Tactique navale*. Коммисія, составлявшая ее, очевидно желала подвести ея параграфы подъ систему и достигла своей цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ создала рядъ правилъ, кото-

рия трудно превзойти относительно неудобства исполненія. Пере-
мѣны курса эскадрой образуютъ весьма важную и трудную часть
эволюцій пароваго флота, и поэтому требуютъ отъ составителей
внимательнаго и всесторонняго обсужденія создаваемыхъ приѣмовъ.
Ордеръ долженъ мѣнять свое направленіе быстро и стройно, чтобы
имѣть возможность проворно отвѣчать на всѣ передвиженія непрі-
теля. Если онъ будетъ мѣшкать, то смѣлый и лихо исполненный
натискъ противника можетъ застать его на половинѣ перестроенія
и повести эскадру къ критическому положенію. Между тѣмъ фран-
цузы, стремясь къ системѣ, не обратили должнаго вниманія на
это обстоятельство и основали всѣ свои эскадренныя перемѣны
курса на способѣ контръ-марша (черт. 13), который хотя и кажется
съ перваго взгляда самымъ простымъ и удобнымъ, но въ сущно-
сти составляетъ средство медленное и приводящее эскадру, при
большомъ числѣ судовъ, въ весьма невыгодныя положенія отко-
сительно непріятеля. Единственное исключеніе они дѣлаютъ для
строя одного и двухъ фронтовъ и допускаютъ для нихъ перемѣны
курса посредствомъ захожденія флангомъ (черт. 14), но и при
этомъ выказываютъ какую то неохоту или нерасположеніе къ этому
способу, потому что объясняютъ его въ приложенномъ наставленіи
глухо и съ оговорками, что въ большей части случаевъ метода
контръ-марша гораздо предпочтительнѣе. Сверхъ того, на одинъ
чертежъ перемѣны курса фронтомъ помощію захожденія они
даютъ двадцать чертежей для исполненія того же самаго посред-
ствомъ контръ-марша, что прямо доказываетъ увлеченіе ихъ этимъ
эволюціоннымъ приѣмомъ, неостановленное здравой и глубокою
критикою. Погоню свою за системою французы довели даже до
того, что заставляютъ эскадру, построенную въ три колонны,
мѣнять курсъ помощію контръ-марша, т. е. перестраиваютъ ее
сначала изъ трехъ линій въ одну, а потомъ изъ одной линіи снова
въ три на новый курсъ. То же самое они дѣлаютъ и съ тремя
фронтами, упрямо отказываясь отъ средствъ болѣе простыхъ и
быстрыхъ, посредствомъ которыхъ тѣ же маневры были бы испол-
нены вдвое скорѣе. Вообще, эта часть французской эволюціонной
книжки не только не заключаетъ въ себѣ данныхъ, стоящихъ
изученія, но и безъ всякаго сомнѣнія должна привести французскій
флотъ, при первыхъ серьезныхъ боевыхъ движеніяхъ въ виду не-
пріятеля, въ затруднительное положеніе, весьма выгодное для
его противника.

Четвертая часть французскихъ паровыхъ эволюцій, о переходахъ
изъ строя въ строй, самая объемистая, но выѣстъ съ тѣмъ и
самая неполная относительно того, чѣмъ бы ей слѣдовало быть

при надлежащей, всесторонней обработкѣ. Буэ-Вильомецъ, а за нимъ и коммисія, составлявшая эволюціи, приняли, что перестроенія должно дѣлать исключительно на тотъ же курсъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ число частныхъ перестроеній достигло бы слишкомъ крупной цифры. Буэ-Вильомецъ высказываетъ даже при этомъ довольно странную мысль, что при большомъ числѣ средствъ для переходовъ изъ строя въ строй, помѣщенныхъ въ эволюціонной книгѣ и, слѣдовательно, находящихся въ распоряженіи адмирала, тактическія правила рискуютъ быть поглощенными эволюціями. Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ почтеннаго французскаго адмирала заключается не серьезное убѣжденіе, а только желаніе нѣсколько оправдаться въ неисполненіи весьма важнаго, но продолжительнаго и тяжелаго труда. Кромѣ того, тутъ же проглядываетъ и боязнь увеличить объемъ эволюціонной книги, боязнь, какъ мы уже говорили, неосновательная и приводящая къ самымъ серьезнымъ неудобствамъ при первомъ переходѣ флота съ мирнаго на военное положеніе. Сверхъ того, въ этомъ отдѣлѣ французскихъ эволюцій не помѣщено нѣсколькихъ чрезвычайно важныхъ маневровъ. Напримѣръ, французы даютъ, и совершенно справедливо, большое значеніе строю двойнаго шахматнаго фронта, а сами не помѣстили въ своемъ сводѣ перестроенія изъ линіи кильватера въ двойной фронтъ, или изъ строя кильватера кучками въ двойной же фронтъ, т. е. не дали эскадрѣ средствъ прямо переходить изъ походныхъ строевъ въ боевые. Вообще, въ этой части французскихъ эволюцій есть много недомолвокъ и неясностей въ наставленіяхъ, прямое доказательство, что система эволюціоннаго свода не была первоначально съ достаточнымъ вниманіемъ обдумана и что французскіе адмиралы, составлявшіе ее, слишкомъ много шли на буксирѣ Буэ-Вильомеца, не обративъ вниманія на тѣ слова его въ *Batailles de terre et de mer*, гдѣ онъ говоритъ, что его проектъ эволюцій есть, главнымъ образомъ, инициатива въ новомъ дѣлѣ и потому естественно неполонъ и несовершененъ.

Оглядываясь назадъ и бросая общій взглядъ на то, что нами было сказано о французской эволюціонной книгѣ, мы видимъ, что тактическія понятія французовъ не вполне совпадаютъ съ ихъ эволюціонными средствами и что ихъ флотъ не всегда будетъ въ состояніи исполнять тѣ требованія, которыя онъ самъ же себѣ задалъ. Въ основаніяхъ его морской тактики видны стремленія храбраго, благороднаго на полѣ битвы народа, а въ элементахъ его морскихъ эволюцій замѣтны признаки неумѣнья глубоко вдумываться въ предметъ и обнимать его всесторонне—двѣ характе-

ристическія черты, проявляемыя во многомъ французскою націею. Поэтому, мы можемъ сравнить французскій флотъ со смѣлымъ бойцомъ, который имѣетъ много силы, чтобы бить, но вмѣстѣ съ тѣмъ мало знанія, чтобы искусно наносить и отражать удары. Если французы не передѣлають радикально своихъ эволюцій, то флотъ, менѣе сильный числомъ, но болѣе усвоившій себѣ новыя основанія эскадреннаго боя и разившій въ себѣ смѣлость въ предначертаніяхъ и рѣшимость въ исполненіи, можетъ взять перевѣсъ надъ сонмомъ ихъ *Gloire* и *Marengo*. Морскія эволюціи имѣють огромное значеніе при выполненіи тактическихъ плановъ. Если онѣ недостаточно обработаны, то легко можетъ случиться, что адмиралъ не найдетъ возможности къ выполненію самой вдохновенной идеи и съ горестью увидитъ какъ изъ его рукъ ускользаетъ побѣда. Точно также и при оборонѣ; слабо составленныя и отдѣланныя эволюціи не дадутъ въ тяжелую минуту отвѣта и вмѣсто того, чтобы сплотить эскадру въ соединенную твердую массу, приведуть ее къ хаосу, а слѣдовательно и къ пораженію. Въ такомъ положеніи находится и французскій флотъ со своими эволюціями. Готовый идти въ самый жаркій бой и думающій постоянно о славѣ, онъ не имѣетъ самаго главнаго—хорошихъ боевыхъ приемовъ, чтобы стяжать эту славу въ схваткѣ грудь съ грудью съ противникомъ. Онъ справедливо гордится тѣмъ, что его адмиралы первые сознали современную важность морской тактики и уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ приняли мѣры къ осуществленію ея новыхъ основаній, а между тѣмъ упрямятся признать, что теперь чужое стало лучше чѣмъ его собственное и стоитъ за свою отживающую *Tactique navale* 1857 года. Подобный порядокъ вещей ненормаленъ и долженъ привести къ одному изъ двухъ результатовъ—или къ проигрышу боя съ противникомъ, лучше обработавшимъ свои эволюціи, или же къ усиленной замѣнѣ стараго новымъ, непремѣнно съ напряженіемъ силъ и крайнею торопливостью. Нѣтъ сомнѣнія, что намъ удастся увидѣть или то, или другое и даже можетъ быть въ непродолжительномъ времени.

Недостатки французской эволюціонной книги, которые мы только что рассмотрѣли, не могли, разумѣется, ускользнуть и отъ самихъ французовъ, между которыми есть достаточно людей, способныхъ отстраняться отъ упрямыхъ мнѣній массы и глядѣть на предметы свѣтло и ясно. Авторъ «Битвъ на сушѣ и на морѣ», творецъ новыхъ паровыхъ эволюцій, тотъ же адмиралъ Буэ-Вильомецъ, первый смѣло отшатнулся отъ рутины и, будучи назначенъ, въ апрѣлѣ 1864 года, начальникомъ средиземно-морской эволюцион-

ной эскадры, въ августѣ того же года составилъ «Дополнительную тактику» для своей эскадры, которая въ мартѣ слѣдующаго 1865 года была напечатана и роздана всѣмъ офицерамъ, служившимъ подъ начальствомъ адмирала. Эта книга употреблялась французами въ продолженіи всего командованія Буэ-Вильомеца эскадрою и по ихъ отзывамъ дала блестящіе результаты во время практическихъ упражненій и въ продолженіе плаванія броненоснаго отряда изъ Тулона въ Портсмутъ и обратно лѣтомъ 1865 года.

Я сдѣлаю легкій разборъ этого сочиненія, которое достойно нашего вниманія по нѣкоторымъ хорошо обдуманнѣмъ и вѣрнымъ идеямъ. Первое, что бросается въ глаза въ немъ, также какъ и въ эволюціонномъ дополненіи къ «битвамъ на сушѣ и на морѣ», это искусство Буэ-Вильомеца сжато и ясно развивать новыя, справедливыя и блестящія мысли о морской тактикѣ и неумѣнье дать имъ средства осуществиться на дѣлѣ помощію эволюцій, которыя, между тѣмъ, прямо назначаются авторомъ для этой цѣли. Буэ-Вильомецъ въ своей *Tactique supplémentaire* выяснилъ главныя основанія новаго эскадреннаго боя и затѣмъ возымѣлъ невыполнимую мысль дать средства къ его осуществленію при помощи двадцати эволюцій и пяти строевъ, изъ которыхъ три принадлежать къ числу походныхъ. Мы сначала взглянемъ на новыя тактическія мысли французскаго флотоводца и затѣмъ уяснимъ себѣ ту степень пользы, которую принесъ его трудъ морской боевой наукѣ. Этимъ способомъ значеніе новаго эволюціоннаго руководства обрисовуется само собою и укажетъ намъ до какой степени онъ прибавилъ боевой силы французскому флоту.

«Неброненосное судно, говоритъ Буэ-Вильомецъ во вступленіи къ своей «дополнительной тактикѣ», могущество котораго состоитъ въ артиллеріи, расположенной по обѣимъ бортамъ, а не въ ударѣ форштевня, бываетъ въ одно и то же время сильнѣе и менѣе уязвимо сбоку, чѣмъ спереди, такъ какъ непріятельскіе снаряды, проникая въ него продольно, чрезъ носовую часть, производятъ по всей длинѣ его гораздо болѣе убійственнаго дѣйствія, чѣмъ попадая въ него поперечно, по ширинѣ его.

«Броненосное судно, главная сила котораго заключается въ ударѣ штевнемъ и у котораго порта составляютъ самыя уязвимыя точки, напротивъ того, находитъ для себя выгоднымъ обращать къ непріятелю скорѣе носовую часть свою, чѣмъ бортъ.

«Изъ этого слѣдуетъ, что строй фронта, имѣющій для неброненосныхъ судовъ только значеніе приготовительнаго ордера къ атакѣ, можетъ сдѣлаться для броненоснаго флота настоящимъ строемъ для нападенія.

«Изъ этого слѣдуетъ также, что во время перестроеній, исполняемыхъ броненоснымъ флотомъ въ виду непріятеля, слѣдуетъ употреблять такія движенія, при которыхъ носовыя части судовъ обращались бы къ непріятелю прямо или наклонно, предпочтительно предъ тѣми, которыя принуждаютъ ихъ подставлять свой бортъ по траверсу; однимъ словомъ, замѣнять пути по ломанной линіи путями по прямому направленію.

«Маневрируя такимъ образомъ, суда броненоснаго флота не только подставляютъ непріятельскимъ снарядамъ и шпиронамъ только свои скользящія формы, вмѣсто болѣе уязвимыхъ бортовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сами постоянно имѣютъ возможность дѣйствовать шпиронами, если къ тому представится случай во время эволюцій.

«При замѣнѣ методы путей по ломанной линіи методомъ путей по прямому направленію, число перестроеній, равно какъ и число сигналовъ, уменьшается на половину, что ведетъ за собою значительное ея упрощеніе; кромѣ того, этимъ способомъ устраняется возможность столкновеній между судами, которыя могутъ имѣть мѣсто при перпендикулярности двухъ путей, имѣющихъ видъ ломанной линіи.

«Чѣмъ болѣе броненосный флотъ, при сближеніи съ непріателемъ, будетъ сгруппированъ такъ, чтобы помѣшать непріятельской атакѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть возможность самому начать нападеніе, или только показать видъ, что желаетъ предпринять его, тѣмъ болѣе этотъ приготавительный строй будетъ рационаленъ, въ особенности, если онъ позволяетъ завязать дѣло въ превосходныхъ силахъ съ частью непріятельскаго флота.»

Вотъ главныя новости, которыя Буэ-Вильомецъ провозгласилъ необходимыми для флота, составленнаго изъ броненосцевъ; надо отдать справедливость французскому адмиралу, что слова его также вѣрны, какъ и тѣ тактическія основанія, которыя онъ впервые выяснилъ въ своихъ *Batailles de terre et de mer*. Постановка шпироннаго эскадреннаго боя на первое мѣсто и согласованіе съ этимъ всѣхъ подробностей эволюціоннаго свода заслуживаютъ хвалы со стороны специалистовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ пышныя фразы, которыми поклонники Буэ-Вильомеца, подъ обаяніемъ его талантовъ, захотѣли превознести «дополнительную тактику» и дать ей исключительное значеніе въ минуты передъ боемъ, какъ мнѣ кажется, далеко неосновательны. Эта тактика разрабатываетъ главнымъ образомъ строй кильватера и фронта кучками и даетъ средства переходить изъ нихъ въ боевой ордеръ фронта и обратно, чего, какъ мы видѣли, офиціальная эволюціонная книга не дѣлаетъ.

Что же касается до идеи о строях кучками, то она великодушна въ примѣненіи къ походу, къ плаванію эскадръ въ открытомъ морѣ, но по моему мнѣнію несостоятельна въ боевомъ смыслѣ, при употребленіи какъ ордера для вступленія въ битву. Новые флоты требуютъ для боя сжатыхъ строевъ, отъ которыхъ непріятель не могъ бы оторвать ни одной части и которые представляли бы со всѣхъ сторонъ непреступную, сплошную массу, готовую пустить противника ко дну, или ударами шпироновъ, или градомъ огромныхъ снарядовъ. Основанія нынѣшней сухопутной тактики непримѣнимы къ боевымъ приемамъ нашихъ морскихъ силъ. Цѣль, составленная изъ кучекъ, есть одно изъ лучшихъ употребленій войска на берегу, потому что сберегаетъ людей отъ артиллерійскаго и ружейнаго огня непріятеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ полное развитіе нашему собственному дѣйствію изъ огнестрѣльнаго оружія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ строй невозможенъ при штыковомъ натискѣ густыхъ массъ непріятельской пѣхоты, который неминуемо долженъ повести къ поочередному истребленію важной кучки. Мы на флотѣ, съ нашими современными судами, перестали теперь походить на человѣка, входящаго въ составъ стрѣльцоваго звена въ пѣли застрѣльчиковъ. Снаряды пока перестали для насъ быть опасными въ большей части случаевъ; наши опасенія возбуждаетъ теперь быстрая атака шпироносцевъ, способная разорвать все, что не тѣсно и не близко связано между собою, и разбить которую можетъ только сжатая во-едино масса броненосцевъ. Поэтому, строй кучками, какъ фронта, такъ и кильватера, не можетъ считаться боевымъ, не будучи обезпеченъ отъ разрыва и раздробленія на отдѣльныя части. Я не думаю даже, что Буэ-Вильомецъ серьезно думалъ придать разработаннымъ имъ строямъ кучекъ стратегическое значеніе. Я полагаю, что онъ просто искалъ болѣе простыхъ средствъ, чтобы съ удобствомъ водить свою эскадру въ открытомъ морѣ, при всѣхъ обстоятельствахъ дня и ночи. Какъ походный строй, ордеръ кучекъ безподобенъ, и мы русскіе, по всей вѣроятности, будемъ исключительно его придерживаться во время плаваній, — разумѣется, разработавъ еще болѣе и подведя наставленія Буэ-Вильомеца подъ наши собственные основанія. Что хорошо въ этомъ ордерѣ, такъ это отсутствіе утомительныхъ правилъ равенія и облегченіе для механиковъ, которымъ нѣтъ надобности слѣдить за своими механизмами съ тою строгостью, которая бываетъ необходима при плаваніи напримѣръ въ строй кильватера, или въ ордеръ фронта. «Дополнительная тактика» Буэ-Вильомеца, изъ двадцати перестроеній, заключающихся въ ней, удѣляетъ четырнадцать, т. е. почти три четверти,

на долю строя кучекъ, — лучшее доказательство, что французскій адмиралъ изданіемъ своей книжки хотѣлъ главнѣйше достигнуть болѣе широкаго употребленія во флотѣ любимаго имъ ордера, при чемъ воспользовался своимъ назначеніемъ командира эволюціонной эскадры. Что же касается до введенія въ «Дополнительной тактикѣ», которое я сообщилъ вамъ передъ этимъ, и которое повидимому подготавливаетъ къ принятію новыхъ, вполне боевыхъ эволюцій, то на него должно смотрѣть главнѣйше какъ на желаніе высказаться, употребившее въ свою пользу столь удобный случай какъ изданіе тактической книжки для броненоснаго флота, и тѣмъ поддержавшее еще болѣе авторитетъ ея сочинителя, пріобрѣтшаго обаяніе на флотѣ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и должно искать объясненія, почему тактическія идеи Буэ-Вильомеца не могутъ быть выполнены при помощи его же собственныхъ эволюцій, слишкомъ узкихъ для той широкой рамки, въ которую хотятъ вмѣстить ихъ. Такимъ образомъ, приходя къ окончательному заключенію, мы видимъ, что *Tactique supplémentaire* Буэ-Вильомеца придала французскому флоту болѣе удобства для переходовъ изъ порта въ портъ, сообщила офицерамъ нѣсколько новыхъ блестящихъ идей объ ихъ военной профессіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень мало содѣйствовала приращенію боевой силы броненосныхъ эскадръ, которыя остались по прежнему со своими построеніями на тотъ же курсъ, и при полномъ отсутствіи критики во всѣхъ подробностяхъ ихъ эволюціонной книги.

Этимъ мы окончимъ нашъ обзоръ французскихъ сочиненій о морской тактикѣ и эволюціяхъ и перейдемъ къ разсмотрѣнію того же самаго у англичанъ, издавна стяжавшихъ себѣ славу лучшихъ мастеровъ во всемъ, что касается до морскаго дѣла. Но на этотъ разъ первый флотъ въ мірѣ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ, относительно разбираемаго нами предмета морскихъ эволюцій. Этотъ вопросъ находился донинѣ, да можно сказать — находится и теперь, въ какомъ-то хаотическомъ состояніи. Англійскіе морскіе офицеры, за весьма небольшими исключеніями, обрѣтаются въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что такое морскія эволюціи. Они очень откровенно и съ нѣкоторою наивностью сознаются, что ничего не смыслятъ въ нихъ. Даже адмиралы на публичныхъ лекціяхъ, трактующихъ про тактическіе вопросы, высказываются о своей полной несостоятельности по этому предмету. Только нѣсколько личностей, отдѣляющихся отъ другихъ какъ яркія звѣзды на темномъ небѣ, дѣятельно занимаются тактикою и эволюціями, стараясь вразумлять другихъ и не скрывая живаго безпокойства, чтобы подобный важный пробѣлъ въ боевой орга-

низацин флота не окончился-бы для Англіи событіемъ, могущимъ омрачить славу ея флага.

Въ настоящее время англійское адмиралтейство дѣятельно хлопотеть о томъ, чтобы британскій флотъ имѣлъ сводъ эволюцій, стоящій на уровнѣ современныхъ тактическихъ потребностей. Въ чемъ будутъ заключаться главныя черты этой эволюціонной книги мы посмотримъ далѣе, теперь же я представлю вамъ то, что имѣютъ англичане въ эту минуту и какія средства находились бы въ рукахъ ихъ адмираловъ, если бы Англіи вдругъ понадобилось пустить въ бой свои флоты. Англичане имѣютъ теперь въ своей эволюціонной книгѣ строй одной, двухъ и трехъ колоннъ, безъ средствъ для перехода изъ одного изъ этихъ ордеровъ въ другой; затѣмъ сигналы для выстраиванія четырехъ и даже девяти колоннъ, которые, впрочемъ, никогда не дѣлаются, такъ какъ сводъ не объясняетъ какимъ образомъ должно выполнять эти построенія. Кромѣ того, у англичанъ есть еще одна линія фронта, одна линія келенга и двойная линія келенга—и затѣмъ больше ничего. Капитаны и офицеры старой школы находятъ, что этого вполне достаточно, опираясь главнѣйше на средства нужныя для крейсерства и переходовъ и забывая окончательно, что современный морской бой не носить на себѣ и тѣни прошедшаго времени. Оспаривать подобное мнѣніе, разумѣется, никто не станетъ, нелѣпость его очевидна и остается только жалѣть, что такіе неподобныя моряки, какъ англійскіе командиры, могутъ смотрѣть на вещи узко и безъ желанія расширить свой кругозоръ. Сверхъ нищеты строевъ, англійская эволюціонная книга блещетъ еще чрезмѣрною путаницею въ дѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ флота. Въ настоящее время флотъ дѣлится на двѣ дивизіи, а каждая дивизія на двѣ субъ-дивизіи, или на три эскадры, а каждая эскадра на три субъ-эскадры. Такимъ образомъ, субъ-дивизія и субъ-эскадра совершенно различныя вещи и согласовать ихъ между собою въ высшей степени трудно. Кромѣ того, кажется страннымъ, почему половина флота дѣлится только на двѣ части, а треть флота на три. Подобный порядокъ дѣлъ приводитъ къ тому, что въ настоящее время англійскій флотъ не имѣетъ возможности перестраиваться изъ двухъ колоннъ въ три и обратно—фактъ, которому какъ-то не хочется вѣрить, не смотря на всю его достовѣрность.

Характеръ того эволюціоннаго свода, который Англія готовитъ для себя въ настоящее время, выясняется изъ статьи комендера Пеллю, помѣщенной въ декабрьской книгѣ прошлаго года журнала Общества соединенныхъ службъ. Офицеръ этотъ долго служилъ флагъ-лейтенантомъ у адмирала сэра Вилліама Мартена,

въ то время какъ онъ командовалъ средиземно-морскимъ флотомъ. Адмиралъ Мартенъ, во время своего пребыванія въ Средиземномъ морѣ обратилъ большое вниманіе на эволюціи пароваго флота и, имѣя у себя подъ начальствомъ 28 винтовыхъ линійныхъ кораблей съ приличнымъ числомъ фрегатъ и мелкихъ судовъ, обладалъ, разумѣется, достаточными средствами, чтобы испытывать всевозможные способы построений и перестроевъ. Въ 1863 году адмиралъ Мартенъ представилъ адмиралтейству полный проектъ эволюцій, который былъ переданъ въ комиссію, учрежденную для составленія новой сигнальной книги, а комиссія почти цѣликомъ приняла его и сдѣлала официальнымъ эволюціоннымъ сводомъ. Въ настоящее время этотъ сводъ печатается и Англія собирается послать свою эскадру Британскаго канала въ Мальту, чтобы та, совмѣстно со средиземно-морскимъ флотомъ, приучалась къ новымъ маневрамъ. Коммендеръ Пеллю принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ адмирала Мартена и такъ какъ его статья посвящена разъясненію эволюціонныхъ основаній, выработанныхъ въ Средиземномъ морѣ, то можно сказать безошибочно, что она описываетъ главныя черты эволюціонной книги, нынѣ принимаемой британскимъ флотомъ.

Новая англійская эволюціонная книга нѣсколько измѣняетъ дѣленіе флота на части. Она раздѣляетъ значительныя морскія силы, держащіяся вмѣстѣ, на шесть субъ-дивизій, изъ которыхъ три составляютъ дивизію, а двѣ—эскадру. Этимъ способомъ англичане надѣются устранить тѣ неудобства въ дѣленіи флота, которыя существуютъ теперь и, кромѣ того, видятъ въ немъ лучшее отраженіе собственныхъ понятій о походныхъ строяхъ флота. Они не заражаются убѣжденіемъ своихъ сосѣдей, французовъ, что линія кильватера есть самый неудобный строй для похода, а напротивъ того, говорятъ рѣшительно, что флоту во время плаванія должно строиться въ одну, двѣ или три линіи кильватера, смотря по числу судовъ, его составляющихъ. Они считаютъ даже полезнымъ строиться при извѣстныхъ обстоятельствахъ въ шесть колоннъ, находя дѣленія флота на мелкія части необходимымъ ради удобства во время передвиженія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ они полагаютъ разстояніе между колоннами равнымъ длинѣ колоннъ, объясняя это странное нововведеніе довольно туманно тѣмъ, что это облегчитъ маневрированіе флота. Построенія въ одну, двѣ, три и шесть колоннъ англичане думаютъ принять главными строями, называя ихъ первымъ, вторымъ, третьимъ и четвертымъ ордерами. Поворачивая эти четыре строя вправо или влево на 8 румбовъ, они получаютъ строи одного, двухъ, трехъ

и шести фронтовъ, которые тоже называютъ первымъ, вторымъ, третьимъ и четвертымъ порядкомъ, но уже втораго класса. Точно также они поступаютъ и для превращенія своихъ четырехъ кильватерныхъ строевъ въ строи пеленга, и тогда придаютъ имъ названія третьаго класса. Единственнымъ добавочнымъ порядкомъ, неподчиняющимся этой системѣ, англичане считаютъ строй клина. Четыре главные строя перваго и втораго класса даютъ возможность сдѣлать 112 перестроеній изъ одного порядка въ другой при помощи только восьми сигналовъ, и эта малосложность въ высшей степени радуетъ англичанъ, доказывающихъ такимъ образомъ, что они не имѣютъ вѣрнаго понятія о боевомъ значеніи морскихъ эволюцій.

Для того, чтобы видоизмѣнить свои четыре главные ордера, дѣлать изъ нихъ перестроенія и вообще примѣнять къ различнымъ обстоятельствамъ, англичане предполагаютъ ввести въ свою эволюціонную книгу слѣдующіе семь способовъ маневрированія.

- 1) Перемѣнить строй помощію фланговаго движенія.
- 2) Перемѣнить классъ ордера, т. е. перейти изъ перваго класса во второй и обратно, посредствомъ захожденія около точки, избранной поворотною.
- 3) Перемѣнить курсъ, оставаясь въ томъ же строѣ, помощію фланговаго движенія.
- 4) Перемѣнить курсъ, оставаясь въ томъ же строѣ, посредствомъ захожденія около точки, избранной поворотною.
- 5) Перемѣнить положеніе двухъ колоннъ.
- 6) Извратить порядокъ кораблей въ колоннѣ, и
- 7) Увеличить или уменьшить разстоянія между колоннами или кораблями.

Фланговымъ движеніемъ англичане называютъ всякое движеніе, направленное въ сторону отъ курса, по которому идетъ эскадра. Напримѣръ, чтобы изъ линіи кильватера перейти въ строй двухъ колоннъ, они заставляютъ переднюю половину линіи поворотить на 8 румбовъ вправо или влево, отойти въ сторону на разстояніе, равное ея длинѣ и затѣмъ снова поворотить на старый курсъ (черт. 15). Маневръ передней половины линіи есть, такимъ образомъ, фланговое движеніе. Точно также, чтобы выстроить изъ линіи кильватера ордеръ трехъ фронтовъ поэскадренно, англичане поворачиваютъ каждую эскадру контръ-маршемъ на 8 румбовъ отъ курса и затѣмъ снова возвращаются на прежнее направленіе (черт. 16). Это есть также фланговое движеніе. Тотъ и другой изъ рассмотрѣнныхъ нами случаевъ они называютъ измѣненіемъ строя помощію фланговаго движенія. Англичане надѣются этимъ

способомъ совершенно устранить необходимость уменьшать ходъ и останавливать машину во время перестроенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, они упускаютъ изъ виду, что при подобной методѣ маневрированія эскадра нуждается въ очень большомъ просторѣ, особенно при ихъ непомерно длинныхъ судахъ. Въ узкостяхъ фланговья движенія невозможны, а между тѣмъ, флоту всегда можетъ представиться необходимость перейти изъ одной линіи въ двѣ, или изъ одной колонны въ два и три фронта. Если бы англійскому флоту пришлось когда-либо штурмовать узкій проходъ и во время самаго движенія перестроиться изъ одной линіи въ двѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что, обладая только способомъ флангового движенія, онъ былъ бы въ положительной невозможности исполнить этотъ маневръ.

Второй способъ перестроеній, принимаемый англійскою эволюціонною книгою, есть, такъ называемое, «измѣненіе класса ордера помощію захожденія около поворотной точки». Я въ короткихъ словахъ опишу главную идею этой эволюціонной методы. Одно изъ судовъ строя назначается быть точкою вращенія, такъ сказать, шалнеромъ, около котораго ордеръ долженъ измѣнить свой видъ, или румбъ равненія, оставаясь на томъ же курсѣ. Это судно по сигналу уменьшаетъ ходъ, а другія вступаютъ послѣдовательно, относительно его, на указанное направленіе. Подобный способъ маневрированія, можно сказать, почти бесполезенъ, да и сами англичане считаютъ нужнымъ употреблять его только при легкихъ видоизмѣненіяхъ строя пеленга, какъ судового, такъ и эскадреннаго. Эта эволюціонная метода имѣетъ нѣкоторое сходство съ нашимъ собственнымъ способомъ заворачиванія линіи кильватера съ тою только разницею, что нашъ маневръ имѣетъ цѣлю мѣнять направленіе колонны, оставляя ее на томъ же мѣстѣ, и слѣдовательно, есть драгоценность въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ нужно держаться въ узкостяхъ, въ то время, какъ англійское перестроеніе есть ничто иное какъ лишній аксессуаръ въ книгѣ, годный для удовлетворенія прихотей начальника флота, но мало полезный для настоящаго дѣла.

Мы взглянемъ теперь на третій способъ англійскихъ перестроеній, который англичане называютъ «измѣненіемъ курса въ ордерѣ помощію флангового движенія». Эта метода назначается ими для перемѣнъ курса болѣе чѣмъ на четыре или пять румбовъ и преимущественно для тѣхъ случаевъ, когда строй долженъ остаться въ томъ же относительномъ положеніи, въ которомъ былъ прежде, т. е. не измѣняя фланговъ, мѣста колоннъ, порядка судовъ въ линіяхъ и проч. Вмѣсто долгихъ объясненій сущности этой эво-

люціонной методы, лучше всего будетъ представить примѣръ одного изъ подобныхъ перестроеній, который наглядно объяснитъ идею англичанъ (черт. 17). Положимъ, что эскадра идетъ на юрдъ, построившись въ двѣ колонны, и что ей нужно переимѣнить курсъ на 80 помощію флангового движенія, произведеннаго влѣво отъ новаго курса. Для этого головной корабль правой колонны, а за нимъ послѣдовательно и всѣ суда его колонны, поворачиваютъ на румбъ, лежащій на 8 румбовъ влѣво отъ курса, т. е. на NO; въ то же самое время, головной лѣвой колонны поворачиваетъ точно такимъ же образомъ на 8 румбовъ вправо отъ своего курса, т. е. на O, уравнивая свой ходъ такимъ образомъ, чтобы пройти прямо подъ кормою задняго корабля правой колонны. Въ этотъ моментъ адмиралъ дѣлаетъ сигналъ «курсъ 80», оба головные поворачиваютъ на новый курсъ и колонны выстраиваются, помѣнявшись, впрочемъ, положеніями, т. е. прежняя правая дѣлается новою лѣвою, и обратно—лѣвая становится правою. Англичане полагаютъ, что этотъ способъ поворачиванія двухъ колоннъ есть самый быстрый, но мы отложимъ разборъ его до второй бесѣды нашей, когда путемъ сравнительныхъ изслѣдованій различныхъ методовъ—русской, французской и англійской, мы выяснимъ себѣ взглядъ на лучшій пріемъ этого маневра и, слѣдовательно, составимъ вѣрную оцѣнку англійскаго способа перемѣны курса въ сложныхъ строяхъ помощію флангового движенія.

Что же касается до четвертаго способа перестроеній, проектируемаго англичанами, т. е. «измѣненія курса помощію захожденій», то онъ имѣетъ сходство съ нашею собственною методою исполнять этотъ маневръ, за исключеніемъ развѣ того, что русскій способъ захожденій несравненно лучше разработанъ и обдуманъ, чѣмъ англійскій. Мы къ нему также вернемся впослѣдствіи и тоже помощію сравнительнаго разбора выяснимъ себѣ его относительные недостатки.

Остальные три метода маневрировать, помѣщенные въ англійскую эволюціонную книгу, т. е. «перемѣну положеній двухъ смѣжныхъ колоннъ», «извращеніе порядка судовъ въ линіяхъ» и «уменьшеніе и увеличеніе разстояній», я не стану описывать здѣсь, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего новаго и, кромѣ того, всѣ онѣ основаны на пріемахъ, легко объясняемыхъ безъ помощи чертежей и указаній. Мы лучше взглянемъ теперь слегка на тѣ средства, помощію которыхъ англичане думаютъ гарантировать порядокъ и стройность въ своихъ построеніяхъ. Этотъ важный элементъ морскихъ эволюцій новый англійскій сводъ думаетъ установить помощію кораблей-*уравнителей*, служащихъ главнымъ

образомъ основными точками для равненія строевъ, и путемъ принятія одного радіуса для вращенія всѣхъ кораблей эскадри. Первая изъ этихъ идей вполне самостоятельная, а вторая—заимствованная у насъ, русскихъ. Мысли вполне вѣрныя, которыя должны привести къ желаемому результату. Жаль только, что англичане не доводятъ систему однообразнаго эскадреннаго радіуса до конца и, вмѣсто того, чтобы приучить всѣ суда въ строѣ вращаться по одному, общему для всѣхъ радіусу, они заставляютъ вращаться по нему лишь корабли уравнители, а всѣ остальные должны только къ нимъ принаравливаться. Впрочемъ, по всей вѣроятности, практика понудитъ англичанъ къ окончательному принятію общаго радіуса для каждаго отдѣльнаго судна въ строѣ, такъ какъ, по моему мнѣнію, несравненно лучше и безопаснѣе дѣйствовать прямо по опредѣленному правилу, слѣдуя по извѣстному пути, чѣмъ сообщаясь съ движеніями сосѣда, или съ маневрами корабля, можетъ быть, довольно удаленнаго, закрытаго дымомъ, невидимаго ночью и проч.

Дѣлая общее заключеніе изъ всего вышесказаннаго, задавая себѣ вопросъ—въ какомъ состояніи находится дѣло морскихъ эволюцій въ Англіи, невольно отвѣчаешь себѣ, что британскіе моряки блуждаютъ во тьмѣ и, увлекаясь кажущейся простотою, создаютъ для себя путаницу. Вмѣсто тѣснаго, сосредоточеннаго строя, они готовятъ для своего флота построенія въ шесть колоннъ, вмѣсто быстрыхъ перестроеній изобрѣтаютъ фланговые движенія, вмѣсто сжатости ордера принимаютъ разстояніе между линіями равнымъ длинѣ линій. Построеній съ переменною курса у нихъ нѣтъ вовсе, а всѣ подобныя движенія производятся съ помощію двухъ и трехъ сигналовъ, — ошибка капитальная, существующая впрочемъ и у французовъ. И все это происходитъ отъ того, что нѣтъ главной, коренной идеи въ системѣ построеній, — не выработано общихъ законовъ, столь необходимыхъ для эволюцій и безъ которыхъ трудно осуществимы быстрота и точность ихъ. Подобнаго факта было весьма трудно ожидать отъ англичанъ, людей положительных и всегда глубоко вдумывающихся въ разрабатываемый предметъ. Поэтому я полагаю, что эволюціонная книга, которая готовится теперь для британскаго флота и устройство которой я описалъ въ общихъ чертахъ, не будетъ долговѣчною и замѣнится другимъ, болѣе правильно обдуманномъ руководствомъ.

Впрочемъ, въ англійскомъ флотѣ есть коренной порокъ, мѣшающій многому хорошему—это рутинерство и выходящая изъ границъ любовь къ старинѣ. Подобныя качества, можетъ быть, очень хороши въ политикѣ, гдѣ любовь къ своему и къ преданіямъ

прошлаго составляет главные черты, вырисовывающія національный характер,—но въ вопросахъ техническихъ онѣ положительное зло, губящее развитіе науки. Разработка новыхъ морскихъ эволюцій не можетъ назваться дѣломъ популярнымъ въ британскомъ флотѣ; онѣ увлекается своими традиціями и съ гордостію говорить, что вся тактика Нельсона состояла въ томъ, чтобы сблизиться съ непріятелемъ на пистолетный выстрѣлъ, а до этого можно достигнуть и теперь безъ всякихъ эволюцій. Поэтому новыя начала морской тактики туго входятъ въ сознаніе англійскихъ моряковъ, къ радости рутинистовъ и большому горю передоваго кружка офицеровъ, глубже вдумывающихся въ дѣло, чѣмъ ихъ сотоварищи. Вотъ слова одной изъ подобныхъ личностей, хорошо обрисовывающія положеніе морской тактики въ Англіи и крожъ того примѣнимыя, по своей правдѣ, къ постановкѣ этого вопроса повсюду, гдѣ бы то ни было. «Не смотря на то, что у насъ будетъ достаточно эволюцій для выбора и исполненія, тѣмъ не менѣе есть основаніе опасаться за ихъ несостоятельность въ виду непріятеля. Потому что, вмѣсто того, чтобы быть въ состояніи взять изъ книги эволюціи, хорошо вамъ и другимъ знакомыя, вы увидите вдругъ себя и другихъ на неизвѣстной для васъ почвѣ. Тогда можетъ случиться, что ваши тараны будутъ наводиться не тамъ, гдѣ нужно, и у васъ не будетъ времени, чтобы перевести ихъ на должное мѣсто. Или же вашъ строй будетъ слишкомъ растянутъ и у васъ не хватитъ времени, чтобы сомкнуть его. Наконецъ, когда въ-торопяхъ вы рѣшитесь на кое-какія передвиженія, то увидите, что схватитесь именно за эволюціи, которыхъ прежде тщательно избѣгали. Въ то же самое время суда пойдутъ въ ордеръ такъ, какъ будто имъ никогда не было извѣстно съ которымъ кораблемъ сообразоваться, при чемъ каждая колонна уменьшитъ ходъ, боясь перегнать одна другую. Тогда же вы замѣтите, что какъ ни ловки ваши сигнальщики, но сигналы не дѣлаются съ достаточною быстротою; въ то же время флаги случайно запутаются, или лягутъ на стеньгу и вамъ придется смотрѣть вверхъ почти съ такимъ же недоумѣніемъ, какъ и вашей сигнальной командѣ. За тѣмъ, головной корабль забудетъ приложить полтора румба девиаціи, принадлежащей его компасамъ, или же сдѣлаетъ это, да не въ ту сторону. Вы пробуете сдѣлать еще нѣсколько сигналовъ, но конецъ уже насталъ, время не позволяетъ дальнѣйшихъ перестроеній; въ отчаяніи вы поднимаете послѣдній сигналъ о боѣ на пистолетный выстрѣлъ, даете полный ходъ и полагаете всю надежду на счастье и помощь Провидѣнія.»

Слова эти справедливы и хорошо обрисовываютъ положеніе

флота, неумѣющаго маневрировать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ звучитъ та глубокая скорбь, которую чувствуютъ нѣкоторые изъ молодыхъ англійскихъ офицеровъ, слѣдящіе за наукою и потому понимающіе хаосъ, который царствуетъ въ умахъ британскихъ моряковъ относительно лучшихъ приѣмовъ морскаго боя. Они нисколько не скрываютъ, что если не будетъ принято крутыхъ мѣръ и сдѣлано существенныхъ измѣненій въ нынѣшней боевой подготовкѣ эскадръ, то англійскій флотъ рискуетъ встрѣтить поражение вмѣсто привычной побѣды. Вмѣстѣ съ тѣмъ они проповѣдываютъ принятіе шпиронной атаки въ основаніе всѣхъ тактическихъ соображеній и даютъ второстепенное значеніе артиллеріи. Все это основательно и глубоко обдумано, но не всѣми признается справедливымъ и встрѣчаетъ глухую, но упорную оппозицію, основанную на преданіяхъ прошлаго, а главное — на скудости образованія и привычки думать. Французы не даромъ считаютъ организацію своихъ эскадръ выше англійской и надѣются во время боя затмить искусство своихъ прежнихъ побѣдителей. Факты покажутъ на сколько справедливы опасенія англичанъ и надежды французовъ, а мы, русскіе, скажемъ, что та сторона будетъ сильнѣе, гдѣ ярче свѣтитъ наука и гдѣ общество моряковъ дружище вырабатываетъ свое развитіе и спеціальныя познанія.

Изложивъ состояніе тактическихъ и эволюціонныхъ вопросовъ во Франціи и Англіи, мнѣ почти ничего не остается сказать про положеніе того же самаго въ другихъ странахъ. Флотъ Соединенныхъ Штатовъ не имѣетъ эволюцій, потому что до сихъ поръ не нуждался въ нихъ, не смотря на колоссальную войну, въ которой еще недавно принималъ участіе. Морская литература его имѣетъ одно сочиненіе, касающееся до эволюцій — «Тактику» лейтенанта Паркера, но это сочиненіе очень слабое и безъ всякой сколько нибудь серьезной обработки предмета. Главная мысль автора заключается въ томъ, чтобы примѣнить построенія, совершаемыя войскомъ на берегу, къ маневрамъ флота на морѣ. Паркеръ дѣлаетъ это произвольнымъ образомъ, не согласуясь ни съ законами вращенія судовъ, ни съ необходимою экономіею во времени. Наставленія, приложенныя къ чертежамъ, недостаточно полны и ясны, а самые чертежи составлены безъ внимательной разработки предмета. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы американскій флотъ почувствовалъ необходимость въ морскихъ эволюціяхъ, то онъ явился бы, подобно тому какъ были созданы мониторы и вообще броненосный флотъ Соединенныхъ Штатовъ, но пока этого нѣтъ, мы можемъ сказать, что американцы находятся въ полнѣйшей неспособности

исполнять требованія морской тактики и рѣшительно не готовы къ эскадренному бою.

Изъ другихъ европейскихъ государствъ, сколько мнѣ извѣстно, Австрія имѣетъ сводъ морскихъ эволюцій, а Италія теперь заводится имъ. И тотъ, и другой составляютъ сколокъ съ французской *Tactique navale*. По странной игрѣ случая, двумъ флотамъ, которые менѣе всего принимали участія въ разработкѣ эволюціонныхъ и тактическихъ вопросовъ, пришлось первымъ доказать подъ Лиссою всю степень ея необходимости.

Оглядываясь назадъ, вспоминая все то, что нами было замѣчено во время разбора эволюціонныхъ книгъ и тактическихъ идей, принадлежащихъ французскому и англійскому флотамъ, мы видимъ, что на западѣ предметъ морскихъ эволюцій еще далеко не достигъ совершенства и не заключаетъ въ себѣ тѣхъ необходимыхъ составныхъ элементовъ, которые дѣлаютъ маневрированіе средствомъ къ пріобрѣтенію побѣды. Ни французскій, ни англійскій эволюціонные своды не въ состояніи дать отвѣта на все то, что можетъ отъ нихъ потребовать геній адмирала предъ вступленіемъ въ битву. И тотъ, и другой несостоятельны относительно характера и условій современнаго эскадреннаго боя. Они не даютъ флоту возможности быть въ высокой степени подвижнымъ, бросаться въ атаку на всѣ румбы компаса и быть готовымъ отразить нападеніе, съ которой точки горизонта оно ни шло-бы. Поэтому, ни французскій, ни англійскій флоты не имѣютъ права считать себя вполне организованными для сраженія въ эскадрѣ и могутъ встрѣтить противника, который подготовитъ для себя оружіе, гораздо лучшее, чѣмъ ихъ собственное.

Что же касается до тактическихъ идей, то мы видѣли также, что изъ французскихъ военныхъ моряковъ почти всѣ поголовно, а изъ англійскихъ нѣкоторые, составляющіе впрочемъ лучшую часть британскаго морскаго общества, принимаютъ въ основаніе эскадреннаго боя шпиронъ и тараненіе. Такимъ образомъ, можно сказать, что на западѣ флоты идутъ по правильной дорогѣ относительно разработки вопроса: какимъ образомъ слѣдуетъ драться въ эскадрѣ, и потому всѣмъ другимъ морскимъ силамъ Европы должно ревниво заботиться о томъ, какъ-бы не дать имъ обогнать себя относительно умѣнья и привычки владѣть нашимъ новымъ боевымъ средствомъ.

Переходя теперь къ состоянію вопроса о морскихъ эволюціяхъ въ Россіи, мы видимъ фактъ, крайне пріятный для нашего сословнаго самолюбія. Мы видимъ, что находимся относительно теоретической разработки этого дѣла далеко впереди нашихъ собрать-

евъ по профессіи на западѣ. Ни одна система морскихъ эволюцій не можетъ сравниться съ тою, которая долгими, многолѣтними трудами выработана однимъ изъ блестящихъ русскихъ умовъ, уважаемымъ адмираломъ Г. И. Бутаковымъ. Причина этому заключается въ вѣрно-составленномъ и глубоко обдуманномъ основаніи, принятомъ за базисъ для нашей, русской системы. Чтобы выработать его до формы науки, нужно было употребить много годовъ настойчивой и нелегкой работы, утомительной по своему образу. Чтобы выпустить въ свѣтъ свою книгу «Начальныя основанія паролодной тактики», нашему адмиралу пришлось составить и обдумать не менѣе 5000 чертежей, а если мы прибавимъ къ этому пять лѣтъ, прошедшія со времени ея изданія, въ продолженіе которыхъ было составлено не менѣе того же числа, то получимъ громадную цифру 10 000 эволюціонныхъ чертежей, начерченныхъ не копируя, а составленныхъ вновь, при полномъ содѣйствіи умственной работы. Но за то, въ отвѣтъ на эту массу труда, явилось то, что русскій флотъ будетъ стоять далеко впереди всѣхъ другихъ, на одной изъ самыхъ важныхъ стезей боевой организаціи и получить возможность, опираясь на этотъ фактъ, довѣрчиво смотрѣть на случайности, которыя могутъ произойти въ будущемъ. Я полагаю, что подобный результатъ работы можетъ служить лучшею наградою за самую работу и вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ представляетъ прекрасный примѣръ, какую пользу въ состояніи принести своей родинѣ и согражданамъ, при вѣрномъ выборѣ предмета, всякій, кто имѣетъ способности, чтобы трудиться.

Въ настоящее время у насъ готовится полный сводъ эволюцій, который долженъ непременно поспѣть къ началу будущей кампаніи. Въ чемъ состоитъ его устройство и какія достоинства онъ долженъ имѣть, мы увидимъ въ продолженіе слѣдующей бесѣды нашей. Теперь же я ограничусь только тѣмъ, что намъ предстоятъ въ скоромъ времени самыя основательныя и обширныя практическія изслѣдованія по части морскихъ эволюцій. Мы всѣ будемъ имѣть возможность принимать въ нихъ участіе и содѣйствовать ихъ успѣхамъ. Поэтому я не сомнѣваюсь, что въ скоромъ времени, даже можетъ быть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, у насъ будутъ такіе знатоки морской тактики и эволюцій, которые не только не уступятъ ни въ чемъ чваннымъ морякамъ запада, но даже, по всей вѣроятности, станутъ смотрѣть на нихъ съ улыбкою снисхожденія.

Я потому позволилъ себѣ, мм. гг., высказать это мнѣніе, что теперь въ нашемъ морскомъ обществѣ совершается отрадное явленіе—обращеніе цѣлой массы специалистовъ къ основательному

труду мысли и изученію всѣхъ отраслей своего дѣла, въ томъ убѣжденіи, что безъ науки невозможна побѣда. Что русскіе моряки не боятся умереть и умѣютъ умирать, то это давно извѣстно и тому доказательствомъ бастионы Севастополя, гдѣ одинъ слой жизни ложился на другой при добросовѣстномъ исполненіи святаго долга. Что умереть не страшно, то въ этомъ намъ убѣждать другъ друга не нужно, но за то будемте, мм. гг., убѣждать другъ друга, что умереть пѣшкою ужасно. Отдать свою жизнь за родину легко и отратно, но отдать ее не умѣючи, дешево, не за дорогую цѣну, невыносимо тяжело и трудно. Поэтому, намъ необходимо развивать въ себѣ и усваивать тѣ знанія, которыя должны составлять достояніе моряка-воина. Будемте укрѣплять въ себѣ убѣжденіе, что слѣдуетъ учиться, мм. гг., и флагъ нашъ снова покроется давно знакомою ему славой!

ЛЕКЦІЯ II.

Морскія эволюціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Отличительный характеръ морскихъ эволюцій. — Планъ работы, принятый коммиссією, изготовляющею эволюціи для нашего флота. — Терминологія, принятая въ нашей эволюціонной книгѣ. — Перечень строевъ и разборъ ихъ. — Общая идея перестроеній и подробности, касающіяся до нѣкоторыхъ изъ нихъ. — Преимущество ихъ передъ французскими способами. — Устройство эволюціонной книги.

Въ прошедшей бесѣдѣ нашей мы выяснили себѣ значеніе морской тактики въ современной организаціи флота и за тѣмъ сдѣлали бѣглый обзоръ нынѣшняго состоянія тактическихъ и эволюціонныхъ вопросовъ въ западно-европейскихъ флотахъ. Сегодня мы посвятимъ вечеръ на то, чтобы ближе узнать положеніе дѣла у насъ въ Россіи и сдѣлать оцѣнку по достоинству тѣмъ трудамъ, которые возводятъ русскій флотъ на первое мѣсто во всемъ, что касается до исполненія тактическихъ плановъ при содѣйствіи морскихъ эволюцій.

Но прежде чѣмъ приступить къ этому, я полагаю, м. гг., что намъ слѣдуетъ выяснитъ себѣ стратегическое значеніе современныхъ морскихъ эволюцій и разобрать вліяніе, которое онѣ производятъ на завязку и исходъ морскаго боя. Въ прошедшей бесѣдѣ нашей этотъ вопросъ не былъ разъясненъ всесторонне, такъ какъ мы занимались преимущественно разборомъ того, что такое морская тактика. Между тѣмъ, постановка эволюцій на должную почву относительно боя необходима, ради установленія правильнаго на нихъ взгляда. Эволюціи имѣютъ свой опредѣленный кругъ значенія, знать который необходимо и выходить изъ котораго не слѣдуетъ. Поэтому, я предложу вашему вниманію нѣсколько мнѣній, въ которыхъ постараюсь вырисовать роль, играемую эволюціями въ современной морской боевой наукѣ, и ту степень пользы, которую онѣ способны принести въ виду непріятеля, передъ вступленіемъ въ битву.

Начнемъ съ вопроса — что такое морскія эволюціи? Отвѣтъ будетъ простъ, — это подробныя правила, по которымъ флотъ дол-

женъ выстраиваться въ разнообразные строи и переходить изъ строя въ строй быстро и не впадая въ безпорядокъ. Необходимую принадлежность къ нимъ составляютъ наставленія о томъ, что флоту слѣдуетъ дѣлать во время плаваній большими массами судовъ и что соблюдать ради сохраненія стройности ордера. Это опредѣленіе ясно показываетъ, что эволюціи могутъ быть осуществимы только въ продолженіе той поры, когда флотъ находится въ порядкѣ; лишь только онъ придетъ въ нестройность, какъ напр. во время боя, эволюціи перестаютъ быть возможными и потому теряютъ всякое значеніе.

Съ другой стороны, большая подвижность паровыхъ судовъ и соединенная съ этимъ возможность дѣйствовать самостоятельно и независимо отъ тѣхъ препятствій, которыя связывали движенія парусныхъ кораблей, даютъ флоту средства дѣлать быстрые и чрезвычайно разнообразные боевые маневры. Изъ двухъ противниковъ, сходящихся на морѣ для близкой схватки, тотъ, можно сказать, сильнѣе, который болѣе усвоилъ себѣ этой подвижности и лучше умѣетъ управлять своими движеніями, какъ для нанесенія, такъ и для отраженія ударовъ. Нынѣшній морской бой будетъ имѣть ту особенность, что приготовительныя движенія передъ нимъ станутъ играть чуть ли не самую важную роль и во всякомъ случаѣ будутъ производить категорическое вліяніе на успѣхъ или неудачный конецъ сраженія. Такимъ образомъ, вѣрное составленіе тактическихъ плановъ и безукоризненное исполненіе ихъ передъ началомъ общей схватки должны считаться у морскихъ офицеровъ одною изъ завѣтныхъ цѣлей, для успѣшнаго достиженія которыхъ не должно жалѣть ни работы, ни усилій.

Постановка этихъ двухъ вопросовъ даетъ намъ возможность сдѣлать опредѣленіе того значенія и того круга дѣйствій, которымъ должны удовлетворять наши морскія эволюціи. По самой своей сущности, онѣ не могутъ быть ничѣмъ инымъ какъ средствомъ для адмирала поставить сперва свою эскадру въ выгодное положеніе для начала битвы и за тѣмъ—вести ее въ бой, при наибольшемъ обезпеченіи успѣха. Послѣ завязки общей схватки, онѣ перестаютъ имѣть значеніе и уступаютъ свое мѣсто храбрости, смѣлости и умѣнью пользоваться обстоятельствами отдѣльныхъ личностей. Это естественная роль морскихъ эволюцій и требовать отъ нихъ большаго никто не имѣетъ права.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ думать, что если у эволюцій есть кругъ, ограничивающій ихъ вліяніе въ боевомъ смыслѣ до извѣстнаго предѣла, то значеніе ихъ отъ этого уменьшается. Напротивъ того, оно возрастаетъ, такъ какъ въ томъ промежуткѣ

времени, въ которомъ онѣ играютъ преобладающую роль, сосредоточивается, какъ въ фокусѣ оптическаго стекла, главный интересъ боевыхъ дѣйствій и готовится успѣхъ или неудача сраженія. Если эволюціи дурно составлены или плохо усвоены флотомъ, то адмиралъ не имѣетъ способовъ, чтобы ловко маневрировать, вводя противника въ заблужденіе относительно своихъ намѣреній и пользуясь каждою его ошибкою для склоненія на свою сторону побѣды. Онъ не можетъ подготовить для себя моментъ, въ который завязывать общій бой, и долженъ пассивно выжидать что угодно будетъ начать непріятелю, подобно тому какъ это выпало горькою чашею на долю адмирала Персано при Лиссѣ. Продолжительность значенія морскихъ эволюцій ограничена, но тѣмъ не менѣе въ тотъ промежутокъ времени, въ который онѣ могутъ быть употребляемы, мы бываемъ въ состояніи при ихъ помощи держать въ своихъ рукахъ противника и за тѣмъ бросаться на него въ атаку въ моментъ, который для него можетъ быть наименѣе желателенъ. Вотъ для чего назначаются морскія эволюціи и вотъ въ чемъ состоитъ ихъ важное боевое значеніе.

Сдѣлавъ это необходимое отступленіе, мы перейдемъ теперь къ главному предмету нашей бесѣды.

Наша новая эволюціонная книга, которая въ настоящее время самымъ дѣятельнымъ образомъ готовится для употребленія въ будущую кампанію, основана всецѣло на системѣ адмирала Г. И. Бутакова, изложенной весьма подробно въ его сочиненіи «Новыя основанія пароходной тактики», изданномъ въ 1863 году. Хотя труды по части тактики нашего уважаемаго адмирала хорошо извѣстны всему флоту, но тѣмъ не менѣе я считаю нелишнимъ повторить ихъ здѣсь въ короткихъ словахъ, чтобы освѣжить нѣсколько въ нашей памяти исторію того долгаго пути, по которому неутомимо развивалась русская эволюціонная система. Воспользуемся словами самого автора и извлечемъ изъ вступленія къ его книгѣ то мѣсто, гдѣ онъ описываетъ начало и ходъ своей работы. «По порученію покойнаго адмирала Корнилова, говоритъ Г. И. Бутаковъ, я составлялъ въ 1854 году краткія эволюціи для пароходнаго отряда черноморскаго флота, но исполнилъ эту задачу столь же неполнымъ и произвольнымъ образомъ, какъ и другіе, подвизавшіеся до меня на этомъ поприщѣ. Впослѣдствіи, однакоже, я попалъ на ту простую идею, что за основаніе пароходныхъ эволюцій *непремѣнно должно* принять двѣ простыя геометрическія линіи: *кругъ* и *касательную къ нему*. Вникнувъ въ законы различныхъ сочетаній этихъ двухъ линій, я составилъ краткія пароходныя эволюціи, которыя успѣлъ испытать въ маломъ раз-

мѣрѣ, когда еще былъ главнымъ морскимъ начальникомъ въ Черномъ морѣ. Назначеніе же въ 1860 году командовать практической эскадрою въ балтійскомъ флотѣ, доставивъ мнѣ возможность посвятить этому предмету больше времени, нежели прежде, дало вмѣстѣ съ тѣмъ первый случай испытать мою теорію пареходныхъ построений въ надлежащемъ масштабѣ, т. е. съ линійными кораблями. Тутъ я увидѣлъ на дѣлѣ, что очень легко опредѣлить величину *кружа*, описываемаго кораблемъ, имѣя руль на борту, и вычислить его радіусъ, а главное, легко достичь, чтобы самыя разнообразныя по величинѣ и конструкціи суда, описывали *одинакіе кружи*. Это доставило мнѣ прочный фундаментъ для дальнѣйшихъ изысканій. Въ эту же кампанію я получилъ первую идею о тѣхъ сочетаніяхъ касательныхъ дугъ, которыя наименовать впоследствии *координатами*, хотя не скажу, чтобы это названіе мнѣ особенно нравилось или назалось совершенно правильнымъ.

«Проведя зиму съ 1860 на 1861 годъ за границу, я усиленно занимался дальнѣйшею разработкою пареходныхъ построений и попалъ на идею обобщенія многихъ выработанныхъ прежде данныхъ. Въ апрѣлѣ 1861 года мнѣ были даны средства напечатать въ ста экземплярахъ объясненіе выработанныхъ мною данныхъ и эволюціонныя сигналы, для употребленія на шхерной флотиліи 40 винтовыхъ лодокъ. Подъ заглавіемъ *Отрывковъ изъ азбуки для пареходной тактики*,—эта книжка употреблялась на флотиліи въ 1861 году, причемъ упражненія лодокъ въ эволюціяхъ доставили мнѣ много новыхъ соображеній и идей, которыя я приводилъ въ порядокъ и систему осенью и зимою, а весною 1862 года приступилъ къ изданію «Новыхъ основаній пареходной тактики». Лѣтомъ этого же года, въ плаваніи съ тою-же шхерною флотиліею 40 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ, они были значительно пополнены, въ особенности открытіемъ общей связи между всякими вращеніями линіи кораблей, въ какомъ бы строѣ они ни находились. Въ кампаніи 1861 года я также началъ разрабатывать идею о законахъ дѣйствій таранами и этотъ важный вопросъ былъ значительно развитъ и пополненъ мною въ плаваніи 1862 года, но надѣясь и на будущее еще много потрудиться и имѣю уже большое число данныхъ для обобщенія изложенныхъ объ немъ здѣсь соображеній.»

Во время своего четырехлѣтняго пребыванія за границею въ званіи русскаго морскаго агента во Франціи и Англіи, нашъ уважаемый адмиралъ продолжалъ дѣятельно заниматься своимъ любимымъ предметомъ и внесъ много усовершенствованій въ свою систему эволюцій. Въ особенности онъ разработалъ строй клина

и законы его вращенія, отъ которыхъ съ отчаяніемъ отступились англичане и которые, какъ вы въ скоромъ времени увидите, милостивые государи, поражаютъ своею простотою и легкостью для исполненія. Назначенный весною прошлаго 1867 года командовать броненосною эскадрою, нашъ адмиралъ, не смотря на огромное количество занятій, и побуждаемый тѣмъ важнымъ положеніемъ, которое морскія эволюціи заняли въ западно-европейскихъ флотахъ, принялъ тотчасъ же необходимыя мѣры, чтобы эскадра не осталась во время приближавшейся кампаніи безъ необходимѣйшихъ эволюціонныхъ правилъ. По его приказанію и подъ его руководствомъ прошлую весною было составлено, снабжено наставленіями и чертежами, около 120 эволюціонныхъ сигналовъ. Къ сожалѣнію, краткость плаванія не позволила употребить въ дѣло эти сигналы въ прошлую же кампанію, такъ что эскадра успѣла только нѣсколько разъ попробовать нѣкоторые простыя движенія колонною и испытать способность нашихъ броненосцевъ къ выполненію координатовъ. Эти опыты подтвердили имѣвшуюся надежду, что наши броненосныя суда способны точно также подчиниться основному закону новыхъ эволюцій, т. е. кругу и касательной, какъ это дѣлали деревянные корабли и канонерскія лодки, и что наши новыя эскадры будутъ маневрировать съ тою же стройностью, какъ и прежнія, не смотря на существенныя перемены, произшедшія въ типахъ судовъ, ихъ составляющихъ.

Въ началѣ нынѣшняго года, адмиралъ былъ сдѣланъ предсѣдителемъ сигнальной комиссіи, которая уже четвертый годъ неустанно работаетъ надъ составленіемъ новаго сигнальнаго свода для нашего флота и въ настоящее время оканчиваетъ трудъ свой. Такъ какъ морскія эволюціи всегда имѣютъ видъ сигналовъ, разработанныхъ только гораздо подробнѣе обыкновенныхъ и снабженныхъ наставленіями и чертежами, то адмиралъ взялъ къ себѣ въ сотрудники по составленію новой эволюціонной книги всѣхъ членовъ сигнальной комиссіи въ числѣ трехъ флотскихъ и трехъ штурманскихъ офицеровъ. Въ настоящее время этотъ маленький кружокъ специалистовъ, увлекаясь дѣятельностью своего предсѣдателя, усердно работаетъ надъ изготовленіемъ новаго эволюціоннаго свода, имѣя главную предвзятую мысль—чтобы этотъ сводъ непременно былъ готовъ для испытаній нашимъ флотомъ во время приближающагося лѣта.

Планъ, принятый комиссіею, состоитъ въ слѣдующемъ. Наша эволюціонная книга, подобно французской, будетъ заключать въ себѣ построенія и перестроенія, относящіяся какъ до цѣлаго флота изъ большаго числа судовъ, такъ и до эскадры, или отряда, состоя-

щихъ изъ умѣреннаго числа кораблей. Такимъ образомъ, адмиралъ будетъ имѣть возможность маневрировать какъ съ флотомъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ эскадръ, число которыхъ не будетъ определенное, какъ у французовъ, а будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія главнокомандующаго, такъ и съ отрядомъ, въ которомъ будетъ считаться лишь небольшое число судовъ. Французамъ было удобно принять за правило дѣленіе флота на три эскадры, потому что всѣ суда ихъ почти одного типа и обладаютъ равными: качествами поворотливости, хода и почти одинаковою силою вооруженія. Между тѣмъ какъ намъ, имѣющимъ во флотѣ и мониторы, и фрегаты съ бортовою обороною, и батареи съ своеобразными качествами, и башенныя морскія суда,—дѣлать подобныя подраздѣленія было невозможно. Такимъ образомъ, мы станемъ дѣлать большую массу кораблей на эскадры не по общему числу судовъ, а по ихъ типамъ, или даже по сходству ихъ морскихъ качествъ. Поэтому, при плаваніяхъ цѣлымъ флотомъ въ открытомъ морѣ у насъ будетъ одна эскадра—составленная изъ мониторовъ, другая изъ батарейныхъ судовъ, третья изъ башенныхъ и т. д. Каждая эскадра, вслѣдствіе этого, при общихъ маневрахъ, станетъ дѣйствовать на основаніи собственныхъ качествъ, руководясь установленнымъ для нея радіусомъ и потому будетъ обезпечена относительно стройности движеній. Такимъ образомъ, напр., мониторамъ не придется, идя въ составѣ флота, сообразоваться при поворотахъ съ циркуляціями «Петропавловска» или «Севастополя», или этимъ фрегатамъ подлаживаться подъ качества «Смерча» или «Русалки». Кромѣ того, и въ боевомъ смыслѣ дѣленіе судовъ на эскадры по ихъ качествамъ должно быть очень практично. Тогда у адмирала будутъ двѣ, или три группы кораблей, одаренныхъ своими своеобразными средствами для нападенія и обороны, и онъ увидитъ себя въ состояніи двигать ихъ цѣлыми массами для того, или другаго тактическаго дѣйствія. Этимъ способомъ онъ будетъ имѣть отдѣльный отрядъ тарановъ для боя ударами штевня, и отрядъ башенныхъ судовъ, носящихъ могучую артиллерію—для чисто артиллерійскаго боя. Практика покажетъ до какой степени подобное подраздѣленіе флота на эскадры будетъ удобно, но можно скорѣе ожидать хорошихъ результатовъ, чѣмъ неудачныхъ, такъ какъ оно основано на вѣрной идеѣ объ однородности.

Продолжая далѣе свое раздѣленіе большой массы кораблей на мелкія части, коммисія, составляющая нашу эволюціонную книгу, думаетъ дѣлать каждую эскадру на два отряда, что будетъ соответствовать нынѣшнему дѣленію одной линіи на двѣ колонны. Затѣмъ, каждый отрядъ будетъ подраздѣляться на нѣсколько звень-

евъ, по три судна въ каждомъ, число которыхъ будетъ зависѣть очевидно отъ общаго числа кораблей въ эскадрѣ. Дѣленія эскадръ на три части не будетъ вовсе, такъ какъ три колонны въ смыслѣ боеваго строя не имѣютъ за себя никакихъ достоинствъ, а въ значеніи походнаго ордера не могутъ сравниться со строемъ кучекъ, или, выражаясь иначе, съ линіею кильватера, составленною изъ звеньевъ. На этой послѣдней тактической величинѣ, т. е. звенѣ, останавливается дробленіе флота на части и коммисія полагаетъ, что этимъ слѣдуетъ ограничиться.

Что же касается до естественной тактической единицы, т. е. отдѣльнаго корабля, то коммисія думаетъ, подобно всѣмъ занимающимся морскими эволюціями, что для правильности состава эскадры и стройности ея перестроеній необходима нумерація судовъ. Поэтому рѣшено, что каждое судно будетъ имѣть свой собственный номеръ, который будетъ даваться ему адмираломъ и будетъ сохраняться за нимъ во все время плаванія до перемѣны, сдѣланной также адмираломъ. Нумера эти будутъ назначаться кораблямъ по линіи кильватера, какъ по самому простому ордеру, и не будутъ измѣняться вслѣдствіе перемѣны мѣстъ судами во время перестроеній.

Главная мысль, которую задала себѣ коммисія, приступая къ составленію эволюціоннаго свода, заключалась въ томъ чтобы придать ему такое устройство, которое лучше всего удовлетворяло бы всѣмъ потребностямъ практическаго употребленія. Для достиженія этой цѣли естественнѣе всего было обратиться къ системѣ, испытанной съ успѣхомъ въ продолженіе многихъ лѣтъ на практикѣ, т. е. къ порядку расположенія старой книги парусныхъ эволюцій. Такимъ образомъ, коммисія рѣшила располагать эволюціонные сигналы по порядку строевъ и перестроеній изъ каждаго изъ нихъ во всѣ остальные, съ тѣмъ, чтобы за всякимъ сигналомъ слѣдовалъ чертежъ и болѣе или менѣе краткое описаніе маневра съ приложеніемъ, если нужно, габлицъ и другихъ пособій, могущихъ облегчить перестроеніе. Что же касается до переходовъ изъ строя въ строй, то у насъ принято выполнять эти движенія не только на тотъ же курсъ, какъ у англичанъ и французовъ, но и съ перемѣнами курса черезъ два румба. Такимъ образомъ, напримѣръ, перестроеніе изъ линіи кильватера въ строй двойнаго фронта можно произвести по нашему своду съ перемѣнами курса на 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14 и 16 румбовъ въ правую сторону и на столько же въ лѣвую. Изъ этого явствуется, что приготавливаемая эволюціонная книга будетъ обширная и будетъ отвѣчать на требованія самыя прихотливыя. Другая мысль, которой коммисія постоянно придерживается во время своей работы—это доставить нашему новому своду такое удобное и легко

повнимаемое устройство и изложить эволюціонныя наставленія съ такою ясностію, чтобы всякій, даже вовсе незнакомый съ книгою и вообще съ эволюціями, могъ бы по первому же разу безъ ошибки употребить его въ дѣло. Этого, повидимому, можно достигъ, такъ что мы русскіе будемъ обладать сводомъ, по которому даже личность, вполнѣ незнакомая съ эволюціями, станетъ безъ заблаговременныхъ подготовленій исполнять маневры какъ слѣдуетъ, въ то время какъ у французовъ даже человѣкъ, много плававшій въ эскадрѣ, не съ разу можетъ понять, что отъ него требуется его эволюціонная книга.

Однимъ изъ главныхъ условій хорошо составленнаго свода морскихъ эволюцій должна быть полная обработка технического языка, принятаго въ употребленіе. Этотъ важный предметъ, можно сказать, не достигъ еще совершенства ни въ одномъ изъ флотовъ, потому что мы видимъ повсюду, вслѣдствіе переходнаго состоянія тактики, или многословіе, или неточность выраженій. Между тѣмъ, опредѣленность эволюціонныхъ терминовъ и рѣченій необходима для правильной передачи и точнаго исполненія тактическихъ сигналовъ, а слѣдовательно, отъ нея во многомъ зависитъ и успѣхъ того дѣйствія, до котораго желательно бываетъ достигнуть помощью того или другаго маневра. Въ нашемъ флотѣ техническій языкъ для паровыхъ эволюцій еще не выработался окончательно, такъ что составители новаго эволюціоннаго свода были принуждены во многихъ случаяхъ прискивать и вводить слова и выраженія новыя. Расширившееся употребленіе морскихъ эволюцій должно, разумѣется, повести къ развитію тактического языка и утвержденію терминологіи, но пока практика доставитъ нашимъ морякамъ всѣ подробности эволюціонныхъ выраженій, комиссія приняла слѣдующіе термины для названія частей построившагося флота и нѣкоторыхъ его дѣйствій.

Вмѣсто слова «ордеръ» принимается въ употребленіе слово «строй».

Слова «авангардъ», «центръ» и «аріергардъ» перестаютъ обозначать части флота, идущаго соединенно, но прилагаются къ группамъ судовъ, занимающихъ положеніе, соотвѣтствующее смыслу этихъ выраженій. Такимъ образомъ, авангардъ не означаетъ болѣе передовую треть линіи вильватера, но служитъ для общаго названія передовыхъ судовъ, какъ нашего, такъ и чужаго флота. То же самое относится и до словъ центръ или кордебаталія и аріергардъ. Подобнымъ способомъ, у этихъ словъ отнимается двойственность значенія, чѣмъ выигрывается правильность и ясность, нелишнихъ важности, техническихъ терминовъ.

Корабли, идущіе въ эскадрѣ, называются, смотря по своему положенію, *головнымъ* и *концевымъ*, *право-фланговымъ* и *лѣво-фланговымъ*.

Дирекціональнымъ кораблемъ называется тотъ, по которому строй равняется. Это есть или флагманское судно, если адмиралъ идетъ въ линіи, или же судно, специально назначенное для этой цѣли по сигналу, или предварительному приказанію. Если же подобнаго назначенія не было сдѣлано, то дирекціональными кораблями называются: въ линіяхъ кильватера—головные; въ строяхъ фронта—средніе; въ строяхъ пеленга—крайніе корабли линіи, въ сторону которыхъ суда бываютъ оборотившись во время движенія.

Смежные корабли въ линіи кильватера и строя фронта называются *переднимъ* и *заднимъ*, *правымъ* и *лѣвымъ* *мателотами*.

Правая и лѣвая половины строя фронта, или пеленга, называются *правымъ* и *лѣвымъ* *флангами*.

Перемѣна румба равенія строя помощію движенія впередъ того или другаго фланга, называется *захожденіемъ*.

Заворачиваніе одной или нѣсколькихъ линій кильватера, при чемъ всѣ корабли послѣдовательно вступаютъ въ кильватеръ передовому — дѣйствіе, обыкновенно называемое теперь контрмаршемъ,—получаетъ названіе *поворота* или *поворачиванія* строя кильватера.

Интервалы между кораблями называются *промежутками*. Отстояніе колоннъ, одной отъ другой, называется *разстояніемъ*.

Уголъ, на который суда должны приводить другъ друга для исполненія какого-нибудь одновременнаго движенія, выраженный числомъ румбовъ, заключающихся между ихъ курсомъ и пеленгомъ, называется *курсовымъ угломъ*.

При составленіи эволюцій бываетъ очень важно опредѣлить число и роды строевъ, необходимыхъ для плаванія и боя. Руководящею мыслью при этомъ должно быть избѣжаніе многосложности, которая всегда вредитъ удобству практическаго употребленія свода и по большей части оказывается ненужною при дѣйствительномъ пользованіи эволюціями. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ увлекаться также и излишнею простотою книги, что можетъ привести въ другаго рода затрудненіямъ и поставить флотъ въ невозможность исполнять необходимое. Придерживаясь этого взгляда, коммисія рѣшилась принять для составляемаго свода слѣдующіе строи, удовлетворяющіе какъ главнѣйшимъ потребностямъ эскадреннаго плаванія, такъ и условіямъ морскаго боя.

Строи эти суть:

Строй кильватера.

- двухъ колоннъ.
- двухъ колоннъ въ шахматномъ положеніи.
- фронта.
- двойнаго фронта.
- двойнаго фронта въ шахматномъ положеніи.
- пеленга правымъ флангомъ впередъ.
- пеленга лѣвымъ флангомъ впередъ.
- клина.
- обратнаго клина.
- кучевъ.

Кромѣ того, для плаванія флота, состоящаго изъ нѣсколькихъ эскадръ, эти же самые строи примѣнены къ положеніямъ, въ которыхъ мѣста отдѣльныхъ судовъ будутъ заниматься цѣлыми эскадрами. Такимъ образомъ, флотъ будетъ идти въ строй фронта, когда эскадры, составляющія его, станутъ помѣщаться другъ у друга на траверсахъ. При этомъ, эскадры могутъ быть построены въ тотъ ордеръ, который указанъ адмираломъ, нисколько не принимая въ соображеніе общій строй всего флота. Такимъ образомъ, флотъ можетъ быть построенъ во фронтъ, а каждая эскадра можетъ находиться въ то же время въ строй двухъ колоннъ, или одной линіи кильватера, или же въ двойномъ шахматномъ фронтѣ. Точно также, флотъ можетъ идти въ строй кильватера, когда его эскадры держатся одна за другою, между тѣмъ, какъ каждая изъ нихъ можетъ быть выстроившись въ строй фронта, или клина, или пеленга, или другой ордеръ, признанный полезнымъ, или необходимымъ. Плаваніе флота, раздѣленнаго на эскадры, ни въ какихъ случаяхъ не можетъ быть затруднительнымъ, или неудобнымъ относительно равненія, перестроенія и проч. Каждая эскадра будетъ подчиняться своему начальнику, который станетъ управлять ею, сообразуясь съ приказаніями главнокомандующаго. Наконецъ, разстоянія между эскадрами будутъ на столько значительны, чтобы дать возможность каждой изъ нихъ маневрировать и дѣйствовать съ полнымъ просторомъ. Вообще можно надѣяться, что вырабатываемая у насъ система строевъ для плаванія большимъ флотомъ будетъ очень удачна по своей простотѣ и высокой степени удобопонятности.

Мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію cadaго изъ вышеупомянутыхъ мною строевъ и постараемся выяснитъ себѣ ту степень пользы, которую онъ въ состояніи принести при различныхъ обстоятельствахъ, и то назначеніе, которое имѣлось въ виду при его

принятіи и разработкѣ въ нашей новосоставляемой эволюціонной книгѣ.

Строй кильватера (черт. 2) слишкомъ хорошо намъ извѣстенъ, чтобы было нужно долго надъ нимъ останавливаться. Главная цѣль, для которой онъ назначается теперь и единственная, когда онъ можетъ быть дѣйствительно полезнымъ,—это—плаваніе въ узкостяхъ и на извилистыхъ фарватерахъ, требующихъ частой перемѣны курса. Въ открытомъ же морѣ, какъ ордеръ похода, онъ очень неудобенъ, потому что представляетъ возможность столкновеній, и особенно ночью, при значительномъ ходѣ эскадры. Для того, чтобы плаваніе въ немъ было хоть до нѣкоторой степени покойно, необходимо, чтобы промежутки между кораблями равнялись не менѣе какъ 200 саженьямъ, а это ведетъ къ растяженію линіи и ослабленію адмиральскаго надзора за эскадрою. Въ былое парусное время, строй кильватера былъ единственнымъ боевымъ ордеромъ и потому привлекалъ на себя главное вниманіе морскихъ офицеровъ, получая по этому случаю огромную дозу времени, назначеннаго для практическихъ занятій. Парусныя эскадры доводили умѣнье держаться въ линіи баталіи до совершенства, но это достигалось постоянною, неумолкаемою вознею на палубахъ кораблей и безостановочною работою у бомъ и брамъ-фаловъ и грота-гитововъ. Теперь время перемѣнилось: строй кильватера пересталъ быть боевымъ и потому не заслуживаетъ болѣе прежняго вниманія. Прежде хлопоты надъ нимъ оправдывались его военною цѣлью, а теперь они не могутъ найти для себя ни одного уважительнаго довода. Кромѣ того, въ настоящее время, для того, чтобы соблюдать въ немъ какъ слѣдуетъ равеніе, должно дѣлать съ машинами то, что прежде дѣлалось съ брамъ-фалами и грота-гитовыми, а это невозможно, или, вѣрнѣе, крайне нерасчетливо въ смыслѣ экономическомъ, въ виду бесполезной, ни къ чему неведущей порчи механизмовъ, происходящей отъ частыхъ перемѣнъ въ числѣ оборотовъ. Поэтому, намъ слѣдуетъ сдать строй кильватера въ архивъ и употреблять его только тогда, когда безъ него обойтись невозможно. Теперь мы имѣемъ другіе строи, гораздо лучше какъ походные и несравненно болѣе выгодные и безопасные какъ боевые. Все это должно привести къ тому, что эскадры будутъ менѣе и менѣе употреблять этотъ любимый ордеръ былаго времени, который выигрывалъ не мало побѣдъ и употреблялся почти во всѣхъ сраженіяхъ, но теперь пересталъ удовлетворять современнымъ потребностямъ морскаго боя, и потому по естественному ходу вещей долженъ быть брошенъ.

Строй двухъ колоннъ, (черт. 18) какъ походный, немногимъ

лучше линіи кильватера. Правда, эскадра въ немъ гораздо сосредоточенѣе, слѣдовательно наблюдать за нею легче, на за то возможность столкновений продолжаетъ существовать по прежнему, такъ что промежутки между кораблями должны быть во время похода также не менѣе двухъ кабельтовоовъ. Какъ боевой строй, этотъ ордеръ можетъ быть полезенъ при форсированныхъ проходахъ по фарватерамъ подъ огнемъ батарей, при штурмованіи рейдовъ и тому подобныхъ боевыхъ движеній. Превращенный въ строй двухъ шахматныхъ колоннъ (черт. 5), этотъ ордеръ представляетъ весьма сильный артиллерійскій фронтъ, огонь котораго можетъ сосредоточиваться на сравнительно небольшомъ пространствѣ. Кромѣ того, сомнительно, чтобы противникъ рѣшился атаковать этотъ строй ударами штевной, или даже просто попытаться прорѣзать его, такъ какъ широконосцы второй линіи весьма легко могутъ пустить ко дну всякаго, кто пройдетъ въ промежутки между судами первой линіи. Строй двойнаго шахматнаго фронта очень уважается англичанами и мы вернемся къ нему еще впоследствии, когда станемъ разбирать эскадренную оборону.

Что же касается до строя двухъ колоннъ, разрабатываемаго нашею эволюціонною книгою, то въ ней разстояніе между колоннами будетъ положено въ одинъ и два радіуса, чтобы имѣть отвѣтъ на всѣ случаи. Первое разстояніе, очевидно, будетъ назначаться для боевыхъ обстоятельствъ, а второе — для походныхъ. Точно также и промежутки между судами во всѣхъ строяхъ будутъ слѣваны въ 2, 1 и даже $\frac{1}{2}$ радіуса на случай эскадренныхъ плаваний и для вступленія въ бой. При увеличеніи и уменьшеніи разстояній между колоннами, правая колонна будетъ всегда приниматься за основную, т. е. будетъ оставаться въ томъ же положеніи, а придвигаться въ ней и отодвигаться отъ нея станетъ лѣвая колонна.

Строй фронта (черт. 1), какъ походный, по моему мнѣнію, не хорошъ или по крайней мѣрѣ не такъ хорошъ, какъ про него думаютъ многіе. Можетъ быть, до нѣкоторой степени удовлетворительный для небольшихъ отрядовъ въ три или четыре судна, онъ неудобенъ для значительныхъ эскадръ, даже если корабли строятся въ нѣсколько линій. Суда всегда немного рыскаютъ въ обѣ стороны, отчего неминуемо происходитъ сближеніе сосѣдей мателотовъ, а слѣдовательно и постоянное колебаніе линіи. Въ особенности ночью подобный порядокъ дѣлъ можетъ привести къ весьма непріятнымъ и беспокойнымъ случаямъ. Какъ боевой строй, ордеръ фронта хорошъ тѣмъ, что доставляетъ эскадрѣ выгодное положеніе для атаки широконами, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слишкомъ широкъ, такъ что ударъ его не можетъ быть сосредоточенъ

нымъ и, кромѣ того, во время самаго движенія онъ способенъ получить неправильный видъ, а слѣдовательно и потерять часть своего боеваго достоинства. Трудно предположить, чтобы строй фронта въ будущихъ морскихъ сраженіяхъ былъ бы употребляемъ для атаки; по всей вѣроятности ему будутъ предпочтены строй двойнаго фронта, или строй двойнаго шахматнаго фронта, какъ болѣе сжатые, а слѣдовательно и болѣе дѣйствительные для удара.

Эти два ордера, т. е. строй двойнаго фронта (черт. 19) и строй двойнаго шахматнаго фронта (черт. 20) должны быть по справедливости поставлены на первое мѣсто въ числѣ строевъ, полезныхъ для нападенія. Буэ-Вильомезъ не даромъ хочетъ доказать, во что бы то ни стало, что честь введенія этихъ строевъ въ употребленіе принадлежитъ ему. Мы специально займемся этими двумя ордерами при разборѣ эскадренной атаки; теперь же ограничимся лишь тѣмъ, что скажемъ въ короткихъ словахъ объ ихъ главныхъ боевыхъ достоинствахъ—сжатости и взаимной поддержкѣ всѣми судами другъ друга. Главная идея, которой долженъ удовлетворять морской строй къ атакѣ, заключается въ маломъ пространствѣ, занимаемомъ флотомъ, и въ тѣсной связи всѣхъ кораблей между собою. Только при этихъ двухъ условіяхъ можно ожидать, что натискъ эскадры будетъ дѣйствительно страшенъ для той части непріятельскаго ордера, на которую онъ обрушится. Между тѣмъ, въ обоихъ строяхъ, разсматриваемыхъ нами, эти два требованія соблюдены вполне. Длина линій небольшая, промежутки между судами сжатые, всѣ корабли поддерживаютъ другъ друга, задняя линія подкрѣпляетъ переднюю, равненіе нетрудно и вступленіе въ бой почти для всѣхъ одновременное. Такимъ образомъ, можно безъ ошибки предсказать, что обоимъ этимъ строямъ, и въ особенности строю двойнаго шахматнаго фронта, предстоитъ важная роль въ грядущихъ морскихъ битвахъ. Поэтому, наша эволюціонная коммисія обратила большое вниманіе на эти два ордера и обработала со тщаніемъ всѣ подробности, до нихъ относящіяся.

Строй пеленга (черт. 3) нельзя считать хорошимъ походнымъ порядкомъ, хотя онъ очень любимъ англичанами. Въ немъ трудно равняться и, слѣдовательно, благодаря ему, машинамъ должно быть тяжело вслѣдствіе безпрестанныхъ измѣненій въ числѣ оборотовъ. Какъ боевой строй, онъ можетъ быть лучшій ордеръ для деревянныхъ судовъ, такъ какъ линія въ немъ гораздо сжатѣе чѣмъ въ строѣ кильватера, обстрѣлъ чрезвычайно удобный и артиллерійскій фронтъ весьма силенъ. Въ то же время оконечности судовъ прикрыты отъ продольныхъ выстрѣловъ противника, а линія обезпечена отъ прорыва. Но для броненосцовъ онъ нехорошъ, потому

что, содѣйствуя сильному артиллерійскому огню, не даетъ никакихъ способовъ для нападенія шпиронами. Кромѣ того, въ немъ мало удобоподвижности. Поэтому, нельзя ожидать, чтобы онъ много употреблялся въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе онъ будетъ разработанъ въ нашей эволюціонной книгѣ на тотъ случай, если выполненіе какого нибудь тактическаго плана потребуетъ и его употребленія.

Строй клина (черт. 6) есть исключительно боевой строй. Мы будемъ употреблять два вида его; въ одномъ, уголъ между его сторонами или крыльями будетъ равняться 90° , а въ другомъ 60° . Въ прошедшемъ, строй клина имѣетъ за себя мало фактическихъ данныхъ. Подъ Лиссою, австрійскій ордеръ клина имѣлъ слишкомъ тупой уголъ, равнявшійся 120° , такъ что былъ ничѣмъ инымъ какъ случайнымъ видоизмѣненіемъ строя фронта. Между тѣмъ, въ будущемъ можетъ случиться, что клинъ станетъ рядомъ съ двойнымъ фронтомъ, имѣя передъ нимъ преимущество въ легкости прорѣзыванія непріятельской линіи. Къ этому надо прибавить, что клинъ приобрѣлъ теперь въ свою пользу чрезвычайную легкость поворачиванія, превосходно обработанную адмираломъ Г. И. Бутаковымъ и цѣликомъ внесенную въ нашъ эволюціонный сводъ. Такимъ образомъ есть основаніе думать, что въ будущихъ морскихъ сраженіяхъ этотъ ордеръ также станетъ употребляться для атаки и, легко можетъ случиться, будетъ обезпечивать побѣду для той стороны, которая употребитъ его въ дѣло.

Строй кучекъ (черт. 12) чрезвычайно хорошъ какъ походный ордеръ, но мало годенъ какъ боевой строй, что бы ни говорили его французскіе и русскіе защитники. Каждая кучка этого строя, какъ видно на чертежѣ, состоитъ изъ трехъ судовъ, образующихъ треугольникъ. Если число судовъ, составляющихъ эскадру, не дѣлится на-цѣло на три, то лишній корабль прибавляется къ одной изъ кучекъ, или же два корабля составляютъ отдѣльную кучку. Головные корабли кучекъ идутъ въ той же колоннѣ и соблюдаютъ между собою промежутокъ, въ которомъ находились бы, если бы эскадра шла въ линіи кильватера, т. е. тройное число радіусовъ. Такимъ образомъ, очевидно, что строй кучекъ есть ничто иное какъ строй трехъ колоннъ, изъ которыхъ среднюю составляютъ головныя суда, а въ двухъ другихъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ первой въ шахматномъ порядкѣ, находятся всѣ остальные корабли, соблюдая между собою въ каждой линіи такіе же промежутки, какъ и суда, идущія въ головѣ кучекъ. Значительная величина этихъ промежутковъ вполне обезпечиваетъ удобство и безопасность плаванія. Кромѣ того, она поз-

воляеть судамъ не слишкомъ заботиться о сохраненіи своего мѣста въ ордерѣ, что весьма много помогаетъ удобству въ управленіи машинами, а слѣдовательно и содѣйствуетъ къ ихъ сбереженію. Во время производства эволюцій и каждый разъ, когда будетъ сдѣланъ сигналъ исправить порядокъ строя, разстоянія между колоннами и промежутки между кораблями станутъ соблюдаться строгимъ образомъ. Но въ обыкновенное время плаванія, когда эскадра не будетъ имѣть другой цѣли, кромѣ слѣдованія по назначенію, судамъ не будетъ нужно строго соблюдать свое мѣсто въ строѣ. Все, что отъ нихъ будетъ требоваться—это не отстаивать слишкомъ много и всегда стараться снова занимать свое мѣсто въ строѣ помощью легкихъ прибавокъ въ числѣ оборотовъ и небольшого усиленія тонны. Строй кучекъ много употреблялся французами и въ прошломъ году былъ введенъ на нашей броненосной эскадрѣ. Французы отъ него въ восторгѣ, а наши офицеры, на сколько мнѣ извѣстно, отзываются о немъ съ большою похвалою.

Мы не будемъ разбирать строевъ флота, потому что это можетъ довести насъ до слишкомъ большихъ подробностей, не представляя вмѣстѣ съ тѣмъ особеннаго интереса. Строй флота очень разнообразенъ и подлежитъ исключительно выбору одного адмирала. Кромѣ того, плаванія цѣлныхъ флотовъ представлялись донынѣ такъ рѣдко, что практика не можетъ даже доставить намъ матеріаловъ, на которыхъ было бы возможно основать сужденіе. Поэтому, мы оставимъ въ сторонѣ разборъ этой части эволюціоннаго свода и перейдемъ прямо къ разсмотрѣнію системы перестроеній, принимаемыхъ нами, русскими, при чемъ сравнимъ нѣкоторыя изъ нихъ съ методами, существующими у французовъ и англичанъ. Этимъ путемъ мы одновременно познакоимся и съ состояніемъ одного изъ главныхъ отдѣловъ морскихъ эволюцій, и составимъ оцѣнку тѣхъ достоинствъ, которыя принадлежатъ русскимъ способамъ, благодаря лучшей обработкѣ всей системы и вѣрности основной мысли нашихъ эволюцій.

Въ продолженіе сегодняшней бесѣды нашей я нѣсколько разъ говорилъ, что промежутки между кораблями и разстояніе между колоннами равняются одному радіусу. Я дѣлалъ это въ томъ справедливомъ предположеніи, что большинство моихъ слушателей знакомо съ теоріею нашего уважаемаго адмирала Г. И. Бутакова, и потому не нуждается въ комментаріяхъ касательно этихъ словъ. Но такъ какъ между нами есть, можетъ быть, нѣкоторые молодые офицеры, которымъ, по всей вѣроятности, интересно познакомиться

болѣе подробно съ главною основною идеею принятой нами эволюціонной системы, то я прошу у васъ позволенія, милостивые государи, въ короткихъ словахъ повторить ее здѣсь, тѣмъ болѣе, что она есть краеугольный камень всѣхъ нашихъ эволюцій и перестроеній.

Адмиралъ Г. И. Бутаковъ основалъ свою главную мысль на томъ совершенно вѣрномъ фактѣ, что корабль во время передвиженія при рулѣ, положенномъ на бортъ, описываетъ болѣе или менѣе правильную дугу круга. При рулѣ же, поставленномъ прямо, онъ идетъ по касательной въ этому кругу. Такимъ образомъ, если нѣсколько судовъ будутъ идти вмѣстѣ, и если начнутъ, напримѣръ одновременно дѣлать какой нибудь поворотъ, описывая свои циркуляціи при совершенно равныхъ радіусахъ, то движенія ихъ во всякій данный моментъ будутъ совершенно тождественны. Это есть главное, капитальное нововведеніе, произведенное нашимъ адмираломъ въ морскихъ эволюціяхъ, отъ котораго со свойственнымъ имъ упрямствомъ отказываются французы, но которое принимаютъ вполне англичане, признавая его радикально необходимымъ для стройности маневровъ. Такимъ образомъ, при формированіи эскадры, одною изъ первыхъ заботъ ея начальника должно быть опредѣленіе эскадреннаго радіуса, т. е. радіуса, при пособіи котораго всѣ суда должны описывать одинаковые круги и проходить части круга въ равные промежутки времени. Разумѣется, при этомъ не всѣ корабли будутъ класть руль вполне на бортъ; у болѣе короткихъ судовъ онъ, можетъ быть, будетъ только въ полъ борта, а у самыхъ короткихъ даже лишь въ четверть борта; но за то всѣ корабли, при общемъ перестроеніи эскадры, будутъ двигаться какъ одинъ, и стройность маневра никогда не нарушится. Опредѣленіе эскадреннаго радіуса не представляетъ большихъ трудностей, чему доказательствомъ наша корабельная эскадра 1860 года. Для этого достаточно, идя въ линіи описать нѣсколько циркуляцій, начиная ихъ всегда въ одинъ и тотъ же моментъ, по спускѣ сигнала, и стараясь окончить одновременно, при чемъ, разумѣется, основнымъ судномъ долженъ служить худшій ходокъ эскадры. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ, корабли сами найдутъ свое положеніе руля, соответствующее общему радіусу, и опредѣлить его или числомъ шлаговъ, или числомъ градусовъ. Наконецъ, если бы даже опредѣленіе эскадреннаго радіуса и представляло какія нибудь серьезныя затрудненія, то право было бы не грѣхъ сдѣлать усиліе, чтобы побѣдить ихъ, въ виду огромной пользы, приносимой общимъ радіусомъ маневрированію.

*

Другое нововведеніе, внесенное нашимъ многоуважаемымъ адмираломъ въ морскія эволюціи, заключается въ томъ, что чертежи, прилагаемые къ тактическимъ сигналамъ, составляютъ совершенно согласно съ дѣйствіями каждаго корабля въ натурѣ и могутъ быть названы, такъ сказать уменьшеннымъ графическимъ изображеніемъ всего пути, дѣлаемаго судномъ, по которому онъ въ состояніи видѣть свое положеніе во всякій моментъ маневра и прослѣдить исполняемую имъ роль отъ начала до конца построенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наставленія, прилагаемыя къ каждому эволюціонному сигналу, указываютъ подробно каждому исполнителю, что ему слѣдуетъ дѣлать, какъ при самыхъ простыхъ, такъ и при самыхъ сложныхъ передвиженіяхъ, т. е. на сколько румбовъ (кладя руль на бортъ) онъ долженъ поворотить вправо или влѣво; когда поставить руль прямо; когда застопорить, или пустить въ ходъ машину и когда опять класть руль на бортъ въ ту или другую сторону.

Это обстоятельство въ высшей степени облегчаетъ практическое употребленіе эволюціоннаго свода. По нашей книгѣ, составляемой въ точномъ духѣ только что изложенныхъ мною основаній, всякій положительно незнакомый съ эскадреннымъ маневрированіемъ, можетъ съ перваго же раза исполнять свое дѣло безошибочно. Между тѣмъ, по французской *Tactique navale*, слишкомъ увлекающейся отвлеченнымъ изложеніемъ предмета, человекъ, опытный въ эволюціяхъ, не сразу понимаетъ, что отъ него требуетъ его эволюціонная книга.

Принимая въ основаніе всѣхъ маневровъ эскадренный радіусъ, нашъ эволюціонный сводъ, продолжая слѣдовать идеямъ адмирала Г. И. Бутакова, назначаетъ для промежутковъ между кораблями и разстояній между колоннами также величину радіуса. Это обстоятельство ведетъ къ сомкнутости строя и въ то же время обезпечиваетъ суда, составляющія эскадру, отъ столкновеній. На время похода радіусныя разстоянія и промежутки могутъ увеличиваться до двухъ-радіусныхъ, а передъ боемъ сокращаться до полурадіусныхъ. Радіусная система встрѣчаетъ довольно много возраженій со стороны защитниковъ разстояній, выражаемыхъ въ кабельтовахъ, которые доказываютъ, что всѣ мы привыкли опредѣлять пространства на морѣ, привидывая къ 100-саженной мѣрѣ, и что вслѣдствіе этого будетъ неудобно переучивать себя на новый ладъ. На эти доводы, впрочемъ весьма справедливые, можно отвѣтить не менѣе основательно, что если глазъ умѣетъ привыкать къ опредѣленію разстояній, считаемыхъ кабельтовыми, то онъ точно также можетъ приобрѣсти навыкъ и къ опредѣленію промежутковъ,

выраженныхъ въ радіусахъ, тѣмъ болѣе, что струя, остающаяся на тихой водѣ послѣ прохода винтоваго судна, даетъ возможность глазу пріучиться къ величинѣ діаметра циркуляціи, а слѣдовательно и къ радіусному разстоянію. Кромѣ того, есть еще отвѣтный пунктъ, заслуживающій уваженія и способный помирить обѣ стороны; это то, что у большей части нынѣшнихъ броненосныхъ судовъ радіусы циркуляціи весьма близки къ двумъ, полутора, одному и полукабельтову. Такимъ образомъ, глазу не нужно даже будетъ переучиваться и онъ сохранитъ за собою старинную мѣрку, издавна передаваемую однимъ поколѣніемъ моряковъ другому.

Кромѣ принятія общаго радіуса, наша эволюціонная книга основываетъ также свои построенія, хотя и въ гораздо меньшей степени, на системѣ координатовъ. Я попрошу у васъ позволенія, остановиться нѣсколько на этомъ эволюціонномъ приемѣ съ цѣлію разъясненія его назначенія и той роли, которую ему предстоитъ играть въ нашихъ маневрахъ. Координатомъ называется, какъ вамъ извѣстно, милостивые государи, на нашемъ тактическомъ языкѣ соединеніе двухъ касательныхъ дугъ, имѣющихъ тотъ же радіусъ. Въ натурѣ эта линія двоякой кривизны изобразится, если корабль, положивъ руль на бортъ, уклонится въ сторону на нѣкоторое число градусовъ и затѣмъ, переложивъ руль на другой бортъ, уклонится на столько же градусовъ въ другую сторону и возвратится, слѣдовательно, на прежній курсъ. Если мы раздѣлимъ радіусъ круга на четыре части (черт. 21) и возставимъ изъ точекъ дѣленія перпендикуляры, которые продолжимъ до пересѣченія съ окружностью и далѣе, то увидимъ, что эти перпендикуляры пересѣкутъ ее въ точкахъ, которыя соотвѣтствуютъ $41^{\circ} 28'$, 60° , $75^{\circ} 31'$ и 90° . Такимъ образомъ, если корабль уклонится въ сторону отъ своего курса на $41\frac{1}{2}^{\circ}$, или круглымъ числомъ на $3\frac{1}{4}$ румба, то удалится отъ своего прежняго пути на четверть радіуса. Если же онъ немедленно затѣмъ, переложивъ руль, уклонится на столько же въ другую сторону, то удалится еще на четверть радіуса, или вмѣстѣ съ прежнимъ на полрадіуса. Подобное дѣйствіе, т. е. уклоненіе помощью двухъ касательныхъ дугъ на полрадіуса въ сторону отъ курса, называется описываніемъ *перваго координата*. *Вторымъ координатомъ* называется уклоненіе судна сначала на 60° , или $5\frac{1}{4}$ румбовъ, въ одну сторону и затѣмъ на столько же въ другую, или удаленіе отъ курса на одинъ радіусъ. *Третьимъ координатомъ* называется точно такимъ же способомъ произведенное удаленіе судна отъ прежняго пути на полтора радіуса, а *четвертымъ* — на два радіуса. Изъ этого короткаго опредѣленія общей системы координатовъ выясняется ихъ назначеніе и вмѣстѣ съ

тѣмъ становится понятнымъ, почему для разстояній между колоннами наша эволюціонная метода принимаетъ радіусную величину. Увеличеніе и уменьшеніе разстояній на глазомѣръ производитъ довольно затруднительно; ошибки при этомъ очень возможны и потому всякое облегченіе этого дѣйствія должно быть для насъ весьма пріятнымъ. Въ этихъ то случаяхъ къ намъ являются на помощь координаты. Разумѣется, и съ ними нельзя добиться полной точности, но тѣмъ не менѣе приближенная вѣрность возможна, а главное—нами достигается однообразіе маневра и ровное увеличеніе или уменьшеніе разстояній всѣми маневрирующими судами эскадры. Такимъ образомъ, если намъ нужно увеличить разстояніе между колоннами съ одного на два радіуса, то лѣвая колонна дѣлаетъ въ лѣвую сторону второй координатъ и сразу попадаетъ на требуемое отдаленіе. Точно также, если требуется перейти съ двухъ-радіуснаго разстоянія на полуторарадіусное, то лѣвая колонна дѣлаетъ вправо первый координатъ и снова попадаетъ на должное разстояніе. Прежде адмиралъ Г. И. Бутаковъ предполагалъ употреблять восемь координатовъ, изъ которыхъ восьмой служилъ бы для удаленія въ сторону отъ курса на четыре радіуса, но въ настоящее время эта мысль оставлена по своему практическому неудобству. Точно также онъ думалъ употреблять сложеніе координатовъ, напр. 4 плюсъ 2, чтобы получить удаленіе на три радіуса, но и эта идея не вошла въ новосоставляемую эволюціонную книгу по недостатку практическихъ достоинствъ. Нѣсколько времени тому назадъ, именно до прошедшей кампаніи, у насъ существовало мнѣніе, что координатный способъ движенія неудобенъ для нѣкоторыхъ изъ нашихъ броненосцевъ, которые, обладая прекрасною поворотливостію, недовольно хорошо слушаютъ руля; но и это возраженіе оказалось неубѣдительнымъ, такъ какъ въ прошедшее лѣто эти самые броненосцы, нѣсколько приснаровившись, отлично выдѣлывали координаты, начиная отъ перваго и кончая четвертымъ. Такимъ образомъ можно сказать, что въ настоящее время координатный способъ принять вполне и обѣщаетъ дать хорошіе результаты въ тѣхъ случаяхъ, когда эволюціи должны будутъ къ нему обратиться.

Уяснивъ себѣ такимъ образомъ главные основанія, на которыхъ будетъ воздвигнуто наше маневрированіе, мы перейдемъ теперь къ разбору нѣкоторыхъ перестроеній, способныхъ дать намъ общую идею о всѣхъ эволюціяхъ. Коммисія, составляющая эволюціонную книгу, положила себѣ правиломъ проводить въ каждомъ видѣ маневровъ одну строго разработанную систему, отъ которой не уклоняться ни на шагъ и, слѣдовательно, тѣмъ облегчить для упо-

требляющихъ эволюціонный сводъ работу памяти. До сихъ поръ, въ большей части случаевъ, это намѣреніе удается какъ нельзя лучше, такъ что есть надежда, что наша книга будетъ строго-систематичная, не впадая вмѣстѣ съ тѣмъ въ крайность, т. е. не жертвуя ради системы простотою и скоростью перестроеній.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію нѣкоторыхъ изъ нашихъ эволюцій, я попрошу у васъ позволенія, милостивые государи, представить вамъ рѣшеніе небольшого геометрическаго чертежа, которое послужило основаніемъ для многихъ изъ нашихъ новыхъ эволюціонныхъ движеній. Вопросъ, который требовалось выяснить, состоялъ въ томъ, какому правилу держаться во время заворачиванія сложныхъ строевъ, напр. двухъ колоннъ, или двойнаго фронта, — чтобы промежутки между кораблями оставались безъ измѣненія и по окончаніи маневра. До сихъ поръ, главнымъ руководителемъ въ подобныхъ случаяхъ бывалъ глазомеръ, не подчинившійся никакимъ основнымъ постановленіямъ и дававшій мѣсто самому широкому произволу. Во французской тактикѣ, это обстоятельство произвело, какъ мы увидимъ далѣе, неясность эволюціонныхъ наставленій, весьма вредную для стройности эскадренныхъ движеній. Англичанъ же оно побудило изобрѣсти такіе способы маневрированія, которые смѣло могутъ назваться наименѣе удачнымъ разрѣшеніемъ вопроса. У насъ также это дѣло было мало разработано до тѣхъ поръ, пока выступленіе на очередь способоу заворачиванія двухъ колоннъ не побудило комиссію специально заняться изысканіемъ такихъ приѣмовъ, которые дали бы возможность исполнять перемены курса въ строяхъ съ сохраненіемъ величины промежутковъ между кораблями и вообще полной стройности всего орлера.

Положимъ, что A и A' (черт. 22) суть головные корабли строя двухъ колоннъ, идущаго на нордъ, и что этимъ двумъ колоннамъ нужно переменить курсъ на нордъ-остъ. Спрашивается, на какой пеленгъ долженъ привести себя A' относительно A , чтобы начать одновременно съ нимъ поворотъ на $4 R$ вправо и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить отъ него тоже траверзное разстояніе. Для этого, радиусомъ, равнымъ разстоянію между колоннами, опишемъ дугу AB , равную 45° , которая изобразитъ собою путь корабля A во время перемены курса, и проведемъ къ ней двѣ касательныя, AC и CD , изъ которыхъ первая есть продолженіе стараго курса, а вторая — новаго. Головному кораблю A' лѣвой колонны, по смыслу нашего главнаго условія о сохраненіи разстояній между колоннами, нужно начать свой поворотъ съ такого положенія, при которомъ одинъ конецъ описываемой имъ дуги наводился бы въ томъ же разстоя-

ніи отъ продолженія новаго курса правой колонны, въ какомъ другой конецъ былъ отъ продолженія ея стараго курса. Очевидно, что центръ этой дуги долженъ находиться въ точкѣ *C*, гдѣ пересѣкаются линіи *AC* и *CD*, т. е. старый и новый курсы правой колонны. Точно также ясно, что точка *E* должна быть тѣмъ пунктомъ, откуда главному лѣвой колонны слѣдуетъ начинать свое заворачиваніе. Такимъ образомъ, вопросъ сводится теперь къ тому, чтобы найти величину курсоваго угла, на который правый головной долженъ видѣть лѣваго для одновременнаго начала поворота ихъ на новый курсъ. Съ этою цѣлю, соединимъ точки *A* и *A'*, *A* и *E*, раздѣлимъ дугу *EF* пополамъ и соединимъ точку *H* съ точкою *C*. Линіи *AE* и *CH* параллельны, такъ какъ центры дугъ *AB* и *EF* находятся на одной линіи. Равнымъ образомъ параллельны и линіи *AA'* и *CE*. Слѣдовательно, уголъ *EAA'* или уголъ α , равенъ углу *HCE*, или углу β , который въ свою очередь равенъ половинѣ угла *FCE*, или половинѣ числа румбовъ, на которое строй мѣняетъ свое направленіе. Такимъ образомъ, курсовой уголъ, на который правый головной долженъ видѣть лѣваго головного для начала маневра, равняется углу *CAA'* безъ угла α , или $90^\circ - \alpha$, а курсовой уголъ, на который лѣвый головной долженъ видѣть праваго для того же самаго, равенъ углу *IEC* вмѣстѣ съ угломъ α , или $90^\circ + \alpha$. Изъ всего этого образуется самое простое правило: при заворачиваніи сложныхъ строевъ, напр. двухъ колоннъ, двойнаго фронта и проч., слѣдуетъ раздѣлить число румбовъ, на которое мѣняется курсъ, на два, и затѣмъ для опредѣленія курсоваго угла того корабля, въ сторону котораго будетъ происходить заворачиваніе, должно вычесть это половинное число румбовъ изъ 8 R, а для курсоваго угла корабля или кораблей, которые образуютъ заходящее плечо, должно придать это половинное число къ 8 R. Въ нашемъ примѣрѣ, число румбовъ перемѣны курса есть 4; слѣдовательно, величины курсовыхъ угловъ, подъ которыми корабли должны видѣть другъ друга передъ началомъ поворота, суть: для головного правой колонны $8R - 2R$, т. е. 6 румбовъ, а для головного лѣвой $8R + 2R$, т. е. 10 румбовъ. Мы рассмотримъ теперь нѣкоторыя изъ нашихъ эволюцій, въ которыя входитъ это правило, и затѣмъ сравнимъ ихъ съ такими же французскими маневрами. Мнѣ кажется, что подобное сравненіе должно наглядно выяснитъ всѣ преимущества, которыя имѣетъ на своей сторонѣ система строго обработанная передъ правилами, составленными наскоро и безъ внимательнаго обсужденія предмета.

Возьмемъ для начала примѣръ, который мы только что разсматривали. Положимъ, что строю двухъ колоннъ (черт. 23)

должно поворотить на 4 R вправо. Для этого, по подъѣмѣ сигнала, головные корабли колоннъ поднимаютъ вмѣсто отвѣта исполнительные флаги. Со спуска сигнала, правая колонна уменьшаетъ ходъ до малаго, а лѣвая продолжаетъ идти съ тою же скоростью. Когда головной лѣвой колонны увидитъ головнаго правой вправо отъ своего курса на 10 R, то спускаетъ свой исполнительный флагъ, вмѣстѣ съ чѣмъ оба головные одновременно поворачиваютъ вправо на 4 R. За ними послѣдовательно вступаютъ на новый курсъ и остальные корабли ихъ линій. Когда головной правой колонны увидитъ, что головной лѣвой колонны подходитъ къ его траверзу, то спускаетъ свой исполнительный флагъ, послѣ чего правая колонна даетъ прежній ходъ и выравнивается по лѣвой.

Теперь я представлю вамъ, милостивые государи, буквальный переводъ французскаго наставленія къ тому же самому маневру. Приложенный чертежъ (черт. 24) представляетъ также точную копію съ чертежа, помѣщеннаго въ *Tactique navale*.

Флоту, находящемуся въ строй двухъ шахматныхъ колоннъ, переѣмнитъ курсъ контръ-маршемъ на 4 R вправо.

«Головные корабли послѣдовательно переѣмняютъ курсъ на назначенный румбъ.

«Движеніе начинаетъ головной той колонны, въ сторону которой наклоняется новый курсъ».

«Головной корабль, начинающій движеніе, уменьшаетъ ходъ сообразно тому какъ великъ уголъ, составляемый новымъ курсомъ со старымъ, и на сколько его линіи придется идти менѣе, чѣмъ другой колоннѣ.

«Остальные суда обѣихъ колоннъ вступаютъ послѣдовательно контръ-маршемъ въ кильватеръ головныхъ, уравнивая свою скорость съ ихъ ходомъ. Корабли той линіи, которой идти менѣе, держатся по возможности противъ соотвѣствующихъ имъ промежутковъ другой колонны.

«Когда строй надлежащимъ образомъ выровняется, флотъ даетъ прежній ходъ.»

Изъ сопоставленія этихъ двухъ объясненій одного и того же маневра вы можете видѣть, милостивые государи, что наше русское-наставленіе къ сигналу гораздо яснѣе французскаго, потому что опредѣленно указываетъ роль, которую долженъ исполнять каждый корабль строя, и за тѣмъ даетъ очень мало мѣста взглядамъ и произволу отдѣльныхъ личностей, чѣмъ такъ богато французское наставленіе, и что всегда приводитъ къ нестройности построений. Кромѣ того, и самая система нашего маневра имѣ-

есть преимущество передъ французскою, такъ какъ требуетъ менѣе времени. Последнее обстоятельство выясняется особенно въ слѣдующемъ примѣрѣ, гдѣ выгоды русской методы обнаруживаются еще ярче и берутъ положительно верхъ надъ французскою.

Положимъ, что строю двойнаго фронта (черт. 25) должно зайти лѣвымъ флангомъ впередъ съ переменю курса на 4 R вправо. Для этого, по подъемѣ сигнала, право-фланговые корабли обѣихъ линій фронта поднимаютъ вмѣсто отвѣта исполнительные флаги. Со спускомъ сигнала, они уменьшаютъ ходъ до самаго малаго. Остальные корабли ихъ линій продолжаютъ идти впередъ до тѣхъ поръ, пока не увидятъ своихъ право-фланговыхъ на 10 R вправо отъ курса. Тогда они также послѣдовательно уменьшаютъ ходъ до самаго малаго. Когда право-фланговый передняго фронта увидитъ, что его линія построилась по надлежащему пеленгу, то спускаетъ исполнительный флагъ, вмѣстѣ съ чѣмъ всѣ корабли ея даютъ прежній ходъ, поворачиваютъ вправо на 4 R и выравниваются по правому фланговому. Въ то же время даетъ прежній ходъ и задняя линія и идетъ прямо. Когда право-фланговый ея увидитъ себя на мѣстѣ поворота право-фланговаго передняго фронта, то спускаетъ исполнительный флагъ, вмѣстѣ съ чѣмъ корабли задней линіи поворачиваютъ одновременно на 4 R вправо и выравниваются по право-фланговому.

Теперь мы посмотримъ на французскій способъ того же самаго перестроенія.

Флоту, находящемуся въ строп шахматнаго фронта, перемѣнить курсъ на 4 R вправо, помощью контръ-марша на лѣво впередъ (черт. 26).

«Лѣво-фланговые корабли обѣихъ линій поворачиваютъ послѣдовательно на курсъ, перпендикулярный къ новоназначенному, дѣлая движеніе *впередъ* фронта. Лѣво-фланговый передней линіи начинаетъ движеніе и уменьшаетъ болѣе или менѣе ходъ, сообразно тому какъ великъ уголъ, составляемый новымъ курсомъ со старымъ и на сколько первой линіи придется идти болѣе, чѣмъ второй.

«Остальные корабли обѣихъ линій поворачиваютъ одновременно на 8 R влѣво и вступаютъ послѣдовательно контръ-маршемъ въ кильватеръ лѣво-фланговыхъ, сдѣлавшихся головными, уравнивая свой ходъ съ ихъ ходомъ и держась по возможности противъ соотвѣствующихъ имъ промежутковъ во второй линіи.

«Когда адмиралъ признаетъ, что ордеръ выстроился надлежащимъ образомъ на перпендикулярѣ къ новому курсу, то дѣлаетъ сигналъ—флоту поворотить разомъ на 8 R вправо.»

Французскій способъ перемѣны курса строимъ двойнаго фронта очевидно гораздо медленнѣе нашего. Кромѣ того, въ немъ есть то неудобство, что корабли принуждены во время перестроенія поворачиваться бортомъ къ своему прежнему направленію, что въ извѣстныхъ случаяхъ, при близости непріятеля, можетъ представить немалую опасность. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ этомъ случаѣ нѣтъ той опредѣленности, которая необходима, чтобы эволюціонное наставленіе было дѣйствительно указаніемъ, что каждому кораблю слѣдуетъ дѣлать во время маневра, а не средствомъ для отдѣльныхъ личностей создавать собственные приемы маневрированія. Въ этомъ то и заключается главное отличие, которое будетъ имѣть нашъ русскій эволюціонный сводъ отъ иностранныхъ. Мы заботимся, чтобы и текстъ сигналовъ, и наставленія къ нимъ, и тактическіе чертежи были составлены какъ можно яснѣе и не давали бы возможности ошибочно понимать эволюціонныя указанія, или же руководиться во время построеній личнымъ произволомъ. Между тѣмъ, французы допускаютъ въ своей эволюціонной книгѣ много недомолвокъ и неясностей, надѣясь, что онѣ будутъ обойдены пониманіемъ дѣла и опытностью отдѣльныхъ исполнителей маневра. До нѣкоторой степени этотъ взглядъ допустимъ, такъ какъ совершенно излишне распространяться въ поясненіяхъ того, что просто и удобопонятно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что эволюціонныя наставленія могутъ читаться въ минуты тяжелыя, передъ вступленіемъ въ бой, во время быстрыхъ и рѣшительныхъ движеній, когда и адмиралу, и командиру есть такъ много о чемъ подумать, что имъ должно быть весьма пріятно, если эволюціонная книга даетъ ясныя и опредѣленныя указанія, не отвлекая ихъ мыслей отъ предметовъ болѣе важныхъ, чѣмъ мелкія подробности перестроеній.

Мы сдѣлаемъ теперь, милостивые государи, еще одно сравненіе между русскимъ и французскимъ способами исполненія того же маневра, чтобы выяснитъ себѣ еще болѣе достоинства, которыми обладаетъ наша система сравнительно съ иностранными. Положимъ, что изъ строя кильватера намъ нужно перейти въ строй двухъ колоннъ (черт. 27). Для этого, по нашимъ правиламъ, головной корабль линіи кильватера, по подъемѣ сигнала, поднимаетъ вмѣсто отвѣта исполнительный флагъ. Со спускомъ сигнала, вся передняя половина линіи дѣлаетъ одновременно 2-й координатъ вправо ($5\frac{1}{4}R + 5\frac{1}{4}R$) и за тѣмъ стопоритъ машины. Задняя половина линіи продолжаетъ идти съ прежнею скоростью. Когда головной правой колонны увидитъ, что головной лѣвой подходитъ къ его траверзу, то спускаетъ исполнительный флагъ, вмѣстѣ съ чѣмъ

правая колонна даетъ прежній ходъ и выравнивается по лѣвой.

Наше наставленіе совершенно ясно и не можетъ произвести никакихъ недоразумѣній или разнообразія въ исполненіи маневра отдѣльными кораблями. Взглянемъ теперь на французское объясненіе того же самаго перестроенія и, какъ я полагаю, намъ придется отдать предпочтеніе первому, какъ относительно точности въ изложеніи, такъ и относительно самой эволюціонной методы.

Изъ линіи кильватера построится въ две колонны (черт. 28).

«Четные корабли, если флагманское судно имѣетъ четный номеръ, или нечетные, если оно имѣетъ нечетный номеръ, продолжаютъ идти тѣмъ же курсомъ, уменьшивъ одновременно ходъ, чтобы сохранить между собою тѣ же разстоянія.

«Остальные корабли маневрируютъ такимъ образомъ, чтобы выстроить другую линію кильватера вправо отъ первой, каждый противъ соотвѣтствующаго ему промежутка, въ назначенномъ разстояніи отъ лѣвой колонны.

«Когда строй надлежащимъ образомъ выравнивается, флотъ даетъ прежній ходъ.»

Я не стану утомлять васъ болѣе, милостивые государи, примѣрами построеній и перестроеній, такъ какъ новая эволюціонная книга будетъ вскорѣ въ рукахъ у всѣхъ у насъ и мы приобрѣтемъ возможность подробно ознакомиться съ нею и изучить ея правила и наставленія. Ей предстоитъ въ будущую кампанію играть главнѣйшимъ образомъ роль испытательную, служить для ознакомленія флота съ новыми приемами эволюцій. Затѣмъ она будетъ постепенно расширяться и совершенствоваться, нѣсколько разъ перепечатываясь. Но и въ настоящемъ, такъ сказать, начальномъ видѣ своемъ она представляетъ отличное, вполне обработанное руководство для эскадренныхъ движеній, далеко оставляющее за собою и французскую *Tactique navale* и, безъ сомнѣнія, все то, что до сихъ поръ сдѣлано по этому предмету въ западныхъ морскихъ литературахъ.

Что же касается до устройства нашей эволюціонной книги, то оно въ общихъ чертахъ будетъ имѣть сходство съ проектомъ общаго свода военныхъ морскихъ сигналовъ, который уже три года употребляется на нашей броненосной эскадрѣ и, слѣдовательно, въ общихъ чертахъ извѣстенъ большинству нашихъ офицеровъ. Эволюціонные сигналы будутъ размѣщены по алфавитному порядку главныхъ словъ, а противъ нихъ пойдутъ, также по порядку, буквенные и численные нумера ихъ. Такимъ образомъ, сначала будетъ стоять, напр., слово *захожденіе*, потомъ

кильватеръ, за тѣмъ *колонна* и т. д. Этимъ способомъ приски-
ваніе и разборъ сигналовъ будетъ весьма удобенъ. Каждый сиг-
налъ будетъ снабженъ чертежемъ и подробнымъ наставленіемъ,
что слѣдуетъ дѣлать каждому. судну. Въ началѣ книги будутъ
помѣщены общія правила для эскадреннаго плаванія и нѣкото-
рыхъ боевыхъ обстоятельствъ, которыя въ настоящее время еще
не вполне составлены, но откуда я позволю себѣ сдѣлать неболь-
шое извлеченіе, чтобы представить вамъ, мил. государи, тотъ
характеръ, который они будутъ носить на себѣ.

Эти общія наставленія будутъ имѣть слѣдующій видъ:

1) Всѣ эволюціи начинаются немедленно по спускѣ сигнала у
адмирала. Если же во время самаго перестроенія бываетъ нужно
сдѣлать всѣмъ вмѣстѣ какія нибудь движенія, напр. разомъ дать
ходъ, заворотить на извѣстное число румбовъ и проч., то адми-
раль, головные, или фланговые, или же центральные корабли,
смотря по потребностямъ, или же какъ будетъ сказано въ настав-
леніи, приложенномъ къ сигналу, поднимаютъ исполнительные
флаги, тогда эти общія движенія выполняются эскадрою по при-
спусканіи или спускѣ исполнительнаго флота на тѣхъ судахъ, у
которыхъ онъ поднятъ.

2) Всѣ завороты по сигналу дѣлаются, кладя руль на бортъ,
если не было предварительно сдѣлано другаго распоряженія.

3) При встрѣчахъ судовъ во время перестроеній флота, они
должны оставлять другъ друга въ лѣвой сторонѣ, исключая осо-
быхъ случаевъ.

4) Если передній мателотъ оттянулъ, то слѣдующій за нимъ
корабль долженъ *обойти* его, потому что разстояніа должно со-
блюдать не столько отъ своего передоваго, сколько отъ головнаго
корабля въ линіи.

5) Править въ кильватеръ слѣдуетъ не столько къ переднему
своему мателоту, сколько къ головному кораблю въ линіи.

6) Если какой нибудь корабль не въ линіи, то онъ долженъ
стараться какъ можно скорѣе войти въ нее, въ кильватеръ своего
передняго мателота, или назначеннаго корабля, и потому онъ
имѣетъ право класть руль на бортъ и за тѣмъ съ борта на
бортъ.

7) Уменьшивши ходъ, потому что набѣжали на передняго,
слѣдуетъ немедленно прибавить ходу, лишь только передній мате-
лотъ начнетъ увеличивать разстояніе.

8) Не должно опасаться набѣгать близко, ибо рулемъ легко попра-
вить дѣло. Напротивъ, должно всѣми силами стараться не оття-

нуть линію, потому что это очень трудно поправить безъ общей потери времени.

9) Если головной корабль уменьшилъ ходъ, то это дѣлается единственно для того, чтобы дать остальнымъ нагнать его. Слѣдоват. подражать ему долженъ только головной другой колонны, а отнюдь не прочіе корабли, которые тутъ-то и должны нажимать на своихъ переднихъ мателотовъ.

10) Если во время какого либо послѣдовательнаго перестроенія, начинающіе послѣднее корабли придутъ въ такое положеніе относительно вѣтра или зыби, что ходъ ихъ долженъ увеличиться, то имъ немедленно слѣдуетъ уменьшить ходъ, чтобы не растянуть строя.

11) Когда же, напротивъ того, новое положеніе начинающихъ уменьшаетъ ихъ ходъ и они не могутъ его увеличить, то прочіе должны уменьшить свой ходъ пропорціонально.

12) Во время послѣдовательнаго поворота линіи кильватера, очень легко поправить растянутые промежутки между кораблями, кладя руль на бортъ раньше прихода на ту точку, гдѣ передній мателотъ началъ класть руль.

13) Такъ какъ всякій маневръ исполняется, кладя руль на бортъ, и потомъ, дойдя до желаемого курса, ставя его прямо или перекладывая съ борта на бортъ (послѣднее, когда дѣлаютъ координаты)—то наблюдающій у компаса на сколько румбовъ перешелъ носъ судна, долженъ, сообразно усмотрѣнію командира, или кричать на *румбъ*, или самъ командовать въ надлежащій моментъ *прямо руль*, или *право на бортъ*, или же *лѣво на бортъ*, имѣя въ виду, что ставить находящійся на примѣръ право на бортъ руль прямо, или класть его разомъ лѣво на бортъ—слѣдуетъ, не доходя на румбъ или нѣсколько румбовъ до желаемого направленія, дабы не перейти послѣднее. Слѣдовательно, командовать рулевому, или кричать «на румбъ», надлежитъ, не дойдя до настоящаго направленія на румбъ, или нѣсколько румбовъ, смотря по поворотливости судна и его послушности рулю. Это должно дѣлаться такимъ образомъ, чтобы приказаніе о новомъ положеніи руля могло быть получено своевременно.

14) Если прежде спуска сигнала и начатія маневра адмиралъ намѣренъ отмѣнить его исполненіе, то поднимаетъ отмѣнительный флагъ и палитъ пушку. Тогда всѣ поднявшіе отвѣтъ, не спуская его, поднимаютъ сами отмѣнительный флагъ, а неуспѣвшіе поднять отвѣта ограничиваются поднятіемъ отмѣнительнаго; спускать же отмѣнительный должно по спускѣ онаго на флагманскомъ кораблѣ.

Если же по измѣнившимся обстоятельствамъ, по поднятіи отмѣнительнаго на всѣхъ судахъ, или и раньше этого, адмиралъ все-таки намѣренъ привести въ исполненіе первоначальный свой сигналъ, то онъ спускаетъ только отмѣнительный и оставляетъ поднятымъ сигналъ.

15) Когда адмиралъ дѣлаетъ эволюціонный сигналъ, къ которому приложено наставленіе какимъ образомъ его слѣдуетъ исполнить, то отвѣтъ на него должно поднимать лишь тогда, когда это наставленіе будетъ прочитано командиромъ и надлежащимъ образомъ усвоено.

Вотъ нѣсколько общихъ правилъ, предпосланныхъ въ нашей эволюціонной книгѣ. Эта часть еще далеко не обработана, потому что, не представляя преобладающаго интереса, она составитъ послѣднюю работу комисіи при изготовленіи новаго свода.

Будущая кампанія общаетъ намъ дѣятельное занятіе морскими эволюціями. Трудно предвидѣть ея случайности и тотъ ходъ ея, который можетъ быть вызванъ обстоятельствами, но если ничто не помѣшаетъ, то весьма вѣроятно, что мы будемъ испытывать и плаваніе цѣлымъ флотомъ, раздѣленнымъ на эскадры, и маневрированіе отдѣльныхъ отрядовъ съ цѣлю усовершенствованія въ перестроеніяхъ. При этомъ предполагается доставить каждому офицеру, служащему на эскадрѣ, по экземпляру новаго эволюціоннаго свода для того, чтобы никто не былъ лишенъ средствъ основательно изучить нововводимые приемы маневрированія и имѣлъ возможность приобрести спеціальныя познанія въ одной изъ самыхъ важныхъ отраслей нашей боевой науки. Найти корень для эволюціонной системы тяжело, составить сводъ сигналовъ съ соотвѣтствующими правилами и наставленіями не легко, но узнать духъ эволюцій и приобрести умѣнье пользоваться ими очень нетрудно. Намъ предстоитъ сжечь, дѣлая маневры, нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ угля, слѣдов. произвести хотя категорически необходимую, но тѣмъ не менѣе большую издержку. Желательно бы было, чтобы подобная затрата принесла какъ можно болѣе пользы и доставила нашимъ эскадрамъ то искусство въ маневрированіи, которое при современномъ состояніи тактики составляетъ залогъ успѣха. Впрочемъ, сомнѣваться въ этомъ не слѣдуетъ: всѣ средства къ достиженію этого будутъ въ нашихъ рукахъ, а что касается до стремленія выполнить свое дѣло и желанія принести пользу, то въ нихъ у насъ недостатка никогда не бывало.

ЛЕКЦІЯ III.

Одиночный бой судна съ судномъ.

Артиллерія есть основаніе одиночныхъ схватокъ между судами. — Современное состояніе артиллеріи и броневой защиты на основаніи данныхъ, представленныхъ парижскою всемірною выставкою. — Разборъ боя броненоснаго бортового судна съ бортовымъ же. — Бой броненоснаго башеннаго судна съ бортовымъ. — Что можетъ содѣйствовать успѣху неблиндированнаго судна при борьбѣ съ броненосцемъ. — Ночной бой. — Побочныя обстоятельства, имѣющія вліяніе на успѣхъ морскаго боя. — Абордажъ.

Милостивые государи, прошедшія бесѣды наши были посвящены разбору фактической части морской тактики и ея спутника—эволюцій, который былъ предпринятъ нами съ цѣлію ознакомленія съ нынѣшнимъ состояніемъ этихъ отраслей боевой науки у насъ въ Россіи и во флотахъ различныхъ морскихъ государствъ. Съ сегодняшней бесѣды нашей мы покидаемъ область чистыхъ фактовъ и переходимъ преимущественно къ умозрительному разбору занимающаго насъ предмета—съ цѣлію разъясненія его наиболѣе важныхъ сторонъ и стремленій. Почва, на которую мы теперь выступаемъ, можетъ быть разработана самымъ разнообразнымъ образомъ. Каждый морской офицеръ имѣетъ право смотрѣть на морской бой по своему и чѣмъ будетъ менѣе однообразія въ подобныхъ взглядахъ, тѣмъ всестороннѣе и глубже станетъ наше знаніе прямой нашей специальности—умѣнья драться. Поэтому, весьма желательно, милостивые государи, чтобы мы слышали и прочли какъ можно болѣе замѣчаній и взглядовъ на морскую боевую науку современной эпохи, такъ какъ всякая высказанная мысль можетъ озарить новымъ свѣтомъ ту или другую сторону военно-морскаго дѣла. Намъ, морякамъ, а не другому кому, предстоятъ битвы на морѣ, слѣдовательно прямая наша обязанность готовить себя къ этимъ торжественнымъ минутамъ и обезпечить себѣ работою мысли возможность успѣховъ и побѣды.

Одиночный бой судна съ судномъ также входитъ въ составъ морской тактики, не смотря на то, что подобный фактъ нисколько

не ладится съ общепринятымъ взглядомъ на нее. Мы привыкли смотрѣть на тактику какъ на установленные параграфы для дѣйствій и движеній большими массами судовъ, а совсѣмъ не какъ на правила боя между единичными кораблями. Между тѣмъ, это не вполне такъ. Морская тактика есть наука морскаго боя, слѣдовательно она имѣетъ полное право заниматься какъ сраженіемъ эскадры съ эскадрою, такъ и схваткою между двумя изолированными противниками. Кромѣ того, всякая морская битва состоитъ въ большей части случаевъ изъ суммы отдѣльныхъ схватокъ между судами, которыя лишь изрѣдка превращаются въ удары большими массами кораблей противъ другихъ такихъ же массъ кораблей. Такимъ образомъ, изученіе одиночнаго боя судна съ судномъ есть прямое дѣло морской тактики и составляетъ весьма важную главу въ ней, такъ какъ подобныя сраженія между единичными противниками бывають гораздо чаще большихъ эскадренныхъ баталій.

Артиллерія есть главное боевое средство для одиночныхъ битвъ между двумя противниками. Очевидность этого утвержденія почти не требуетъ доказательствъ, такъ какъ оно основано на всѣмъ извѣстныхъ условіяхъ морскаго боя судна съ судномъ. Тараненіе при подобныхъ обстоятельствахъ невозможно, за исключеніемъ лишь самыхъ рѣдкихъ случаевъ, когда одинъ изъ противниковъ лишится способовъ къ передвиженію. Поэтому, главнѣйшая роль для нападеній и обороны остается на долю орудій, которыя продолжаютъ исполнять свою старинную, хорошо всѣмъ намъ знакомую обязанность. Такимъ образомъ, можно сказать, что, сближаясь съ непріателемъ для одиночной схватки, намъ слѣдуетъ думать почти исключительно объ одной артиллеріи и въ умѣ своемъ изыскивать лучшіе приемы артиллерійскаго боя для нанесенія противнику наибольшаго вреда снарядами. Всѣ остальные соображенія должны стоять уже на второмъ планѣ, сторонясь и уступая мѣсто главнѣйшей идеѣ—о прямыхъ средствахъ къ истребленію непріателя. Это есть первый шагъ къ успѣху и чѣмъ скорѣе и лучше онъ бываетъ сдѣланъ, тѣмъ обезпеченнѣе становится исходъ приближающейся схватки.

Согласно принятому нами плану, прежде чѣмъ приступить къ разбору различныхъ способовъ атаки и обороны во время боя между одиночными противниками, мы бросимъ общій взглядъ на тѣ средства, которыми обладаютъ западно-европейскіе флоты, какъ для нападенія, такъ и для защиты. Лучшими матеріалами для подобнаго обзора могутъ быть, по моему мнѣнію, данныя, представленныя прошлогоднею парижскою всемірною выставкою, показавшею намъ по всѣмъ частямъ науки и искусства послѣдне-ска-

занное слово. Военныя средства занимали очень видное мѣсто на этой выставкѣ и выдавались впередъ особенно рельефно при той обстановкѣ изъ произведеній промышленности и искусствъ, носившихъ на себѣ отпечатокъ мирнаго направленія, которая окружала ихъ. Трудно было рѣшить на какомъ поприщѣ человѣкъ подвинулся ближе къ совершенству—на пути ли мирныхъ занятій ремесломъ и наукою, или же въ средствахъ къ самоуничтоженію. Одинъ только фактъ былъ весьма ясенъ—что съ развитіемъ техническихъ производствъ развиваются и способы къ нападенію и оборонѣ. Поэтому, есть основаніе полагать, что въ будущемъ насъ ждутъ такія орудія и приемы войны, которыя, по всей вѣроятности, станутъ поражать своею колоссальностью и страшною силою разрушенія. Всемирныя выставки могутъ служить отличнымъ мѣриломъ этого развитія. На лондонской выставкѣ 1851 года и парижской 1855 года, военные отдѣлы были сравнительно очень бѣдны и не интересны, а по части артиллеріи экспонентами были только Франція и Бельгія. На лондонской выставкѣ 1862 года, военный отдѣлъ былъ уже богатъ, а часть артиллерійская была представлена въ полной подробности. Наконецъ, въ прошломъ году, всѣ государства Европы соперничали другъ передъ другомъ въ выставкѣ своихъ наступательныхъ и оборонительныхъ средствъ, — а военный отдѣлъ въ общемъ представлялъ подробную картину умственного труда многихъ специалистовъ за послѣднее пятнадцатіе. Артиллерія была изображена при этомъ гигантскими произведеніями техники, приводящими даже къ мысли, что дальше идти невозможно, хотя исторія всего прошлаго и самый ходъ вещей въ настоящее время побуждаютъ принять убѣжденіе въ противномъ.

Артиллерійскій отдѣлъ на парижской выставкѣ былъ въ высокой степени интересенъ. Англія, Франція, Пруссія и Швеція выставили послѣдніе результаты свои, полученные ими при неоконченной еще борьбѣ орудія съ броней. Наибольшею полнотою и разнообразіемъ отличалась Англія, которая послала въ Парижъ на судъ специалистовъ произведенія своего вуличскаго арсенала, эльсвикскаго завода, компаніи Витворта и наилучшее орудіе, изготовленное по способу майора Паллизера. За Англіею слѣдовала Франція, рискнувшая публично показать, для успокоенія національнаго самолюбія, всѣ виды новыхъ орудій, принятыхъ ею для вооруженія флота и прибрежной обороны. За тѣмъ шла другая соперница Франціи—Пруссія, которая грандіозными и великолѣпными образцами стальныхъ орудій могла заставить кого угодно задуматься о цвѣтущемъ состояніи своей фабричной промышленности и успѣ-

хахъ металлургіи. Наконецъ, послѣ всѣхъ, Швеція скромно, но тѣмъ не менѣе краснорѣчиво щеголяла отличными произведеніями изъ своего чугуна и бессемеровой стали.

Къ сожалѣнію, я не въ правѣ останавливаться долго на описаніи орудій, станковъ и снарядовъ, бывшихъ на выставкѣ въ Парижѣ, потому что это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ главнаго предмета нашей сегодняшней бесѣды. Но тѣмъ не менѣе сдѣлать это, хотя слегка, необходимо, чтобы имѣть основаніе при сравненіи относительныхъ достоинствъ современныхъ европейскихъ артиллерій, которымъ мы займемся далѣе. Парижская выставка дала рѣдко случающуюся возможность сравнительно видѣть хорошія и неудовлетворительныя стороны различныхъ системъ однихъ и тѣхъ же орудій войны. Поэтому, для специалиста очень не трудно сдѣлать выводы, которые могутъ привести къ установленію настоящаго взгляда на предметъ, вполне независимаго отъ убѣжденій лицъ заинтересованныхъ и мнѣній журналистики, и слѣдовательно до извѣстной степени самостоятельнаго.

Мы начнемъ съ Англіи.

Вуличскій арсеналъ имѣлъ выставленнымъ въ Парижѣ одно изъ своихъ кованыхъ нарѣзныхъ орудій 12 дюймоваго калибра, про которыя еще недавно такъ громко кричали всѣ англійскія газеты, признававшія его верхомъ совершенства. Подобныя орудія будутъ поставлены на главнѣйшихъ изъ новыхъ судовъ броненоснаго флота, *Hercules*, *Monarch* и другихъ, и слѣдовательно составятъ ядро его артиллерійской силы во время эскадреннаго боя. Поэтому, легкій взглядъ на него будетъ не лишнимъ. Это 600 фунтовое орудіе состоитъ изъ внутренняго стального цилиндра, на который надѣты кованый желѣзный казенникъ, цапфенное кольцо и восемь другихъ колецъ, выкованныхъ изъ полосоваго желѣза по способу Армстронга. Вѣсъ орудія 1410 пудовъ, длина его 171,5 дюйма, длина канала 145 дюймовъ, число нарѣзокъ 9. Вѣсъ заряда 70 фунтовъ. Вѣсъ снаряда 600 фунтовъ. Начальная скорость 1240 футъ. Снаряды, которыми должно дѣйствовать это орудіе, пустотѣлые, вѣсомъ въ 554 фунта. Вѣсъ разрывнаго заряда 47 ф., что составляетъ вмѣстѣ съ вѣсомъ самой бомбы общій вѣсъ снаряда въ 601 фунтъ.

Англійская 600 фунтовая пушка можетъ по справедливости назваться самымъ большимъ и сильнымъ изъ нарѣзныхъ орудій, назначенныхъ для вооруженія флота. Отдѣлка его превосходная и выказываетъ блистательно всю степень искусства, которымъ обладаютъ вуличскіе мастера. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это орудіе не

*

можетъ не возбуждать скептическихъ взглядовъ и невольно наводитъ на мысли о страшной сценѣ, которая должна произойти въ боевой башнѣ при разрывѣ подобнаго чудовища, плохо гарантирующаго безопасность прислуги помощію своего восьмернаго ряда желѣзныхъ колецъ. Вотъ что говоритъ про это орудіе одинъ изъ экспонентовъ прошлой выставки, адмиралъ Холстедъ, извѣстный у насъ въ Россіи по своимъ «будущимъ флотамъ»: «Для вооруженія башенныхъ судовъ, говоритъ онъ, остаются только 22½ тонны нарѣзныя орудія, изъ которыхъ одно, стрѣлявшее въ декабрѣ 1865 г. въ щитъ *Hercules*, послужило образцомъ относительно своихъ практическихъ достоинствъ. Вуличъ произвелъ донынѣ только четыре подобныя орудія, изъ которыхъ три уже разорвались послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, а четвертое не успѣло сдѣлать того же самаго лишь потому, что послѣ одного успѣшнаго выстрѣла его приберегли для посылки на парижскую выставку.»

Эти слова были написаны въ маѣ прошлаго года. Въ настоящее время, на сколько мнѣ извѣстно по слухамъ, англичане начали уже валовое производство этихъ орудій; факты покажутъ на сколько справедливо относительно ихъ скептическое мнѣніе англійскаго адмирала.

Другой калибръ, играющій весьма важную роль въ вооруженіи англійскаго флота, есть 9 дюймовое орудіе Армстронга, которое имѣло на выставкѣ двухъ представителей—одного изготовленнаго въ Вуличѣ, а другаго на эльсвикскомъ заводѣ, гдѣ первымъ директоромъ состоитъ самъ Армстронгъ. Это орудіе входитъ въ составъ главнаго вооруженія британскаго флота и потому намъ не мѣшаетъ знать его важнѣйшіе элементы, тѣмъ болѣе, что англійскіе моряки возлагаютъ большія надежды на его дѣйствительность во время боя. 9 дюймовый нарѣзной калибръ служитъ для многихъ знаменемъ, изъ-за котораго неумолкаемо раздаются пренія и которое иногда составляетъ предметъ или неумѣренныхъ восторговъ, или же несправедливыхъ порицаній.

Это орудіе, также какъ и 600 фунтовое, состоитъ изъ внутренняго стальнаго цилиндра, на который надѣты кованые желѣзные казенникъ, цапфенное кольцо и 8 другихъ колецъ, изготовленныхъ изъ полосового желѣза по способу Армстронга. Вѣсъ его 720 пудовъ. Длина 147 дюймовъ. Длина канала 125 дюймовъ. Число нарѣзокъ 6. Зарядовъ два: усиленный въ 43 фунта и обыкновенный въ 30 фунтовъ. Вѣсъ снаряда 250 фунтовъ. Начальная скорость при усиленномъ зарядѣ 1370 футъ, а при обыкновенномъ 1230 футъ.

Снаряды, которыми дѣйствуетъ это орудіе, имѣютъ 18 дюймовъ, или два калибра въ длину и состоятъ изъ:

1) Цилиндро-коническихъ ядеръ изъ охлажденнаго чугуна Паллизера, вѣсомъ въ 250 фунтовъ, съ небольшою пустотою, куда помѣщается разрывной зарядъ въ 2,8 фунта. Снаряды эти назначаются для дѣйствія противъ брони.

2) Цилиндро-же коническихъ бомбъ, вѣсомъ также въ 250 фунтовъ. Вѣсъ разрывнаго заряда 18 фунтовъ.

3) Сегментовыхъ бомбъ, дѣйствующихъ какъ картечь. Вѣсъ самой бомбы 280,2 фунта, вѣсъ разрывнаго заряда 4,5 фунта. Число сегментовъ 307.

Третій калибръ, употребляемый на англійскомъ флотѣ, есть 7 дюймовое кованое наръзное орудіе, изготовленное по той же системѣ, какъ и два предыдущіе. Этимъ калибромъ англичане вооружаютъ свои небольшія суда и употребляютъ его также какъ подспорье къ 9 дюймовымъ. Вѣсъ его 6½ тонновъ, или 390 пудовъ. Длина 125 дюймовъ, длина канала 111 дюймовъ. Число наръзковъ 3. Вѣсъ снаряда 115 фунтовъ. Зарядовъ два: усиленный въ 22 фунта и обыкновенный въ 14 фунтовъ. Начальная скорость при усиленномъ зарядѣ 1440 фут., а при обыкновенномъ 1240 фут.

Мы не будемъ говорить о другихъ морскихъ орудіяхъ, которыя были выставлены британскимъ адмиралтействомъ, но которыя не имѣютъ за собою интереса, соединеннаго съ новизною и, слѣдовательно, заслуживающаго остановки. Я скажу только, что при внимательномъ сравнительномъ обзорѣ англійской артиллеріи, невольно замѣчаешь недостатокъ разнообразія, господствующій въ системѣ наръзковъ и изготовленіи снарядовъ. Напримѣръ, у 7 дюйм. орудій спираль наръзковъ однообразная, а у 8 и 9 дюймовыхъ прогрессивная. 7 дюймовое орудіе имѣетъ три наръзки, 8 дюймовое четыре, 9 дюймовое шесть, а 12 дюймовое девять. У 7 дюймоваго снаряда число мѣдныхъ выступовъ—шесть и величина всѣхъ одинаковая, у 8 дюймоваго—четыре большіе выступа въ нижней части и четыре маленькихъ въ верхней; у 9 дюймоваго—шесть большихъ и шесть маленькихъ вверху. Такимъ образомъ, вмѣсто строгой системы мы видимъ здѣсь разнообразіе, мало оправдываемое практическими потребностями и совершенно непонятное со стороны теоретической разработки предмета.

Что же касается до прочности этихъ орудій, то она, подобно большей части изъ существующихъ системъ наръзныхъ пушекъ, лишь проблематическая и довольно ограниченная. Напр. *maximum* службы 9 дюймоваго вуличскаго орудія полагается въ 450 выстрѣ-

ловъ, что не можетъ назваться особенно блестящимъ, хотя оно и употребляетъ зарядъ въ 43 фунта. Въ рапортѣ, поданномъ парламенту въ апрѣлѣ 1866 года, высказано, что въ продолженіе двухъ лѣтъ изъ 33 испробованныхъ орудій отъ 7 до 12 дюймоваго калибра, двадцать, т. е. 60 процентовъ, или разорвалось, или пришло въ совершенную негодность среднимъ числомъ на 210 выстрѣловъ. Кромѣ того, изъ этого же числа четыре орудія хотя не были признаны негодными, но имѣли такіе внутренніе пороки, которые не обѣщали орудію жизни болѣе чѣмъ на 20 выстрѣловъ. Между тѣмъ, эти не особенно удовлетворительные факты не остановили англичанъ и они подъ тяготѣніемъ своего выборнаго артиллерійскаго комитета, благодаря которому они сдѣлали уже столько ненужныхъ издержекъ, что могли бы построить два броненосныхъ флота, наготовили для своихъ морскихъ силъ до апрѣла прошлаго 1867 года 380 подобныхъ орудій, изъ которыхъ 59-тъ 9 дюймоваго калибра. Весьма вѣроятно, что результатомъ этого будетъ фактъ, сходный со знаменитымъ скандаломъ, происшедшимъ въ Англіи четыре года тому назадъ, когда первыя орудія Армстронга, которыя весь міръ тоже считалъ совершенствомъ и которыхъ было изготовлено на 12 милліоновъ рублей, вдругъ оказались нигде негодными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобный рѣшительный поступокъ имѣетъ для Англіи ту выгоду, что даетъ ей возможность, благодаря ея исправно вооруженному флоту, руководить политикой западной Европы и направлять дѣла такимъ образомъ, чтобы они приносили ей наибольшее количество пользы. Еще вопросъ—что имѣетъ за себя болѣе основательности—стремленіе ли получить пушку самую совершенную, что соединено съ выжиданіемъ, а слѣдовательно и съ потерей времени, или же категорическая рѣшимость имѣть хоть какое нибудь, но современное вооруженіе, при помощи котораго можно было бы съ достоинствомъ сохранять свое положеніе во время нашей эпохи вооруженнаго міра.

Мы перейдемъ теперь къ вооруженію французскаго флота и сдѣлаемъ обзоръ его также на основаніи фактовъ, доставленныхъ парижскою выставкою. Про это вооруженіе было столько толковъ въ послѣднее время и про него такъ кричала журналистика, что намъ необходимо уяснить себѣ до какой степени справедливы всѣ прочитанныя нами статьи и памфлеты и какой корень должно извлечь изъ французскаго хвастовства, чтобы добраться до правды. Французы приняли для своего новаго судоваго вооруженія орудія, отлитыя изъ чугуна и скрѣпленныя стальными кольцами. Всѣ эти пушки наръзныя и заряжаются съ казенной части по системѣ

американца Кастмана, давно знакомой у насъ въ Россіи, но имъ изобрѣтателя которой неизвѣстно во Франціи даже между спеціалистами, вполне увѣренными, что она составляетъ французское изобрѣтеніе, подобно тому какъ и мониторъ Эриксона принадлежитъ по всѣмъ правамъ Дюпюи-де-Лому. Французы ставятъ въ настоящее время на свои суда нарѣзные орудія трехъ калибровъ: 6,4 дюймовыя, 7,6 дюймовыя и 9,4 дюймовыя. Они собираются также употреблять и 10, 8 дюймовыя, но недовольно удовлетворительные результаты до сихъ поръ удерживаютъ ихъ отъ этого. Теперь французскій флотъ дѣятельно мѣняетъ свою артиллерію, такъ что вскорѣ онъ будетъ готовъ вполне для артиллерійскаго боя, хотя нельзя не сказать, что суда, предназначавшіяся во время постройки для орудій меньшаго калибра и болѣе короткихъ, никогда не представятъ надлежащихъ удобствъ для быстрого огня и вполне ловкаго управленія гораздо сильнѣйшею артиллеріею.

6,4 дюймовое орудіе, которое французы предназначаютъ для вооруженія корветовъ и другихъ мелкихъ судовъ, имѣетъ въ длину 11 футъ и вѣситъ съ небольшимъ 300 пудовъ. Число нарѣзовъ 3. Зарядовъ два: одинъ усиленный въ 16,5 фунта, а другой обыкновенный въ 11 фунтовъ. Снарядовъ также два: стальное цилиндрическое сплошное ядро вѣсомъ въ 99 фунтовъ для дѣйствія противъ брони и цилиндрико-коническая бомба вѣсомъ въ 69,5 фунта. Французы увѣряютъ, что это орудіе пробиваетъ 6 дюймовую броню съ разстоянія въ 150 сажень. Нельзя не усомниться въ правдивости этого утвержденія и поневолѣ хочется присоединить его къ числу тѣхъ вымысловъ, на которые такъ щедра эта нація во всемъ, что касается до прославленія своихъ произведеній, начиная отъ мелочей и кончая произведеніями дѣйствительно грандіозными.

7,6 дюймовое орудіе назначается для фрегатскихъ батарей и для погони на судахъ меньшаго ранга. Длина его 12,2 фута, а вѣсъ 486 пудовъ. Число нарѣзовъ 5. Зарядовъ два: усиленный въ 27,5 фунта и обыкновенный въ 17,6 фунта. Снарядовъ также два — цилиндрическое, или цилиндрико-коническое сплошное ядро вѣсомъ въ 165 фунтовъ и цилиндрико-коническая бомба вѣсомъ въ 115 фунтовъ. Французы говорятъ, что эта пушка опасна для броненосцевъ до разстоянія 400 сажень. Цилиндрическіе снаряды они думаютъ употреблять лишь при разстояніяхъ, не превышающихъ 150 сажень.

9,4 дюймовыя орудія будутъ ставиться во французскомъ флотѣ въ барбетныхъ башняхъ, которыя устраиваются на нѣкоторыхъ новыхъ, готовящихся къ спуску, броненосцахъ. Длина ихъ 14,7

футъ, а вѣсъ 850 пудовъ. Число нарѣзокъ пять. Зарядовъ также два: усиленный въ 41 фунтъ и обыкновенный въ 35 фунтовъ. Снарядовъ тоже два—цилиндрическое или цилиндро-коническое стальное ядро вѣсомъ въ 317 фунтовъ и цилиндро-коническая чугунная бомба въ 220 фунтовъ. Французы думаютъ, что это орудіе можетъ быть дѣйствительнымъ до разстоянія въ 1000 сажень противъ судовъ, толщина брони которыхъ не превышаетъ 6 дюймовъ. Но, умѣряя нѣсколько свои предположенія, они назначаютъ ему предѣлъ лучшей дѣйствительности въ пять кабельтововъ, или 500 сажень. вмѣстѣ съ тѣмъ, по ихъ мнѣнію, нѣсколькихъ подобныхъ снарядовъ достаточно, чтобы искоревкать и разрушить щитъ, крайнихъ предѣловъ современной толщины. По французскимъ опытамъ, цилиндрическое ядро подобнаго калибра, пронизавъ сквозь щитъ составленный изъ 6 дюймовой брони и двухъ съ половиною футъ подкладки, выбиваетъ изъ него кусокъ металла вѣсомъ отъ 250 до 300 фунтовъ и около 9 кубическихъ футъ дерева. Для $9\frac{1}{2}$ дюймовыхъ орудій, стрѣляющихъ сорока фунтами пороха, подобные факты могутъ быть дѣйствительно возможными, но вмѣстѣ съ тѣмъ не должно слишкомъ поддаваться громкимъ фразамъ французовъ, народа зачастую слишкомъ увлекающагося и всегда непомѣрно пристрастнаго ко всему собственному.

10,8 дюймовое орудіе, предназначаемое также для французскаго флота, еще находится на экспериментальной почвѣ, хотя посѣтели парижской выставки могли видѣть одинъ экземпляръ подобной пушки подлѣ другихъ образцовъ французской морской артиллеріи. Длина его 15 футъ, а вѣсъ 1335 пудовъ. Зарядовъ у него также два: усиленный въ 66 фунтовъ и обыкновенный въ 53 фунта. Снарядовъ два рода: стальное сплошное ядро въ 476 фунтовъ и чугунная бомба въ 310 фунтовъ. Французы еще испытываютъ эти орудія и, по всей вѣроятности, не слишкомъ скоро добьются до того, что имъ желательно имѣть, т. е. до чугунной нарѣзной пушки огромнаго калибра, которая представляла бы хоть насколько нибудь серьезное ручательство въ своей прочности и способности выдерживать продолжительную пальбу.

Впечатлѣніе, которое французская морская артиллерія, выставленная въ Парижѣ въ прошедшемъ году, производила на зрителя, до нѣкоторой степени знакомаго съ дѣломъ, не можетъ назваться особенно благоприятнымъ. Какъ-то трудно вѣрится французамъ, что чугунъ, благодаря ихъ искусству, превратился въ матеріалъ, не только что годный, но даже отличный для нарѣзныхъ орудій самаго большаго калибра. Правда, что кольцевыя скрѣпленія при-

даютъ ему много крѣпости, но вспомнимъ орудія Паррота подъ Чарльстономъ, гдѣ много пушекъ разорвалось при зарядахъ несравненно слабѣйшихъ. Особенно, если начать сравнивать французскія орудія съ англійскими, стоявшими на выставкѣ неподалеку, и взять въ расчетъ, что служба дивныхъ по отдѣлкѣ кованыхъ желѣзныхъ англійскихъ пушекъ рассчитана не болѣе какъ на 450 выстрѣловъ, то становится почти несомнѣннымъ, что чугунные наръзныя французскія орудія составляютъ лишь переходное звено отъ одного положенія артиллеріи къ другому и что всѣ громкія фразы, расточаемыя въ ихъ похвалу нѣкоторыми изъ спеціалистовъ и журналами, суть или говоръ малознанія, или же диверсія, чтобы словами прикрыть шаткость фактовъ. Есть еще пунктъ, который подкрѣпляетъ общее недовѣріе къ словамъ французскихъ моряковъ и артиллеристовъ. Они увѣряли насъ на выставкѣ, что одинъ килограммъ ихъ чугунныхъ орудій съ полною обдѣлкою, наръзкою, обточкою и насадкою стальныхъ колецъ, обходится имъ въ 90 сантимовъ, что составляетъ на наши деньги и вѣсъ по 9,2 копѣйки за фунтъ, или по 3 рубля 68 копѣекъ за пудъ. Эта цѣна слишкомъ низка, чтобы быть возможною даже при обширномъ валовомъ производствѣ. Тѣмъ не менѣе, какъ бы тамъ ни было, прочны или непрочны французскія орудія, но флотъ Франціи имѣетъ современную артиллерію, которая, можетъ быть, выдержитъ всего полтора или два боя, но за то даетъ смѣлость вызываться на этотъ бой и позволяетъ предпринимать болѣе или менѣе удачно кончающіяся экспедиціи, которыя безъ этой артиллеріи, можетъ быть, и не были бы начаты.

Впрочемъ, французы, заходясь чугунною наръзною артиллеріею, изыскиваютъ въ то же время средства для доставленія своему флоту вооруженія болѣе гарантированнаго въ смыслѣ прочности. На парижской выставкѣ заводчиками *Petin et Gaudet* было выставлено 9,4 дюймовое орудіе, изготовленное изъ стали по способу Бессемера, вѣсомъ въ 15,7 тоннъ, но ненарѣзанное и безъ запирающаго механизма. Тѣ же личности говорили намъ, что килограммъ подобной пушки съ полною обдѣлкою и наръзкою обходится въ 1 франкъ 20 сантимовъ, т. е. на наши деньги и вѣсъ по 12,3 копѣйки за фунтъ, или по 4 рубля 92 копѣйки за пудъ. Французы разсыпались въ похвалахъ этимъ орудіямъ, но такъ какъ до сихъ поръ еще не предпринято валоваго производства ихъ, то намъ должно подождать дальнѣйшихъ фактовъ, чтобы составить вѣрное сужденіе объ ихъ относительныхъ и сравнительныхъ достоинствахъ.

Этимъ мы закончимъ нашъ обзоръ современныхъ артиллерій

двухъ главныхъ морскихъ государствъ Европы и только въ самыхъ короткихъ словахъ коснемся до нынѣшняго вооруженія другихъ флотовъ. Ближайшая наша сосѣдка Швеція повидимому думаетъ окончательно остановиться на чугунныхъ гладкостѣнныхъ орудіяхъ самага большаго калибра, на томъ вѣрномъ основаніи, что эти пушки наиболѣе морскія изъ всѣхъ нынѣ существующихъ. Ею руководить вполнѣ справедливая мысль, что, имѣя превосходныхъ, образованныхъ вѣками практики, литейщиковъ и обладая лучшею рудою въ мірѣ, не слѣдуетъ заражаться модою и гнаться за новинками, когда можно усовершенствовать старое и даже довести его до лучшаго состоянія, чѣмъ то, до котораго доберутся и новыя металлы, и новыя орудія. Другая вѣрная мысль, которая руководитъ ею—это то, что не расчетъ заводить дорогими пушками для такого предмета, какъ морская артиллерія, которая въ нынѣшнее десятилѣтіе успѣла уже три раза предъявлять новыя требованія, а въ будущее десятилѣтіе сдѣлаетъ можетъ быть то же самое не три, а шесть разъ. Вѣдь не всѣ государства могутъ сравняться съ Англіею, которая чувствуетъ себя способною дѣлать опыты, обходящіеся въ 12 милліоновъ, и за тѣмъ, по убѣжденіи въ ошибочности своихъ расчетовъ и ожиданій, сдавать ихъ спокойно въ архивъ, въ арсеналы и артиллерійскіе склады. Впрочемъ, Швеція ограничивается до сихъ поръ лишь орудіями 10½ дюймоваго калибра, такъ какъ ея заводы не имѣютъ средствъ для отливки 15 дюймовыхъ. Опыты, которые были сдѣланы надъ этими орудіями, дали прекраснѣйшіе результаты, и въ Парижѣ на выставкѣ мы видѣли 10½ дюймовую гладкостѣнную пушку, которая выдержала, кромѣ 500 выстрѣловъ своимъ обыкновеннымъ снарядомъ въ 160 фунтовъ при зарядѣ отъ 27 до 40 фунтовъ, еще двадцать три выстрѣла цилиндрами вѣсомъ отъ 320 до 1280 фунтовъ при зарядѣ въ 40 фунтовъ. Интересно знать, существуетъ ли какое нибудь нарѣзное орудіе, которое было бы въ состояніи выдержать подобную пробу?

Другая сосѣдка наша, Пруссія, насколько мнѣ извѣстно, еще не вполнѣ рѣшила на счетъ выбора орудій для своего флота,—отдать-ли ей предпочтеніе кованымъ орудіямъ Армстронга, или же остановиться на пушкахъ изъ литой стали Круппа. По всей вѣроятности, послѣднія получаютъ перевѣсъ, во первыхъ, какъ свои, выработанныя у себя дома, а во вторыхъ, какъ всегда находящіеся подъ рукою, при всѣхъ обстоятельствахъ военнаго и мирнаго времени, что также не лишено большаго значенія.

Третья сосѣдка наша, Австрія, приняла для своего флота орудія Круппа и въ настоящее время вооружаетъ ими свои суда,

расположенныя въ Полѣ, гдѣ въ то же время производить артиллерійскіе опыты.

Итальянскій флотъ остался при своихъ орудіяхъ 6¼ дюймо-
ваго калибра, которыя такъ печально выказали свою несостоятель-
ность при Лиссѣ. Кромѣ того, онъ получилъ съ тѣхъ поръ съ
эльсвикскаго завода партію 7 и 9 дюймовыхъ орудій Армстрон-
га, которыя размѣщены по разнымъ судамъ для нѣкотораго уве-
личенія силы ихъ артиллеріи.

На этомъ мы остановимся въ нашемъ обзорѣ иностранныхъ
средствъ для атаки во время одиночнаго судового боя и взгля-
немъ теперь на средства, которыми обладаютъ броненосцы запад-
но-европейскихъ флотовъ для защиты при тѣхъ же обстоятель-
ствахъ. Мы воспользуемся для этого также данными, представ-
ленными парижскою всемірною выставкою гдѣ можно было ви-
дѣть образцы брони, изготовленные почти во всѣхъ европейскихъ
морскихъ государствахъ. Первое мѣсто на этомъ поприщѣ при-
надлежитъ, разумѣется, Англіи, которая выставила великолѣпныя
произведенія своихъ бронепрокатныхъ мастерскихъ, поражавшія
зрителей своими размѣрами. Во главѣ всѣхъ стоялъ заводъ Бра-
уна въ Шеффилдѣ, приславшій громадную плиту длиною въ 30
фут., шириною въ 3½ фута и толщиною въ 6 дюймовъ, вѣсомъ
въ 11 тоннъ, 5 центнеровъ. Кромѣ того, была весьма инте-
ресна разстрѣленная плита зовода мильвальской компаніи, дли-
ною въ 20 футъ 9 дюймовъ, шириною въ 4 фута 3 дюйма и тол-
щиною въ 6 дюймовъ, въ которую было сдѣлано 18 выстрѣловъ
съ разстоянія въ 200 сажень изъ орудій отъ 7 до 10½ дюймо-
ваго калибра. Плита эта была буквально превращена въ рѣшето
и представляла собою весьма хорошій образчикъ дѣйствія силь-
ной артиллеріи противъ брони значительной толщины. Тутъ же
можно было видѣть поперечныя сѣченія броненосныхъ судовыхъ
бортовъ, изъ которыхъ бортъ *Hercules*, послѣднеспущеннаго англійскаго броненосца, состоитъ изъ 8 и 9 дюймовой брони и 28
дюймовъ подкладки.

Что же касается до французскихъ бронныхъ плитъ, то на
выставкѣ можно было видѣть очень интересный курьозъ, отлично
обрисовывающій характеръ французскаго народа и тѣ приемы,
помощію которыхъ его глазамъ представляютъ многія вещи
далеко не въ настоящемъ видѣ. Казенный заводъ *Forges de la
Chaussade Guérigny* выставилъ двѣ плиты толщиною въ 8½ дюй-
мовъ, изъ которыхъ въ каждую было засажено по три 9½ дюй-
мовые снаряда изъ литой стали, вѣсомъ въ 350 фунтовъ. Всѣхъ
заряда былъ 61 фунтъ, а отстояніе орудія отъ щита равнялось

10 $\frac{1}{2}$ саженьмъ. Снаряды попали въ плиты какъ по циркулю и промежутки между ними были въ 2 фута. Они углубились въ нее до одной трети своей высоты и нѣсколько сплющались, причемъ одинъ изъ нихъ сломался. На противоположной сторонѣ плита немного выпучилась и дала небольшія трещины. Нѣкоторые винты, соединявшіе плиту съ подкладкой, согнулись, а другіе сломались. Все вмѣстѣ взятое составляло отличный фокусъ, назначавшійся для возбужденія вниманія зѣвакъ и поддержки патріотическихкихъ чувствъ, основанныхъ на невѣжествѣ. Ни одна 8 дюймовая плита въ мірѣ не выдержитъ такого близкаго удара трехъ 9 $\frac{1}{2}$ дюймовыхъ снарядовъ при зарядѣ въ 60 фунтовъ и при томъ маломъ отстояніи орудія, о которомъ я упомянулъ выше. Если же все, что говорятъ французы про эти плиты, справедливо, то подобный фактъ служитъ величайшимъ обвиненіемъ противъ ихъ новой артиллеріи и доказываетъ только ея слабость. Забавно было сопоставлять утвержденія тѣхъ же французовъ, увѣрявшихъ публику подлѣ своихъ пушекъ, что противъ 9 $\frac{1}{2}$ дюмоваго орудія не можетъ устоять никакая броня, и за тѣмъ въ 200 шагахъ оттуда показывавшихъ той же публикѣ двѣ плиты, которыя то же орудіе не могло пробить тремя снарядами съ разстоянія 10 сажень. Около этихъ двухъ плитъ всегда толплась большая масса добродушнаго, но невѣжественнаго французскаго народа, который составлялъ себѣ по нимъ понятіе о величій своей родины и о страхѣ, который она должна внушать всѣмъ своимъ сосѣдямъ и несосѣдямъ.

Французскія плиты вообще хорошей выдѣлки, но что касается до ихъ качествъ, то про это было весьма трудно судить по образцамъ, видѣннымъ нами въ Парижѣ, потому что и частные заводы подражали правительственному, показывая плиты, невывнесшія надлежащаго испытанія и не отъ тѣхъ орудій, противъ которыхъ имъ придется защищать борта судовъ. Это не то, что англичане, показавшіе съ полною откровенностью и качество своихъ плитъ, и способность прониканія своихъ орудій.

Австрійская броня, которая извѣстна въ Европѣ съ самой выгодной стороны и доказала свои качества подъ Лиссою, имѣла на выставкѣ представителемъ одну плиту завода графа Доннерсмарка близъ Вѣны, длиною въ 25 футъ, шириною въ 3 $\frac{1}{2}$ фута и толщиною въ 5 $\frac{1}{2}$ дюймовъ. Такимъ образомъ, размѣры этой плиты немногимъ уступали плитѣ Брауна, а прекрасная выдѣлка доказывала, что бронепрокатное дѣло въ Австріи находится въ отличномъ состояніи. Въ бытность австрійскаго императора въ Парижѣ, эта плита была взята съ выставки и испытывалась

въ Венсеннѣ, но какіе дала результаты мы не могли узнать, не смотря на всѣ наши старанія.

Итальянскій флотъ получаетъ свою броню преимущественно съ французскихъ заводовъ, но у него возникаютъ теперь собственныя бронепрокатныя мастерскія, изъ которыхъ одна, *Sampierdarena* близъ Генуя, прислала въ Парижъ двѣ плиты, одну толщиной въ 4 дюйма, а другую—толщиною въ 8 дюймовъ, длиною въ 10 и шириною 3½ фута. Обѣ плиты были хорошо выработаны, а послѣдняя представляла даже для Италіи замѣчательность, доказывая, что піемонтскія фабрики находятся въ положеніи, не худшемъ, чѣмъ заводы другихъ европейскихъ государствъ.

Бросивъ такимъ образомъ легкій взглядъ на современное состояніе средствъ, находящихся въ рукахъ моряковъ какъ для атаки, такъ и для обороны во время одиночнаго судового боя, мы перейдемъ теперь къ главному содержанію нашей сегодняшней бесѣды и начнемъ разборъ различныхъ фазисовъ, въ которые можетъ вступать подобная схватка двухъ противниковъ. Мы не будемъ особенно налегать на анализъ дѣйствія артиллеріею, но займемся преимущественно маневрированіемъ и постараемся уяснить себѣ до какой степени ловкія движенія могутъ содѣйствовать нашимъ успѣхамъ и пораженію непріятели.

Начнемъ съ того, что слѣдуетъ намъ дѣлать, когда мы съ марса или салинга разъясимъ себѣ и величину, и силу, и характеръ дѣйствій нашего противника. Слѣдуетъ ли намъ принимать мѣры выжидательныя, готовиться къ дальнему артиллерійскому бою, полагаясь на отличныя качества нашихъ орудій и ловкость комендоровъ? Или же намъ должно, давъ полный ходъ, прямо идти на него, становиться бортъ-о-бортъ и начинать поражать его мѣткимъ градомъ снарядовъ? Оба эти вопроса заслуживаютъ разбора, потому что имѣютъ своихъ сторонниковъ, между которыми есть личности уважаемыя, освѣщающія каждое свое утвержденіе основательною работою мысли.

Я хочу обратить ваше вниманіе, милостивые государи, прежде всего на одно обстоятельство, которое, по моему мнѣнію, должно приниматься въ расчетъ не менѣе толщины брони, силы артиллеріи и скорости хода. Я разумѣю національный характеръ нашего противника, элементъ не маловажный при военныхъ соображеніяхъ, удачное пользованіе которымъ можетъ принести самые удовлетворительные результаты. Если характеръ намъ непріязнянаго народа медленъ и малорѣшителенъ (а такихъ народовъ не мало), то пылкость и быстрота дѣйствій, развѣтныя съ нашей стороны, дох-

жны ошеломить противника и даже, может быть, сбить его съ толку. Если же его характеръ, наоборотъ, горячъ и страстенъ, то наше спокойствіе и хладнокровіе могутъ опять-таки оказать намъ большія услуги и также помочь намъ взять перевѣсъ надъ нимъ. Такимъ образомъ, сообразоваться съ душевными качествами людей, намъ враждебныхъ, слѣдуетъ непременно и затѣмъ принимать ихъ въ извѣстной долѣ для основанія нашихъ собственныхъ наступательныхъ и оборонительныхъ плановъ.

Съ другой стороны, намъ должно всегда помнить и собственный національный характеръ, ту русскую удачу, презрѣніе къ смерти и готовность совершить самыя невѣроятныя вещи, которыя развиваются въ нашихъ людяхъ и насъ самихъ при видѣ противника и близости боя. Вспомните штурмъ Измаила Суворовымъ, военное событіе безпримѣрное, когда противъ двухъ русскихъ было трое турокъ, оборонявшихъ отвѣсныя стѣны сильной крѣпости, въ искусствѣ чего этотъ народъ пользуется давнишнею и вполне заслуженною знаменитостью. И при этомъ Измаиль былъ взятъ не черезъ брешь, а эскалаторовъ на лѣстницахъ длиною въ 5 сажень, которыя мѣстами не доходили до окраинъ стѣнъ, такъ что самимъ солдатамъ приходилось долѣзать отвѣсно, втыкая штыки въ стѣну и превращая ихъ въ ступеньки лѣстницы. Я не думаю, чтобы русскій національный духъ перемѣнился съ того времени и чтобы потомки не были въ состояніи повторить того же самаго, что прославило и возвеличило ихъ предковъ. Безъ всякаго сомнѣнія, и нашъ матросъ сдѣлаетъ такіе же невѣроятные подвиги, какіе дѣлалъ суворовскій солдатъ при Рымникѣ и подѣ Измаиломъ.

Поэтому, я полагаю, милостивые государи, что намъ слѣдуетъ, завидѣвъ непріятеля, прямо идти на него, не допуская въ себѣ ни минутнаго колебанія и, слѣдовательно, не теряя ни секунды времени. Я полагаю даже, что это слѣдуетъ дѣлать безразлично, не обращая вниманія сильнѣе, или слабѣе насъ противникъ, такъ какъ русскій національный характеръ не любитъ раздумья при важныхъ минутахъ, и потому также, что быстрымъ движеніемъ можно скорѣе достигнуть нравственнаго перевѣса надъ противникомъ, чѣмъ перѣшительными дѣйствіями. Смѣлость и быстрота суть лучшія основанія морской тактики, подобно тому какъ онѣ же составляютъ главный залогъ успѣха на сухомъ пути. Придерживаясь имъ, можно иногда встрѣтить неудачу, но трудно, или даже невозможно ждать безславнаго пораженія.

Что же касается до дальняго артиллерійскаго боя одиночнаго судна съ судномъ, то онъ подчиняется такимъ условіямъ, которыя

мы привыкли считать на морѣ весьма трудными. Правда, что теперь есть орудія, которыя пробиваютъ 6 дюймовую броню съ разстоянія восьми и девяти кабельтовыхъ, но дѣлать это съ надлежащею увѣренностью можно только на полигонахъ, при точно отмѣренныхъ разстояніяхъ. На морѣ же, трудность вѣрнаго опредѣленія разстояній будетъ всегда служить помѣхою для дальняго судоваго боя. Попадать въ двигающагося противника съ разстоянія 900 сажень, постоянно, или съ надеждою нанести ему важныя поврежденія, почти невозможно при нынѣшнихъ средствахъ артиллеріи, а главное—при несовершенствѣ имѣемыхъ нами инструментовъ для опредѣленія разстояній. Между тѣмъ, каждый неудачный выстрѣлъ, кромѣ значительной денежной затраты, представляетъ еще уменьшеніе боевыхъ запасовъ, пополнять которые не всегда бываетъ возможно и недостатокъ въ которыхъ составляетъ уменьшеніе военной силы дѣйствующаго флота. Такимъ образомъ, близкій артиллерійскій бой во всѣхъ случаяхъ выгоднѣе и почетнѣе дальняго, такъ что, по моему мнѣнію, мысль о немъ должна быть любимой и преобладающею надъ всѣми другими въ умахъ морскихъ офицеровъ.

Трудно думать, милостивые государи, чтобы маневрированіе двухъ одиночныхъ противниковъ передъ вступленіемъ въ бой могло принести какую-нибудь существенную пользу тому или другому изъ нихъ. Исходомъ всѣхъ маневровъ должно быть то же самое—схватка грудь съ грудью слѣдовательно, чѣмъ скорѣе мы доберемся до этого желаннаго момента, тѣмъ будетъ лучше. Но за то во время самаго боя маневрированіемъ можно, какъ мнѣ кажется, выиграть многое. Для того, чтобы лучше разъяснить эту мысль, мы разберемъ обстоятельства, сопровождающія битву бортоваго броненоснаго судна съ бортовымъ же, бортоваго съ башеннымъ и, наконецъ, броненоснаго съ деревяннымъ. При этомъ, повторяю еще разъ, мы будемъ заниматься главнѣйше маневрированіемъ двухъ противниковъ, касаясь до дѣйствія артиллеріи лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это понадобится для болѣе полного разъясненія мыслей и доводовъ.

Начнемъ съ момента, когда два броненосные бортовые противника сближаются. Это будетъ происходить, большею частію, идя контрагисами по противоположнымъ направленіямъ и только изрѣдка случится при косвенномъ курсѣ. Какое дѣйствіе можетъ быть наиболѣе выгоднымъ при этомъ—сосредоточенный ли залпъ на самомъ близкомъ разстояніи, или же бѣглый огонь, начатый съ носовыхъ орудій, продолжающійся по борту и кончающійся съ кормы? Чтобы отвѣтить на подобный вопросъ, слѣдуетъ сообразить,

что если противники идутъ по 8 узловъ каждый, то относительная скорость ихъ будетъ равняться 16 узламъ, а если по 10 узловъ, то двадцати. Слѣдовательно, предѣлъ двухъ миль, въ районѣ котораго артиллерійскій огонь можетъ быть дѣйствительнымъ, будетъ пройденъ ими въ девять или съ небольшимъ девять минутъ, а промежутокъ въ 200 или 300 сажень, пробѣгая который суда будутъ находиться въ лучшемъ положеніи для бортового огня, промелькнетъ для нихъ въ одну минуту. Такимъ образомъ, бѣглый артиллерійскій огонь въ подобныхъ обстоятельствахъ не можетъ быть не суетливымъ, а слѣдовательно и малодѣйствительнымъ. Поэтому, я полагаю, что сосредоточенный залпъ при такой обстановкѣ долженъ быть гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе если только онъ успѣетъ быть посланъ въ надлежащій моментъ не секундою раньше, не секундою позже. Свою собственную длину противники пройдутъ при вышесказанныхъ обстоятельствахъ въ девять секундъ. Слѣдовательно, офицеръ, стоящій у индикатора, принужденъ будетъ сосредоточить все свое вниманіе и хладнокровіе, чтобы отправить залпъ въ нужный моментъ, потому что въ противномъ случаѣ пропадетъ даромъ десятокъ или полтора рядовъ и драгоцѣнное дѣйствіе ихъ будетъ утрачено. При подобныхъ обстоятельствахъ примѣненіе электричества къ сосредоточенію должно быть особенно полезнымъ, такъ какъ, благодаря ему, будетъ осуществимъ маневръ, способный повліять на дальнѣйшій ходъ, а можетъ быть даже и на счастливый конецъ сраженія. Вообще, есть много основаній полагать, что сосредоточенный залпъ долженъ быть всегда полезенъ для всякаго начала сраженія между одиночными противниками.

Будемъ продолжать далѣе нашъ разборъ одиночнаго боя между двумя броненосцами съ бортовой защитой. Какой маневръ можетъ быть наиболѣе выгоднымъ послѣ того какъ мы и нашъ противникъ промелькнемъ одинъ мимо другаго, обмѣнявшись залпами? Прежде чѣмъ отвѣчать на это, слѣдуетъ спросить себя—какое положеніе относительно непріятеля должно считать наиболѣе желательнымъ во время сраженія? Отвѣтъ простъ.—Разумѣется то, которое давало бы намъ болѣе всего возможности нанести противнику капитальный вредъ и тяжелыя поврежденія. Я полагаю, что подобному положенію наиболѣе соответствуетъ параллельность нашего курса съ непріятелемъ. Тогда мы имѣемъ болѣе возможности располагать своими движеніями, выбирать моменты для атакъ и принимать мѣры для оборонительныхъ дѣйствій. Правда, что въ этомъ самомъ положеніи находится и нашъ противникъ, слѣдовательно, у него въ рукахъ лежатъ тѣ же средства, какъ и у насъ; но это

не бѣда, потому что успѣхъ одиночнаго морскаго боя не столько зависитъ отъ равенства условій, въ которыхъ находятся сражающіеся, сколько отъ умѣнья пользоваться обстоятельствами и счастливыми случайностями, всегда являющимися въ битвахъ на морѣ. При параллельности курсовъ легче слѣдить за противникомъ и удобнѣе поражать его снарядами.

Итакъ, послѣ встрѣчнаго залпа намъ слѣдуетъ немедленно, не теряя ни минуты, влечь руль на бортъ, чтобы какъ можно скорѣе снова сойтись съ непріятелемъ и помѣститься у него вдоль борта. Этотъ моментъ боя можетъ быть очень важнымъ, потому что если наше судно поворотливѣе непріятельскаго, или же если мы начали нашъ маневръ раньше противника, то мы можемъ вступить на обратный курсъ въ то время какъ онъ исполняетъ еще свою циркуляцію и, слѣдовательно, находится относительно насъ въ самомъ невыгодномъ положеніи. Разумѣется, ударъ шширономъ трудно возможенъ и при этомъ обстоятельстве, но за то мы имѣемъ средства ловко стать съ противникомъ бортъ-о-бортъ и открыть бѣглый огонь, что не всегда можетъ быть исполнено съ успѣхомъ, если непріятель маневрируетъ такимъ образомъ, чтобы уклониться отъ близкой схватки.

Впрочемъ, когда броненосцы будутъ строиться съ лучшими качествами поворотливости, то можетъ быть, параллельность курса не будетъ уже наимыгоднѣйшимъ положеніемъ при одиночныхъ судовыхъ схваткахъ. Даже и теперь, какъ мнѣ кажется, если противникъ длиненъ и неповоротливъ, какъ напр. *Warrior* или *Minotaur*, а наше судно коротко и послушно рулю, то гораздо выгоднѣе вмѣсто слѣдованія однимъ курсомъ съ непріятелемъ, маневрировать такимъ образомъ, чтобы заставлять его уклоняться въ сторону отъ принятаго направленія и описывать какъ можно болѣе циркуляцій. Словомъ, наша тактика должна заключаться въ томъ, чтобы побуждать его какъ можно чаще выказывать свои дурныя судовыя качества, а самимъ же намъ по возможности болѣе пускаться въ дѣло наши собственныя выгодныя стороны. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ главный вопросъ заключается въ томъ, чтобы умѣть быстро открывать невыгодныя стороны противника и основывать на нихъ наши планы, какъ для нападеній, такъ и для обороны. Подобныя обстоятельства не могутъ представляться особенно часто, но тѣмъ не менѣе они возможны и ими слѣдуетъ всегда пользоваться.

Представимъ себѣ теперь, что намъ удалось съ выгодною помѣститься бортъ-о-бортъ съ противникомъ и что нашъ бѣглый огонь, смѣняемый по временамъ прицѣльными залпами, производить свое

дѣйствіе, хотя и не съ тѣмъ категорическимъ успѣхомъ, который для насъ такъ желателенъ. Спрашивается, нѣтъ ли возможности помощію маневрированія содѣйствовать пріобрѣтенію удачи и, если да, то что слѣдуетъ намъ дѣлать для достиженія этой цѣли. Мнѣ кажется, что, идя вдоль борта непріятеля равнымъ съ нимъ ходомъ, можно съ выгодною исполнять по временамъ слѣдующій маневръ. Въ горячую минуту боя, когда противникъ менѣе всего ожидаетъ отъ насъ какихъ-бы то ни было уловокъ, должно особенно усилить огонь и приказать въ машину увеличить подбрасываніе угля въ топки, чтобы закрыться гуще пороховымъ и угольнымъ дымомъ. За тѣмъ, значительно уменьшить ходъ, чтобы сразу отстать и прекратить пальбу съ цѣлію очиститься отъ дыма и видѣть дальнѣйшій ходъ обстоятельствъ. Замѣтивъ наше движеніе, противникъ, можетъ случиться, представивъ себѣ, что у насъ испортилась, или подбита машина, также уменьшить ходъ, или даже уклонится въ сторону отъ курса, чтобы занять относительно насъ наивыгоднѣйшее положеніе для безошаднаго дѣйствія снарядами, или же съ цѣлію удара тараномъ. Если мы дрались на пистолетный выстрѣлъ, то въ подобномъ случаѣ, если замѣтимъ, что непріятель также уменьшаетъ ходъ, намъ слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, не теряя ни секунды, дать самый полный ходъ, какой въ состояніи выдержать машина, чтобы ударить его штевнемъ въ корму для поврежденія руля или винта. Нѣтъ сомнѣнія, что противникъ замѣтитъ нашъ маневръ и также бросится впередъ съ цѣлію избѣжанія удара, но можетъ случиться, что разность нашихъ скоростей будетъ достаточно велика, чтобы нашъ шпиронъ успѣлъ выполнить свое дѣло. Въ другомъ случаѣ, если непріятель началъ уже дѣлать циркуляцію, то подобное же движеніе съ нашей стороны можетъ также принести пользу и дать намъ возможность, если не шпироннаго удара, то удачнаго сосредоточеннаго залпа, который будетъ полученъ противникомъ въ минуту безпокойства, во время уклоненія отъ свалки, однимъ словомъ, въ моментъ для него весьма тяжелый. Весьма быть можетъ, что подобная военная уловка способна принести свою долю пользы и, когда нибудь выполненная, поможетъ пріобрѣтенію успѣха надъ противникомъ.

Такого рода маневръ, разумѣется, можетъ быть исполненъ и непріятелемъ, при чемъ, поддавшись обману, мы увидимъ себя въ томъ же невыгодномъ положеніи, о которомъ сейчасъ говорили. Поэтому, въ смыслѣ обороны во время схватки съ одиночнымъ противникомъ, намъ слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, всегда смотрѣть съ недоувѣрчивостію на всякое стопореніе машины непріятельскимъ судномъ. Весьма радостное для насъ въ тѣхъ случаяхъ,

когда происходит вслѣдствіе поврежденій, оно можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и хитростью, имѣющею цѣлю привести насъ въ положеніе, выгодное для непріятеля и могущее быть опаснымъ для нашего собственнаго судна. Поэтому мнѣ кажется, что, замѣтивъ остановку противника во время боя, намъ слѣдуетъ немедленно увеличить разстояніе отъ него и за тѣмъ начинать атаку шпирономъ, не прибѣгая къ помощи артиллеріи, средству медленному при подобныхъ обстоятельствахъ. Результатомъ подобныхъ дѣйствій будетъ то, что если у непріятеля дѣйствительно испорчена машина, то онъ спуститъ флагъ, или же погибнетъ, а если онъ хитрилъ, то планъ его будетъ разбитъ и можетъ даже кончиться для него неблагопріятно. Разумѣется, удаленіе отъ непріятеля въ подобныхъ случаяхъ должно быть производимо лишь тогда, когда есть основаніе сомнѣваться въ причинахъ его остановки. Если же мы убѣждены, что у него дѣйствительно повреждена машина, или пробить котель, то, напротивъ того, удалаться слишкомъ далеко не должно, а слѣдуетъ прибѣгать къ самымъ быстрымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы воспользоваться его невыгоднымъ положеніемъ.

Я не думаю, чтобы маневръ, подобный только что нами разобранному, но произведенный впередъ, т. е. не помощію остановки машины, а путемъ увеличенія хода, могъ быть особенно полезенъ бортовому судну во время боя съ такимъ же противникомъ. Продольные залпы въ носовую часть въ настоящее время бесполезны, а положеніе, которое приходится принимать ради ихъ, весьма невыгодно вслѣдствіе возможности полученія въ бокъ шпироннаго удара. Поэтому, какъ мнѣ кажется, держась бортъ-о-бортъ съ непріятелемъ и поддерживая усиленный огонь, выбѣгать впередъ не слѣдуетъ, потому что въ этомъ не видно никакой опредѣленной цѣли. Кромѣ того, при подобномъ положеніи намъ будетъ трудно возвратиться снова на такую позицію, съ которой есть возможность дѣлательно бить непріятеля снарядами. Если мы уменьшимъ съ этою цѣлю ходъ, то подставимъ непріятельскому штевью свою корму, а если начнемъ описывать циркуляцію, то потеряемъ много времени. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что, идя параллельно съ противникомъ, должно преимущественно заботиться объ уравниеніи нашего хода съ его собственнымъ, пропуская его по временамъ впередъ и стараясь ввести его въ заблужденіе относительно нашихъ дѣйствій, чтобы приготовить себѣ моментъ для быстрого шпироннаго удара въ его корму.

Въ продолженіе настоящей лекціи мы нѣсколько разъ касались этого предмета, т. е. удара тараномъ въ корму для

*

поврежденія винта или руля у нашего противника. Этотъ вопросъ заслуживаетъ вниманія морскихъ офицеровъ по своей очевидно ясной практичности въ смыслѣ нанесенія существеннаго вреда непріятелю. Чтобы повредить чужой винтъ или руль, броненосцу стоитъ только коснуться до нихъ, не употребляя большого напряженія и не нуждаясь въ разбѣгѣ, какъ при ударѣ въ бортъ. Между тѣмъ, потеря способности двигаться и управляться почти равнозначуща съ полнымъ уничтоженіемъ боевой силы, такъ какъ за нею стоятъ или спускъ флага, или гибель. Нельзя сказать, чтобы исполнить подобнаго рода маневръ было легко; напротивъ того, можно прямо говорить, что онъ очень мудренъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ думать, чтобы онъ былъ невозможенъ. Я полагаю, что внимательное изученіе качествъ нашего собственнаго судна и привычки имъ управляться могутъ довести насъ, разумѣется послѣ большихъ трудовъ и долгихъ хлопотъ, до значительной ловкости въ попаданіи шпиромомъ въ извѣстную, заранее выбранную точку на непріятельскомъ корпусѣ. Если бы факты подтвердили это предположеніе, то полвопроса можно считать рѣшеннымъ. Если же нѣтъ,—то тѣмъ не менѣе, конечная цѣль удара шпиромомъ въ непріятельскую корму такъ привлекательна, что ради ея можно всегда поманеврировать, хотя бы для того, чтобы привести непріятеля въ смятеніе и извлечь изъ его замѣшательства наибольшее количество пользы.

Что же касается до разстоянія, на которомъ лучше всего держать противника во время одиночной схватки, то мнѣ кажется, что оно равняется полукабелютову и даже менѣе, если дымъ проносятся съ достаточною скоростью, чтобы можно было видѣть хотя нѣсколько арену нашихъ дѣйствій. Чѣмъ ближе къ непріятелю, тѣмъ вѣрнѣе побѣда, можно говорить, перефразируя Нельсона,—если на нашей сторонѣ находится большее искусство управляться орудіями. Характеръ морскаго артиллерійскаго боя и въ нынѣшнее время остался тѣмъ же, какимъ былъ прежде; чѣмъ значительнѣе будетъ количество выброшеннаго нами металла и чѣмъ менѣе для этого понадобится времени, тѣмъ сильнѣе мы будемъ и тѣмъ скорѣе одолѣемъ непріятеля. Слѣдовательно, если мы обладаемъ увѣренностью, что прислуга нашихъ орудій хороша, а самыя пушки опасны для брони противника, то для насъ прямой расчетъ схватка на пистолетный выстрѣлъ, соединенная съ самымъ усиленнымъ, можно даже сказать бѣшеннымъ дѣйствіемъ артиллеріи. Пока орудія будутъ ставиться на суда, до тѣхъ поръ образъ дѣйствій во время одиночнаго морскаго боя будетъ одинъ и

тотъ же. Бой на пистолетный выстрѣлъ останется лучшею тактикою, скорѣе всего приводящею къ успѣху.

Намъ остается поговорить еще о концентрическихъ путяхъ во время одиночной схватки судна съ судномъ, подобныхъ тѣмъ, которымъ придерживались *Alabama* и *Kearsage* во время своего знаменитаго боя. Трудно думать, чтобы броненосцамъ было полезно слѣдовать примѣру этихъ ратоборцевъ, такъ какъ артиллерійская дуэль превращается лишь въ трату времени и матеріаловъ, если разстояніе между противниками превышаетъ два кабельтова и въ особенности, если оно измѣняется во время сраженія. Разумѣется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ концентрическіе пути будутъ существовать, но лишь до тѣхъ поръ, пока сражающіеся не сблизятся. Если же одинъ изъ противниковъ будетъ обить подобно *Алабамъ*, и движенія его замедлятся, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что гораздо выгоднѣе при этихъ обстоятельствахъ ударить его штевнемъ, чѣмъ кружиться около, превративъ его въ мишень для обученія своей команды цѣльной пальбѣ изъ орудій.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію боя бортового броненосца съ башеннымъ, мы имѣемъ право сказать, что соединенное съ нимъ маневрированіе должно быть вполнѣ сходно съ только что разсмотрѣнными нами движеніями двухъ противниковъ съ бортовой обороною. Но есть одинъ пунктъ, который кладетъ свой отпечатокъ на характеръ дѣйствій башеннаго броненосца. Это—возможность обстрѣливать весь горизонтъ, оставаясь на томъ же курсѣ и не мѣняя своего направленія. Очевидно, что подобная способность составляетъ одно изъ тѣхъ тактическихъ преимуществъ, о которыхъ мы говорили выше и которыя должны непременно приниматься въ расчетъ во время боя, ради пріобрѣтенія успѣха. Я полагаю, что башенный броненосецъ, сблизившись съ противникомъ, долженъ становиться носомъ противъ волненія для того, чтобы боковая качка почти уничтожилась и, слѣдовательно, тѣмъ устранилась одна изъ главнѣйшихъ причинъ, дурно вліяющихъ на мѣткость огня судовой артиллеріи. За тѣмъ, главною задачею всѣхъ маневровъ башеннаго броненоснаго судна должно быть—помѣщеніе противника въ тѣ самыя невыгодныя условія, отъ которыхъ оно избавилось. Если нашъ непріятель станетъ съ нами въ подобномъ случаѣ бортъ-о-бортъ, то намъ должно, какъ мнѣ кажется, наивозможно чаще выходить изъ поля обстрѣла его батарен, такъ какъ отъ этого не уменьшится дѣйствительность нашего башеннаго огня, а между тѣмъ значительное число его снарядовъ должно пролетать мимо. Такимъ образомъ, намъ должно, продолжая держаться носомъ противъ волненія,

поперемѣнно или уменьшать ходъ, или же бросаться впередъ подъ полными парами, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ выходить изъ угла его обстрѣла. По всей вѣроятности, непріятель станетъ въ подобныхъ случаяхъ уклоняться въ сторону, чтобы оборачиваться къ намъ бортомъ, и тѣмъ будетъ приходить въ самое невыгодное для себя положеніе, такъ какъ попадетъ подъ вліяніе волненія и боковой качки. Если волна ходитъ большая, то можетъ случиться, что при этой обстановкѣ будетъ обнажаться его подводная броня и тѣмъ дастъ возможность нашей сильной башенной артиллеріи нанести ему поврежденіе ниже ватерлинии. Вообще, этотъ приѣмъ одиночнаго боя, какъ мнѣ кажется, можетъ быть полезенъ и заслуживаетъ того, чтобы морскіе офицеры положили о немъ свой приговоръ, основанный на всестороннемъ обсужденіи и безпристрастной критикѣ.

Что деревянное, неблиндированное судно можетъ драться съ броненосцемъ, то въ этомъ намъ свидѣлствуютъ сраженія при Мобилѣ и подъ Лиссою, гдѣ непокрытыя панциремъ суда съ успѣхомъ сражались противъ броненосцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ должно согласиться, что деревянному судну не легко драться съ закованнымъ въ желѣзо противникомъ, не имѣя на своей сторонѣ основательныхъ средствъ для пораженія и хорошо обдуманной методы боя. Въ сущности, количество риска погибнуть осталось для неброненоснаго судна почти прежнее. Какъ въ былое время сваряды пробивали борта и били людей, такъ это они дѣлаютъ и теперь. Какъ прежде бомбы имѣли зажигательныя свойства, такъ это продолжаетъ быть и донинѣ. Слѣдовательно, шансы умереть на броненосномъ суднѣ остались для насъ тѣ же самыя, и если мы въ былое время смотрѣли на эту возможность спокойно, то нѣтъ причинъ думать, что мы теперь станемъ ею особенно тревожиться. Но что перемѣнилось, такъ это срокъ времени, въ который противники приходятъ въ неспособность продолжать бой. Прежде, два деревянныя корабля кончали сраженіе вслѣдствіе поврежденій почти въ одно и то же время, а теперь деревянное судно придетъ въ негодность можетъ быть въ три раза скорѣе, чѣмъ броненосецъ. Такимъ образомъ, вопросъ о борьбѣ неблиндированнаго судна съ броненосцемъ сводится къ тому, чтобы изыскать средства, помощію которыхъ было бы возможно нѣсколько уменьшить эту непропорціональность.

Для достиженія этого есть два пути—или сдѣлать бортъ деревяннаго судна неуязвимѣе, что понинѣ еще невозможно, или же дать неблиндированному кораблю средства для быстрого пробиванія и разрушенія броневой защиты. Последнее можетъ быть дости-

жимо или усиленіемъ артиллеріи, или развитіемъ ловкости въ маневрированіи, или же соединеніемъ того и другаго вмѣстѣ. Къ сожалѣнію, калибръ артиллеріи, который можетъ быть поставленъ въ батарею нынѣ существующихъ неброненосныхъ судовъ, имѣетъ довольно ограниченный предѣлъ и трудно ждать на этомъ пути усовершенствованій. Такимъ образомъ, остается только искусное употребленіе имѣемыхъ боевыхъ средствъ и смѣлость, соединенная съ расчетомъ, въ маневрированіи. Мы слегка взглянемъ на эти два пункта, которые всегда будутъ представлять интересъ, такъ какъ почти нельзя ожидать, чтобы неброненосныя суда были совершенно оставлены. Они еще долго сохранять за собою роль пѣвнителей океана и намъ, какъ мнѣ кажется, еще не скоро дождаться дѣйствительно настоящаго броненоснаго крейсера.

Лисса показала, что сосредоточенные залпы чрезвычайно полезны для избыточныхъ орудіями деревянныхъ судовъ при схваткѣ ихъ съ броненосными. Корабль *Kaiser* мѣткимъ дѣйствіемъ своихъ залповъ отразилъ всѣ атаки башеннаго *Affondatore*. Положимъ, что это примѣръ плохой и что наврядъ когда либо въ будущемъ повторятся безобразные факты лисскаго сраженія; но тѣмъ не менѣе логика говоритъ весьма ясно, что совокупный ударъ многихъ снарядовъ въ одно, сравнительно небольшое, пятно на броненосномъ бортѣ должно быть несравненно дѣйствительнѣе равнаго числа ударовъ тѣхъ же самыхъ снарядовъ, разсыпанныхъ по большой площади. Поэтому, на каждомъ батарейномъ деревянномъ судѣ должно быть устроено приспособленіе для сосредоточенныхъ залповъ, а команда отлично обучена ихъ производству. Залпы эти слѣдуетъ дѣлать на самомъ близкомъ разстояніи, на звѣздочку, для того, чтобы разрушительное дѣйствіе ихъ противъ брони было по возможности обезпеченнѣе. Уменьшеніе разстоянія деревяннымъ судномъ относительно броненоснаго не должно быть особенно страшно для перваго, такъ какъ вліяніе на него снарядовъ одинаково и при значительныхъ и при малыхъ разстояніяхъ. Наконецъ, можно бросить въ сторону всѣ побочныя соображенія, оставивъ на первомъ планѣ лишь одно желаніе во что бы то ни стало нанести вредъ противнику.

Когда нынѣшніе разрывные снаряды будутъ усовершенствованы и станутъ болѣе страшными для броненосныхъ бортовъ, чѣмъ теперь, то непропорціональныя отношенія въ боевой дѣйствительности блиндированныхъ и неблиндированныхъ судовъ нѣсколько сравняются. Тогда бомба будетъ одинаково страшна для обоихъ и приведетъ вслѣдствіе этого почти къ одному уровню ихъ и склонность къ уязвимости, а слѣдовательно уравниетъ также

нѣсколько и быстроту ихъ прихода въ негодность. Боевая дѣйствительность неблиндированныхъ судовъ должна будетъ тогда нѣсколько увеличиться, а слѣдовательно и значеніе ихъ въ составѣ флота сдѣлается болѣе активнымъ.

Что же касается до маневрированія неброненоснаго судна во время схватки съ блиндированнымъ противникомъ, то мнѣ кажется, что оно должно быть основано на доведенной до крайней степени подвижности и быстротѣ всѣхъ движеній. Непокрытый броней корабль, сражаясь съ панцирнымъ судномъ, долженъ имѣть постоянно самый полный ходъ, чтобы быстро нападать на своего непріятеля, бросаться на него съ запальчивостью, давать залпъ и затѣмъ также скоро отбѣгать въ сторону, уклоняясь отъ его снарядовъ и шпирона. Ловкими маневрами можно, если не побить закованнаго въ броню противника, то по крайней мѣрѣ парализовать его наступательныя движенія, а это уже много для деревяннаго судна, способнаго пойти ко дну отъ одного не особенно сильнаго прикосновенія своего непріятеля.

Что же касается то тараненія неблиндированными судами броненосцевъ, то въ одиночномъ бою оно трудно возможно, а если бы даже и было легко, то сомнительно, чтобы могло доставить дѣйствительную пользу. Поврежденія броненосца не будутъ особенно значительны, а рана, которую нанесетъ себѣ таранившее деревянное судно, безъ сомнѣнія, окажется весьма тяжелою и можетъ даже повести къ такому трудному положенію, которое побудитъ на сдачу. Американцы подѣ Мобилемъ могли бить своего противника штевнями, такъ какъ ихъ было много и они имѣли резервъ, способный взять поврежденныя суда на буксиръ. Но если одиночное судно, въ открытомъ морѣ, можетъ быть вдали отъ порта, рѣшится боднуть своего желѣзнаго противника, то оно, какъ мнѣ кажется, сдѣлаетъ не отважный, а просто нерасчетливый поступокъ.

Мы до сихъ поръ разсматривали обстоятельства, сопровождающія битву двухъ противниковъ днемъ, когда всѣ условія боя видны ясно и когда человѣкъ имѣетъ возможность равнымъ образомъ пользоваться всѣми своими пятью чувствами. Теперь мы посмотримъ на ночной бой и уяснимъ себѣ до какой степени онъ достоинъ изученія и на сколько можетъ принести пользы. Это предметъ немаловажный и, какъ мнѣ кажется, стоящій нашего полнаго вниманія, такъ какъ путемъ его изученія можно тоже достигнуть побѣды.

Ночной бой имѣетъ за себя не только достоинства въ тактическомъ смыслѣ, но и выгоды, если можно такъ выразиться, въ нравственномъ отношеніи. Есть нація, которая положительно

неспособны драться ночью, которыя подвергаются при этомъ паникѣ и не думаютъ о сопротивленіи. Къ числу ихъ принадлежатъ многіе изъ южныхъ народовъ и въ особенности турки. Поэтому, если мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ этихъ народовъ, то наша прямая выгода воспользоваться его національною слабостью и нагрянуть на непріятеля именно тогда, когда нельзя ждать стойкой обороны. Кромѣ того, можно думать, что и противникъ, обладающій лучшими способностями для ночнаго боя, не всегда будетъ готовъ къ его принятію и въ смятеніи и тревогѣ, сопряженной со встрѣчею атаки, прикрытой темнотою, уступить намъ поле сраженія, а можетъ даже быть и сдаться.

Главная трудность, представляемая битвою ночью, заключается въ усмотрѣніи и разъясненіи себѣ противника. Разумѣется, намъ должно принять всѣ мѣры, чтобы атаковать кого слѣдуетъ, а не своего, или какого-нибудь нейтральнаго крейсера. Если можно обойтись безъ опроса, когда есть увѣренность, что видимое судно дѣйствительно непріятель, то нападеніе должно начинаться немедленно, безъ долгаго раздумья и какъ можно быстрее, чтобы не дать противнику времени сообразить обстоятельства и составить планъ для обороны. Но если существуетъ сомнѣніе, дѣйствительно ли непріятель то судно, съ которымъ мы сближаемся, то весьма ясно, что дѣло должно начаться съ опознательнаго сигнала и затѣмъ подробнаго опроса и удостовѣренія въ національности.

Основаніемъ ночнаго боя между одиночными противниками, какъ мнѣ кажется, долженъ быть шпиронъ. Ночью, дѣйствіе артиллеріи не можетъ быть вѣрнымъ въ той же степени, какъ днемъ. Кромѣ того, дымъ отъ выстрѣловъ долженъ неизбежно еще болѣе увеличивать неясную видимость предметовъ и, слѣдовательно, лишать насъ послѣдней возможности различать противника и соображать свои дѣйствія съ его движеніями. Между тѣмъ, ударъ шпирономъ подъ прикрытіемъ темноты гораздо возможнѣе, чѣмъ днемъ, потому что непріятель лишень средствъ видѣть ясно наши маневры, а слѣдовательно и угадывать наши намѣренія. Вспомните, какъ трудно бываетъ разсматривать во время ночныхъ вахтъ курсы судовъ, идущихъ навстрѣчу, или на пересѣчку, сколько бываетъ иногда хлопотъ, чтобы не сойтись съ ними. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что смѣлый и быстрый ударъ шпирономъ, направленный, не разбирая куда, въ корпусъ противника, долженъ быть неотразимымъ въ ночное время и имѣть естественнымъ результатомъ удачу. Прибавимте къ этому еще напряженіе нервовъ у командира, офицеровъ и экипажа непріятельскаго судна,

неизбѣжную суматоху, сбивчивость отдаваемыхъ приказаній, недостаточно быстрое исполненіе ихъ,—и мы увидимъ, что шпиронный бой есть лучшая метода для ночныхъ сраженій и почти вѣрное ружательство въ побѣдѣ.

Разумѣется, промахи быть могутъ. Если мы допускаемъ, что непріятель не въ состояніи предусмотрѣть нашего удара, то совершенно также и мы можемъ пролетѣть мимо цѣли, не задѣвъ за нея. Въ подобномъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, сосредоточенный залпъ можетъ быть существенно полезенъ и опять электричество должно принять въ немъ главное участіе. Ночью, градъ огромныхъ снарядовъ, ударившій въ бортъ одновременно, долженъ произвести потрясающее впечатлѣніе, противъ котораго трудно устоять самымъ крѣпкимъ нервамъ. Особенно, если есть возможность повторить его, то слѣдуетъ какъ можно скорѣе исполнять это, чтобы не дать непріятелю возможности одуматься и рѣшиться на какое-нибудь дѣйствіе для контръ-атаки, или даже просто бѣгства. Затѣмъ слѣдуетъ броситься въ сторону, чтобы скрыться въ темнотѣ и занять выгодное положеніе для новой атаки.

Во все это время бѣглый огонь, очевидно, долженъ быть положительно оставленъ, такъ какъ онъ, не принося существенной пользы, огнемъ выстрѣловъ неминуемо будетъ выдавать наше положеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ весьма желательно, чтобы непріятель продолжалъ стрѣлять и давалъ бы намъ такимъ образомъ возможность ориентироваться.

При этомъ, является вопросъ—нельзя ли употреблять какихъ-нибудь хитростей, чтобы обманывать противника относительно нашего положенія? Нельзя ли, напримѣръ, выпускать за бортъ фальшивые огни, фонари, прикрѣпленные къ буйкамъ, и т. под. Всѣ эти мелочи, съ перваго взгляда кажушіяся маловажными и пустыми, на дѣлѣ могутъ быть очень полезными и въ состояніи оказать намъ въ минуту надобности истинныя услуги.

Для того, чтобы драться шпирономъ ночью и вообще для всѣхъ подробностей ночнаго боя, необходима предварительная подготовка и всестороннее обдумываніе лучшихъ пріемовъ и маневровъ. На сколько мнѣ извѣстно, практическій анализъ этого вида морскихъ схватокъ еще не начать нигдѣ. Между тѣмъ, предварительная подготовка себя для ночнаго сраженія могла бы быть весьма полезною. Ночью, болѣе слабое, но лучше знакомое съ дѣломъ судно можетъ взять перевѣсъ надъ гораздо сильнѣйшимъ противникомъ. Нужно только усвоить себѣ смѣлость и рѣшимость, приучить глаза, познакомить каждаго человѣка изъ команды съ обстоятельствами и предвзятою цѣлю, вселить въ себя и въ другихъ убѣжденіе въ

успѣхѣ—а до большей части всего этого можно дойти упражненіемъ. Поэтому я позволяю себѣ думать, что ночныя съѣмки съ якоря, сосредоточенныя залпы въ щитъ, но только безъ фонарей, на полномъ ходу и, въ-упоръ и наконецъ, упражненіе въ тараненіи противъ плавучаго плота, устроеннаго изъ бочекъ и освѣщеннаго однимъ фонаремъ,—могли бы быть существенно полезными. Главное, они помогли бы намъ приобрести ловкость въ такомъ приѣмѣ морскаго боя, который донинѣ еще нигдѣ не разрабатывается. Мы сдѣлались бы мастерами въ методѣ атаки, почти неотразимой, и, слѣдовательно, приобрѣли бы для нашего флага еще одно обезпеченіе въ достиженіи побѣды.

Мы взглянемъ теперь слегка на тѣ обстоятельства, которыя всегда производятъ побочное вліяніе на морской бой, а потому могутъ быть принимаемы въ соображеніе при маневрированіи. На первомъ мѣстѣ мы поставимъ волненіе и тѣсно связанную съ нимъ качку, которая имѣетъ право назваться главнѣйшимъ затрудненіемъ для моряка-артиллериста. Мы видѣли уже, что волненіе составляетъ весьма важный элементъ для соображеній при маневрированіи башеннаго судна. То же самое можно сказать и вообще про всѣ суда. Чѣмъ менѣе качка, тѣмъ вѣрнѣе огонь, и наоборотъ. Слѣдовательно, одною изъ нашихъ цѣлей должно быть приведеніе себя и противника въ такое положеніе, чтобы на нашей сторонѣ были выгоды, а на его невыгоды, или, выражаясь иначе, чтобы у насъ была по возможности чаще килевая качка, а у него боковая. Указать какимъ образомъ слѣдуетъ достигать до этого трудно, потому что все зависитъ отъ обстоятельствъ и счастливыхъ моментовъ боя. Достаточно будетъ, если мы усвоимъ себѣ это убѣжденіе и станемъ осуществлять его на практикѣ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Вѣтеръ самъ по себѣ производитъ мало вліянія на обстоятельства боя, за исключеніемъ развѣ дальняго огня, когда онъ дурно вліяетъ на полетъ снарядовъ, и особенно продолговатыхъ. При схваткѣ же на близкую дистанцію, онъ почти не заслуживаетъ вниманія самъ по себѣ, но за то долженъ быть принимаемъ въ расчетъ, если находится въ связи съ дымомъ. Пороховой и угольный дымъ составляютъ не маловажный элементъ въ соображеніяхъ объ атакахъ и оборонѣ во время одиночной схватки. Мнѣ кажется, что онъ можетъ во многихъ случаяхъ играть довольно видную роль въ нашихъ планахъ. Закрывать дымомъ возможно; слѣдовательно, почему же не пользоваться имъ, такъ сказать, для занавѣшиванія нашихъ движеній и подготовленія подъ его прикрытіемъ каковаго-нибудь удара, или просто-на-просто маневра. Степень удобства и

пользы этого дѣйствія слѣдовало бы также разяснить практически, заставивъ пройти, напр., какое нибудь батарейное судно вдоль линіи стоящаго на якорѣ флота и приказавъ ему производить бѣглую холостую пальбу боевыми зарядами и усиленно подбрасывать и разгребать уголь въ топкахъ. Двухъ или трехъ подобныхъ опытовъ было бы достаточно для разясненія дѣла и возбужденія во многихъ офицерахъ эскадры мыслей о лучшемъ пользованіи подобною тактическою уловкою.

Такимъ же точно практическимъ путемъ необходимо разяснить вопросъ о выгодахъ и невыгодахъ навѣтреннаго и подвѣтреннаго положеній, про которыя теперь думаютъ многіе, но никто не можетъ сказать ничего положительнаго. Французы утверждаютъ, что навѣтренное положеніе лучше подвѣтреннаго, потому что даетъ возможность артиллеріи дѣйствовать съ большимъ удобствомъ, такъ какъ при волненіи и значительномъ ходѣ всплески съ навѣтра попадаютъ въ пушечные порта и замедляютъ огонь орудій. Англичане, съ своей стороны, думаютъ тоже самое, но основываютъ свое разсужденіе на пороховомъ и трубномъ дымѣ, который менѣе застилаетъ подвѣтренные предметы, чѣмъ навѣтренные. И то, и другое обстоятельство важно для одиночнаго боя между судами относительно предварительныхъ расчетовъ во время сближенія съ непріателемъ; но ни то, ни другое не имѣетъ за себя положительности въ выводѣ, за недостаткомъ точныхъ опытовъ. Поэтому, было бы весьма желательно, чтобы рядъ испытаній показалъ, чему слѣдуетъ держаться и до какой степени должно брать во вниманіе, при нынѣшнемъ боѣ, этотъ старинный, въ былое время чрезвычайно важный, тактический вопросъ морскихъ сраженій.

Весьма важный элементъ во время схватки съ непріателемъ составляетъ скорость хода, которою мы обладаемъ. Очевидность этого факта не требуетъ разясненій, потому что каждому изъ насъ во многихъ случаяхъ приходилось убѣждаться въ необходимости этого качества и въ мирное время, а во время войны оно должно сдѣлаться вопіющимъ. Поэтому слѣдуетъ подумать о тѣхъ мѣрахъ, помощію которыхъ было бы возможно, въ случаѣ надобности, нѣсколько сравнять разницу въ скоростяхъ, существующую между нами и непріателемъ. Для этого, очевидно, должно, по возможности, ставить противника во время боя въ такія обстоятельства, при которыхъ преимущество его въ ходѣ становилось бы для него бесполезнымъ. Этой потребности, какъ мнѣ кажется, можетъ съ успѣхомъ удовлетворить искусное маневрированіе. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, имѣя передъ собою болѣе ходкаго непріателя, намъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, драться не на полномъ ходу,

а при среднемъ числѣ оборотовъ, для того, во первыхъ, чтобы понудить противника также уменьшить ходъ и, слѣдовательно, не пользоваться вполне принадлежащимъ ему талантомъ; а во вторыхъ, чтобы имѣть у себя въ запасъ, на моментъ необходимости, возможность развить большую скорость. Преимущество въ ходкости со стороны непріятеля можетъ быть опасно главнѣйшимъ образомъ во время отдаленнаго артиллерійскаго боя, при неравенствѣ калибровъ и дальности полета снарядовъ. Такимъ образомъ, для непокрытаго броней судна это обстоятельство можетъ быть гибельнымъ, но для броненосца оно почти не существуетъ. Дальній артиллерійскій бой въ настоящее время панцирныхъ кораблей и особенно при почти повсемѣстномъ господствѣ на флотахъ нарѣзныхъ орудій, мало полезенъ и долженъ быть, повторяю, ничѣмъ инымъ какъ напрасною тратою времени и снарядовъ. Такимъ образомъ, можно ожидать, что и болѣе ходкій противникъ предпочтетъ вмѣсто почтительнаго разстоянія и лишней бѣготни, стать съ нами бортъ-о-бортъ, или по крайней мѣрѣ сблизиться,—а тогда ловкое маневрированіе и смѣлыя движенія могутъ уравнять маневры и устранить невыгоды, соединенныя съ недостаткомъ ходкости.

Пока на суда будетъ ставиться артиллерія и пока артиллерія будетъ служить основаніемъ для цѣлой системы морскаго боя, который мы называемъ одиночнымъ, до тѣхъ поръ лучшее развитіе этого военнаго средства будетъ составлять одну изъ нашихъ главныхъ заботъ и цѣлей стремленія. Изъ двухъ противниковъ, тотъ, можно сказать, сильнѣе, который умѣетъ стрѣлять лучше и быстрѣе. И при броненосныхъ судахъ, и при нарѣзныхъ орудіяхъ живость артиллерійскаго огня будетъ имѣть то же значеніе, которое принадлежало ему при деревянныхъ корабляхъ и гладкихъ калибрахъ. Поэтому, намъ должно и нынѣ, какъ прежде, налегать на артиллерійское ученіе, стараясь развивать комендоровъ и прислугу такимъ образомъ, чтобы кромѣ мѣткости пальбы ими пріобрѣталась также и быстрота дѣйствій, по временамъ столь нужная въ продолженіи боя.

Я не могу не изложить при этомъ случаѣ, милостивые государи, одну методу обученія артиллерійской прислуги, которую мнѣ удалось видѣть на нашей эскадрѣ Атлантическаго океана 1863 и 1864 годовъ, подъ флагомъ контръ-адмирала Ст. Ст. Лесовскаго. Эта метода такъ интересна и такъ замѣчательна по даннымъ ею результатамъ, что заслуживаетъ самаго внимательнаго разбора, и я даже думаю—подражанія. Дѣло заключалось въ томъ, что въ батареѣ, на каждыя четыре орудія ставился гардемарины

съ секундными часами, обязанностию котораго было замѣчать продолжительность того или другаго дѣйствія, производимаго при-слугою орудій, порученныхъ его наблюденію. За тѣмъ орудія отодвигались во весь брѣкъ, что изображало собою откатъ послѣ выстрѣла, такъ что командѣ ни въ какихъ случаяхъ не приходилось брать пушекъ отъ борта съ приложеніемъ особаго усилія, желаніемъ сдѣлать это какъ можно быстрѣе и проч., что иногда случается намъ видѣть при исполненіи этой, въ строгомъ смыслѣ слова, совершенно бесполезной работы. Послѣ этого, барабанщикъ ударялъ «палки», изображавшія собою звукъ выстрѣла, и за тѣмъ начиналось заряжаніе. Это дѣйствіе было внушено командѣ съ чрезвычайною систематичностью. Сперва, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, учились банить у постоянно отодвинутыхъ орудій и также по палкамъ, при чемъ было объяснено, много разъ повторено и, наконецъ, передано каждому человѣку — какъ важно это дѣйствіе и какъ тщательно слѣдуетъ выполнять его. За тѣмъ, къ баненію присоединилось заряжаніе, постоянно въ настоящую, картузомъ, ядромъ и пыжемъ. Наконецъ, къ обоимъ этимъ дѣйствіямъ прибавилось придвиганіе къ борту. И за тѣмъ, артиллерійское ученіе пошло своимъ обычнымъ путемъ. Въ продолженіе всего этого времени гардемарины замѣчали и записывали число минутъ и секундъ исполненія назначеннаго дѣйствія каждымъ орудіемъ, что за тѣмъ сообщалось ихъ прислугамъ и служило въ невѣроятной степени средствомъ для возбужденія соревнованія. По придвинутіи къ борту, орудіе снова неторопливо отодвигалось, разряжалось, прислуга нѣсколько отдыхала и за тѣмъ то же дѣйствіе начиналось снова. Адмиралъ никогда не училъ эскадру артиллеріи послѣ обѣда, а всегда по утру, на свѣжія силы и продолжалъ его не болѣе $\frac{3}{4}$ часа. Этимъ путемъ, принятая метода служила только для дѣйствительнаго обученія, и не утомляла силъ, что, слѣдовательно, не производило дурнаго дѣйствія на здоровье прислуги.

Результаты были блистательные. Соревнованіе людей у орудій выходило изъ границъ, и мнѣ никогда не случалось замѣчать на французскомъ артиллерійскомъ кораблѣ *Montebello* такого одушевленія, какое я видѣлъ въ батареѣ фрегата «Александръ Невскій». Нѣкоторыя 60 фунтовыя № 1 орудія этого фрегата банились, заряжались картузомъ, ядромъ и пыжемъ и придвигались къ борту въ невѣроятно короткій промежутокъ времени—19 секундъ, а средняя продолжительность этого маневра была на немъ не болѣе 25 секундъ. Фрегатъ «Пересвѣтъ» дѣлалъ тоже самое въ 20 и 30 секундъ, но орудія его были легче. Фрегатъ «Ослябя» продѣлывалъ тоже со своими 60 ф. пушками № 2 въ 25—35 секундъ, а корветы «Варягъ»

и «Витязь» среднимъ числомъ въ 30 секундъ. Я полагаю, что гг. офицеры, служившіе на атлантической эскадрѣ, помнятъ еще эти факты и потому могутъ быть свидѣтелями въ ихъ полной достовѣрности и въ той великолѣпной боевой готовности, въ которой постоянно находилась артиллерія на судахъ ея.

Эта же самая метода употреблялась нашимъ уважаемымъ адмираломъ и на фрегатахъ «Кулевчи» и «Диана», которыми онъ командовалъ, и мнѣ удалось слышать отъ офицеровъ, служившихъ на этихъ судахъ, что живость ихъ команды у орудій была поразительная. Иногда процессъ заряжанія совершенно ускользалъ отъ вниманія и нельзя было замѣтить какъ вкладывались зарядъ и снарядъ въ орудіе. Тоже самое я могу сказать и о прислугѣ у орудій фрегата «Александръ Невскій». Прекрасное боевое состояніе этого судна и вообще всей эскадры во время плаванія около американскихъ береговъ будетъ всегда служить доказательствомъ практическихъ достоинствъ описанной мною методы обученія орудіейной прислуги.

Намъ остается поговорить еще объ одномъ приѣмѣ одиночнаго морскаго боя, который въ прежнія времена пользовался большою популярностью, но теперь становится съ каждымъ днемъ все менѣе возможнымъ. Я разумѣю абордажъ, любимый приѣмъ моряковъ парусной эпохи, на который даже еще нынѣ, какъ мы видѣли, указываютъ наставленія французской официальной тактики, не смотря на его очевидную невозможность въ большей части случаевъ. Бой при Лиссѣ доказалъ, что съ современными броненосцами нельзя сваливаться бортъ-о-бортъ съ цѣлю овладѣнія ими штурмомъ. Быстрота ихъ хода и немѣнныя средства, чтобы сѣсть и удержаться, мѣшаютъ этому. Дѣйствительно, какими способами обладаемъ мы для выполненія такого рода маневра? Единственно только становыми якорями, брошенными на палубу противника; но для того, чтобы поднять ихъ на ноки рей, приготовить ихъ тамъ, за тѣмъ свалиться бортъ-о-бортъ съ непріателемъ и, наконецъ, отдать ихъ,—на все это нужно время и стеченіе удобныхъ обстоятельствъ, что не всегда можетъ быть въ нашемъ распоряженіи при скоротечности современныхъ морскихъ сраженій и разнообразіи ихъ обстановки.

Можетъ быть, въ одномъ только случаѣ абордажъ въ настоящее время возможенъ и полезенъ. Это, если во время боя неблиздированнаго судна съ броненосцемъ у послѣдняго испортится машина, или какія-нибудь другія причины заставятъ его остановить ходъ. Тогда его деревянному противнику не останется другого исхода, кромѣ абордажа, такъ какъ снарядами онъ его не понудитъ къ

сдачь, а тараненіемъ не достигнетъ до полнаго уничтоженія и вмѣстѣ съ тѣмъ нанесетъ себѣ капитальныя поврежденія. Абортъ же способенъ принести пользу, если будетъ направленъ на хорошо выбранное мѣсто и лихо выполненъ. Разумѣется, и при этомъ случаѣ, какъ вообще постоянно во время морскаго боя, главными руководителями должны быть быстрота, смѣлость и рѣшимость, лучшее обезпеченіе успѣха.

Въ заключеніе скажемъ два слова о тѣхъ средствахъ, которыя могутъ намъ помочь въ борьбѣ съ самыми для насъ опасными внутренними врагами—подводными пробоинами и пожаромъ. Сущность этихъ непріятелей указываетъ ясно, что способы обороны противъ нихъ заключаются въ помпахъ. Поэтому, было бы желательно, чтобы на суда ставилось какъ можно болѣе сильныхъ паровыхъ помпъ, которыя могли бы быть готовы къ дѣйствію чрезъ пять, шесть минутъ, и даже менѣе, подобно береговымъ пожарнымъ насосамъ. Этимъ путемъ мы могли бы нѣсколько гарантировать суда отъ потопленія и пожара и тѣмъ устранить возможность повторенія той участи, которая еще недавно, на нашихъ глазахъ, выпала на долю *Re d'Italia* и *Palestro*.

ЛЕКЦІЯ IV.

Атака во время эскадреннаго боя.

Шпиронъ есть основаніе эскадренной атаки. — Разборъ дѣйствія шпирона. Величины пробойнъ, которыя могутъ произвести нѣкоторые изъ русскихъ и иностранныхъ броненосцевъ. — Количество воды, которое вливается въ судно чрезъ эти пробойны въ 1 минуту и 1 секунду. — Сила удара, развиваемая нѣкоторыми русскими и иностранными броненосцами во время тараненія. — Общій взглядъ на тараненіе. — Разборъ эскадренной атаки, основанной на тараненіи. — Эволюціонные строи могутъ быть полезны для этой цѣли. — О назначеніи и составѣ резерва. — Роль адмирала во время атаки и по завязкѣ боя. — Атака противъ флота, стоящаго на якорѣ.

Предметъ нашей сегодняшней бесѣды есть атака, произведенная эскадрою. Изъ всѣхъ современныхъ тактическихъ дѣйствій, она, можетъ быть, заключаетъ въ себѣ болѣе всего новыхъ основаній, такъ какъ приемы ея воздвигаются на оружіи, донинѣ еще мало употреблявшемся, но которое, повидимому, будетъ главнымъ боевымъ средствомъ во время грядущихъ столкновеній двухъ враждующихъ флотовъ. Шпиронъ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ заявилъ свое право на гражданство и до сихъ поръ имѣлъ только два раза случай выказать свою боевую дѣйствительность, но тѣмъ не менѣе въ настоящее время никто изъ морскихъ офицеровъ не сомнѣвается, что онъ, по своей громадной силѣ разрушенія, долженъ занимать преобладающее положеніе въ ряду способовъ, служащихъ для разрушенія непріятельскаго борта.

Атака, произведенная эскадрою противъ другой, такой же, эскадры непріятеля должна быть по моему мнѣнію, всецѣло основана, на тараненіи. Причина этому весьма понятная. Ударъ штевнемъ, боевой приемъ, неудобный и трудно выполнимый во время одиночной схватки судна съ судномъ, весьма облегчается и становится возможнымъ при совокупномъ натискѣ нѣсколькихъ кораблей. Быстрое движеніе тѣсно-сжатой массы броненосцевъ противъ той или другой точки непріятельскаго строя въ моментъ, такъ сказать, приложенія своей силы къ ордеру противника, можетъ нанести тяжелыя поврежденія нѣкоторымъ изъ его судовъ и даже при удачѣ способно пустить ихъ ко дну. Трудно дать дорогу несущемуся строю броненосцевъ и нелегко приучить свои нервы до

такой степени, чтобы при видѣ быстро растущей, грозной тучи панцырныхъ судовъ, несущей съ собою смерть и разрушеніе, сохранить въ полной степени быстроту соображенія и правильность въ выборѣ мѣръ, необходимыхъ для обороны. Атака шпиронами, кромѣ неотразимости въ физическомъ смыслѣ, производитъ еще моральное впечатлѣніе, дѣйствіе котораго трудно парализировать. Впечатлѣніе это должно быть тѣмъ категоричнѣе, чѣмъ слабѣе подготовленъ противникъ къ эскадренному бою и чѣмъ менѣе онъ предварительно разъяснилъ себѣ всѣ обстоятельства, сопровождающія схватку многихъ судовъ со многими же. Поэтому, какъ мнѣ кажется, ударъ одного флота противъ другаго не долженъ имѣть иного основанія, кромѣ тараненія, такъ какъ въ этомъ маневрѣ заключается въ настоящее время самое быстрое и рѣшительное средство для пріобрѣтенія побѣды во время эскадреннаго боя.

На основаніи нашего плана о томъ, чтобы передъ приступомъ къ разбору поставленнаго вопроса, разсматривать современное состояніе его, какъ у насъ, такъ и въ иностранныхъ флотахъ, — мы и сегодня сначала займемся анализомъ дѣйствія шпироновъ, принадлежащихъ нѣкоторымъ изъ русскихъ, французскихъ и англійскихъ броненосцевъ. Для того, чтобы дать этому обзору болѣе удобную и правитческую форму, мы возьмемъ нѣкоторыя изъ судовъ нашего флота и разсмотримъ какой величины пробойны и на какой глубинѣ могутъ произвести въ нихъ броненосцы различныхъ типовъ англійскаго и французскаго флотовъ. При этомъ мы вычислимъ сколько будетъ вливаться воды севозъ эти пробойны въ 1 секунду и 1 минуту. Наконецъ, посмотримъ какія поврежденія могутъ нанести въ свою очередь русскія суда иностраннымъ и въ какой мѣрѣ эти поврежденія способны повести къ гибели противника. Для того, чтобы имѣть извѣстную норму при подобной оцѣнкѣ, мы примемъ, что шпиронъ не углубляется въ судно долѣе того момента, когда кромка его встрѣтитъ нижній край подводной брони. Въ натурѣ, разумѣется, подобнаго условія существовать не будетъ и несовал часть судна пробьетъ во время тараненія и подводную и даже часть надводной брони непріятели, что доказалъ примѣръ *Ferdinand Max* и *Re d'Italia*; но такъ какъ въ этомъ случаѣ величины пробойны будутъ неопредѣленныя, находясь въ зависимости отъ направленія и силы удара, то его и нельзя принимать за нужную для насъ норму для сравнительной оцѣнки различныхъ шпироносцевъ. Судя нашего флота, которыя мы подвергнемъ разсмотрѣнію, будутъ: фрегаты «Петропавловскъ», «Севастополь», «Мининъ», «Князь Пожарскій» и «Адмиралъ Спиридовъ», батареи «Не тронь меня», «Кремль», лодки «Смерть», «Русалка» и «Чаро-

дѣйствіе» и, наконецъ, одно изъ судовъ типа мониторовъ. Изъ судовъ англійскаго флота мы разберемъ дѣйствіе шпиронѣвъ *Bellerophon*, *Hercules*, *Penelope* и *Invincible* а изъ французскаго: *Magenta*, *Solferino*, *Belliqueuse*, *Taureau* и *Cerbère*. Такимъ образомъ, нашему анализу подвергнутся броненосцы различныхъ типовъ, по которымъ можно будетъ вообще судить о боевой дѣйствительности въ тараненіи кораблей, сходныхъ съ ними по классу.

Мы начнемъ съ нашихъ судовъ и посмотримъ, что могутъ имъ сдѣлать вышеупомянутые броненосцы англійскаго и французскаго флотовъ, при соблюденіи того же условія, что шпиронъ входитъ въ бортъ не далѣе того предѣла, когда будетъ остановленъ нижнею кромкою подводной брони (*).

Фрегатъ «Петропавловскъ».

Французскіе корабли *Solferino* и *Magenta* будутъ бить его въ броню на $4\frac{1}{2}$ фута ниже ватерлиніи.

Французскій корветъ *Belliqueuse* можетъ углубить въ него свой шпиронъ на $5\frac{1}{2}$ футъ, т. е. на двойную толщину его шпангоутовъ, при чемъ площадь пробойны будетъ равняться 12 квад. футамъ, а нижній край ея будетъ углубленъ подъ водою на 12 футъ. Количество воды, которое станетъ вливаться въ судно, равняется 650 ведрамъ въ 1 секунду или 39 000 ведрамъ въ 1 минуту.

Французскій таранъ *Taureau* можетъ углубить свой шпиронъ въ нашъ фрегатъ на 4 фута. Пробойна будетъ равняться 8 квад. футамъ. Глубина ея нижняго края будетъ на 10 футъ ниже ватерлиніи. Количество вливающейся воды будетъ равно въ 1 секунду 423 ведрамъ, а въ 1 минуту 25 380 ведрамъ.

Фрегатъ «Севастополь».

Англійскій фрегатъ *Bellerophon* можетъ углубить въ него свой шпиронъ на $2\frac{1}{2}$ фута. Площадь пробойны равняется $15\frac{1}{4}$ квад. футамъ; углубленіе ея нижняго края $15\frac{1}{2}$ футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 885 ведръ, въ 1 минуту 53 100.

Англійскій же фрегатъ *Hercules*, послѣднеспущенный изъ броненосцевъ британскаго флота, можетъ впустить свой шпиронъ въ нашъ фрегатъ на 3 фута. Площадь пробойны равняется 12,2 кв. футамъ; углубленіе ея нижняго края 13,5 фута. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 709 ведръ, въ 1 минуту 42 540.

Англійскій корветъ *Penelope* въ состояніи углубить свой шпиронъ въ нашъ фрегатъ на 4 фута. Площадь пробойны 5,6 квад. фута. Углубленіе ея нижняго края 13,5 футъ. Количество вливающейся воды равняется въ 1 секунду 326 ведрамъ, а въ 1 минуту 19 560.

(*) Всѣ вычисленія произведены на основаніи обводовъ и боковыхъ частей, снятыхъ съ чертежей разсматриваемыхъ судовъ.

Французскіе корабли *Solferino* и *Magenta* бьютъ нашего «Севастополя» прямо въ нижнюю кромку подводной брони.

Корветъ *Belliqueuse* углубляетъ свой шпиронъ на $6\frac{1}{4}$ футъ. Величина пробоины 17,22 квадр. фута. Углубленіе нижней ея кромки подъ водою $12\frac{1}{4}$ футъ. Количество воды, вливающейся въ 1 секунду 958 ведеръ, а въ 1 минуту 57 480.

Таранъ *Taureau* можетъ впустить свой шпиронъ въ нашъ фрегатъ на 5 футъ. Площадь пробоины 13,75 квадр. футъ; углубленіе ея нижняго края подъ водою равно 11 футамъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 709 ведеръ, въ 1 минуту 42 540.

Фрегатъ «Мининъ».

Bellerophon углубляетъ въ него свой шпиронъ на $2\frac{3}{4}$ фута. Величина пробоины 12,9 квадр. футъ, углубленіе ея нижней кромки 15 футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 728 ведеръ, а въ 1 минуту 43 680.

Hercules можетъ впустить свой шпиронъ въ нашъ фрегатъ до глубины 3 футъ. Площадь пробоины 14,2 футъ. Углубленіе нижняго края ея $14\frac{3}{4}$ футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 827 ведеръ, въ 1 минуту 49 620.

Penelope углубляетъ свой шпиронъ до 4 футъ. Площадь пробоины равняется 6 кв. футамъ. Углубленіе ея нижняго края равно 13 футамъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 305 ведеръ, а въ 1 минуту 18 300.

Solferino и *Magenta* бьютъ въ нашъ фрегатъ нѣсколько выше нижней кромки его подводной брони.

Belliqueuse углубляетъ свой шпиронъ въ нашъ фрегатъ на $5\frac{3}{4}$ фута. Величина пробоины 15,45 квадр. футъ. Отстояніе ея нижняго края отъ ватерлиніи 12 футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 803 ведра, а въ минуту 48 180 ведеръ.

Taureau углубляетъ свой шпиронъ во фрегатъ на $4\frac{1}{2}$ фута. Площадь пробоины 10,5 кв. футъ. Углубленіе ея нижняго края 10,5 футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 548 ведеръ, а въ 1 минуту 32 580.

Фрегатъ «Князь Пожарскій».

Bellerophon впускаетъ въ него свой шпиронъ на 2 фута. Площадь пробоины равняется 11 кв. футамъ. Углубленіе ея нижняго края равно $15\frac{1}{2}$ футамъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 700 ведеръ и въ минуту 42 000.

Hercules углубляетъ свой шпиронъ въ нашъ фрегатъ на 3 фута. Площадь пробоины равняется 11,9 кв. футъ. Углубленіе ея нижняго края равно $15\frac{1}{2}$ футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 709 ведеръ, а въ 1 минуту 42 540.

Penelope углубляет свой шпиронъ въ нашъ фрегатъ на 4 фута. Площадь пробойны 7,4 фута. Углубленіе ея нижняго края $14\frac{1}{2}$ футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду равно 420 ведръ, а въ 1 минуту 25 200.

Solférino и *Magenta* бьютъ нашъ фрегатъ въ подводную броню на 5 футъ ниже ватерлинии.

Belliqueuse можетъ впустить въ него свой шпиронъ до 5 футъ. Площадь пробойны равняется 10,6 кв. футъ, а углубленіе ея нижняго края равно 12 футамъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 536 ведръ, а въ 1 минуту 31 960.

Taureau можетъ углубить свой шпиронъ въ нашъ фрегатъ до 4 футъ. Площадь пробойны равна 7,3 кв. футъ. Углубленіе ея нижней кромки 10 футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 378 ведръ, а въ 1 минуту 22 680 ведръ.

Фрегатъ «Адмиралъ Спиридовъ».

Bellerophon способенъ утопить въ него свой шпиронъ до $2\frac{1}{2}$ футъ. Величина пробойны равна 7,7 кв. футъ. Углубленіе ея ниже ватерлинии 13 футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 450 ведръ; въ 1 минуту 27000 ведръ.

Hercules углубляетъ въ него свой шпиронъ на 3 фута. Пробойна равняется 6,5 кв. футъ. Углубленіе ея нижняго края также 13 футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 305 ведръ и въ одну минуту 18 300 ведръ.

Penelope можетъ впустить свой шпиронъ въ нашъ фрегатъ на 4 фута. Величина пробойны 3,7 кв. фута. Углубленіе ея 13 футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 180 ведръ, а въ 1 минуту 10 800.

Solférino и *Magenta* бьютъ нашъ фрегатъ въ подводную броню.

Belliqueuse углубляетъ въ него свой шпиронъ до $5\frac{1}{2}$ футъ. Величина пробойны 14,8 кв. футъ. Углубленіе ея $12\frac{1}{4}$ футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду равняется 783 ведръ, а въ одну минуту 46 980.

Taureau можетъ углубить свой шпиронъ въ бортъ нашего фрегата до $4\frac{1}{4}$ футъ. Величина пробойны 10,8 кв. футъ; углубленіе ея 11 футъ. Количество входящей воды въ 1 секунду 572 ведра, а въ 1 минуту 34 320.

Батарея «Негронъ Мена».

Bellerophon утопляетъ въ ней свой шпиронъ до глубины $3\frac{1}{2}$ футъ. Площадь пробойны 17,9 кв. футъ. Углубленіе ея $13\frac{1}{2}$ футъ. Количество вливающейся воды равняется въ 1 секунду 960 ведръ, а въ 1 минуту 57 600.

Hercules углубляетъ свой шпиронъ въ нашу батарею до 4 футъ.

Величина пробойны 12,7 кв. футъ. Углубленіе ея $13\frac{1}{2}$ футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 727 ведръ и въ 1 минуту 43 620 ведръ.

Penelope можетъ углубить свой шпиронъ до $4\frac{3}{4}$ футъ. Площадь пробойны 6,5 футъ. Углубленіе ея нижняго края 13 футъ. Количество входящей воды въ 1 секунду 305 ведръ и въ 1 минуту 18300 ведръ.

Solferino и *Magenta* углубляются въ батарею своими шпиронами на $\frac{3}{4}$ фута. Величина пробойны $\frac{1}{4}$ кв. фута. Углубленіе ея ниже ватерлинии $5\frac{1}{2}$ футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 11 ведръ, а въ 1 минуту 660 ведръ.

Belliqueuse можетъ впускать свой шпиронъ на $6\frac{1}{2}$ футъ. Площадь пробойны 16,4 кв. футъ; углубленіе ея 12 футъ. Количество входящей воды въ 1 секунду 944 ведра, а въ 1 минуту 56 640 в.

Taureau можетъ углубить свой шпиронъ въ нашу батарею на $5\frac{1}{2}$ футъ. Величина пробойны равняется 13 кв. футамъ, а углубленіе нижняго края ея 11 футъ. Количество вливающейся воды 700 ведръ въ 1 секунду и 42 000 въ 1 минуту.

Батарея «Кремль».

Bellerophon впускаетъ въ нее свой шпиронъ до глубины $3\frac{1}{2}$ ф. Площадь пробойны 17,8 кв. футъ, а углубленіе нижняго края 14 футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 960 ведръ, а въ 1 минуту 57 600.

Hercules можетъ углубить свой шпиронъ въ это судно до 4 ф. Величина пробойны равняется 13,1 кв. футамъ. Углубленіе ея ниже ватерлинии 14 футъ. Количество входящей воды въ 1 секунду 730 ведръ, а въ 1 минуту 43 800.

Penelope углубляетъ свой шпиронъ до $4\frac{1}{2}$ футъ. Площадь пробойны равна 7,5 кв. футамъ, а углубленіе нижняго края $13\frac{1}{2}$ ф. Количество входящей воды равняется въ 1 секунду 400 ведрамъ, а въ 1 минуту 24 000.

Belliqueuse впускаетъ свой шпиронъ въ нашу батарею на $6\frac{1}{2}$ ф. Величина пробойны 18,3 кв. футъ. Углубленіе ея ниже ватерлинии 12 футъ. Количество входящей воды въ 1 секунду 1053 ведра, а въ 1 минуту 63 180.

Taureau углубляетъ свой шпиронъ въ это судно на $5\frac{1}{2}$ футъ. Площадь пробойны равна 13 кв. футамъ, а углубленіе ниже ватерлинии 11 футъ. Количество вливающейся воды равняется въ 1 секунду 700 ведрамъ, а въ 1 минуту 42 000 ведр.

Лодка «Смерчь».

Bellerophon можетъ углубить въ нее свой шпиронъ до 3 футъ. Площадь пробойны равна 7,3 кв. футъ. Углубленіе ея нижняго края 10 футъ. Количество вливающейся воды 378 ведръ въ 1 секунду и 22 680 въ 1 минуту.

Hercules может впустить въ нее свой шпиронъ на 5 футъ. Величина пробойны 9,3 кв. футъ. Углубленіе ниже ватерлиніи 10 футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 408 ведеръ, а въ 1 минуту 24 480 ведеръ.

Penelope углубляетъ свой шпиронъ въ нашу лодку до 4 футъ. Величина пробойны 3,5 кв. фута. Углубленіе ея $9\frac{1}{2}$ футъ. Количество впадающей воды въ 1 секунду 169 ведеръ и въ 1 минуту 10 140.

Solferino и *Magenta* могутъ воткнуть свой шпиронъ въ нашу лодку на 2 фута. Величина пробойны $\frac{1}{4}$ кв. фута. Углубленіе ея $5\frac{1}{2}$ футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 11 ведеръ, и въ 1 минуту 660 ведеръ.

Belliqueuse въ состояніи углубить свой шпиронъ въ нее на 8 ф. Площадь пробойны 13,7 кв. футъ. Углубленіе ея $9\frac{3}{4}$ футъ. Количество входящей воды въ 1 секунду 720 ведеръ, а въ 1 минуту 43 200.

Taureau впускаетъ свой шпиронъ на 6 футъ. Площадь пробойны 12 кв. футъ. Углубленіе нижняго края $9\frac{1}{2}$ футъ. Количество впадающей воды въ 1 секунду 635 ведеръ, а въ 1 минуту 38 100.

Мониторы наши гарантированы, благодаря своей конструкціи, отъ ударовъ шпиронами тѣхъ изъ иностранныхъ броненосцевъ, дѣйствіе которыхъ мы только что разсмотрѣли. Впрочемъ, *Belliqueuse* при нормальномъ ударѣ можетъ нанести монитору подводную пробойну величиною въ 0,3 кв. фута на глубинѣ 9 футъ. Сквозь эту пробойну можетъ входить въ 1 секунду 16 ведеръ, а въ 1 минуту 960 ведеръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если мы примемъ въ соображеніе замѣчательную поворотливость мониторовъ и, слѣдовательно, прямо пропорціональную ей способность уклоняться отъ ударовъ, то, по моему мнѣнію, будемъ имѣть право говорить, что мониторъ составляетъ типъ судовъ, весьма хорошо обезпеченныхъ на случай шпироннаго боя.

Разсмотрѣвъ дѣйствіе нѣкоторыхъ иностранныхъ судовъ противъ нашихъ русскихъ броненосцевъ, мы взглянемъ теперь какія поврежденія способны наносить шпиронами въ свою очередь нѣкоторые изъ русскихъ панцирныхъ кораблей противъ взятыхъ нами для разбора судовъ французскаго флота. Условія анализа будутъ тѣ же самыя, т. е. мы станемъ по прежнему придерживаться идеѣ, что шпиронъ не проникаетъ въ судно долѣе того момента, когда верхняя его кромка встрѣтитъ нижній край подводной брони.

Начнемъ съ французскаго броненоснаго корабля *Solferino*.

Фрегатъ «Мининъ» можетъ углубить въ него свой шпиронъ до 4 футъ. Площадь пробойны 13,3 кв. футъ. Отстояніе ея нижняго края отъ ватерлиніи 13 футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 730 ведеръ, а въ 1 минуту 43 800.

Фрегатъ «Князь Пожарскій» способенъ впустить свой шпиронъ во французскій корабль до глубины $5\frac{1}{4}$ футъ. Величина пробойны 9,4 кв. футъ. Углубленіе ея 12 футъ. Количество впадающей воды въ 1 секунду 635 ведръ и въ 1 минуту 38 100.

Фрегатъ «Адмиралъ Спиридовъ» углубляетъ свой шпиронъ до 3 футъ. Величина пробойны 5,8 кв. футъ. Отстояніе ея отъ ватерлиніи $10\frac{1}{2}$ футъ. Количество входящей воды въ 1 секунду 324 в. и въ 1 минуту 20 840 ведръ.

Фрегатъ «Севастополь» и лодка «Смерчъ» бьютъ французскій корабль въ броню, первый,—на глубинѣ $5\frac{1}{2}$ футъ, а вторая—на глубинѣ 4 футъ.

Французскій броненосный корветъ *Belliqueuse*.

Фрегатъ «Мининъ» можетъ впустить въ него свой шпиронъ до глубины $2\frac{1}{2}$ футъ. Площадь пробойны 6 кв. футъ. Отстояніе ея нижняго края отъ ватерлиніи 13 футъ. Количество входящей воды въ 1 секунду 305 ведръ, а въ 1 минуту 18 300.

Фрегатъ «Князь Пожарскій» углубляетъ свой шпиронъ до $4\frac{1}{4}$ ф. Величина пробойны 5 кв. футъ. Углубленіе ея отъ ватерлиніи 12 футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 292 ведра, а въ 1 минуту 17 520.

Фрегатъ «Адмиралъ Спиридовъ» способенъ впустить свой шпиронъ во французскій корветъ до глубины 2 футъ. Площадь пробойны 3 кв. фута. Отстояніе ея отъ ватерлиніи $10\frac{1}{2}$ футъ. Количество входящей воды въ 1 секунду 170 ведръ, а въ 1 минуту 10 200.

Фрегатъ «Севастополь» выпускаетъ свой шпиронъ въ разсматриваемый нами броненосецъ до глубины $1\frac{1}{4}$ фута. Площадь пробойны 0,8 кв. футъ. Углубленіе ея 8 футъ. Количество впадающей воды въ 1 секунду 25 ведръ, а въ 1 минуту 1500.

Лодка «Смерчъ» бьетъ по *Belliqueuse* въ подводную броню на 4 фута ниже ватерлиніи.

Французскій броненосный таранъ *Taureau*.

Фрегатъ «Мининъ» углубляетъ въ него свой шпиронъ на $4\frac{1}{4}$ фута. Площадь пробойны 4,25 кв. фута. Отстояніе ея отъ ватерлиніи $11\frac{1}{4}$ футъ. Количество вливающейся воды въ 1 секунду 242 ведра, а въ 1 минуту 14 520.

Фрегатъ «Князь Пожарскій» можетъ утопить въ немъ свой шпиронъ до 6 футъ. Величина пробойны 4,76 кв. футъ. Отстояніе ея отъ ватерлиніи $11\frac{1}{2}$ футъ. Количество входящей воды въ 1 секунду 260 ведръ, въ 1 минуту 15 600.

Фрегатъ «Адмиралъ Спиридовъ» углубляетъ свой шпиронъ на 4 фута. Величина пробойны 3 кв. фута. Отстояніе ея отъ ватер-

линіи 10 футъ. Количество входящей воды въ 1 секунду 165 ведръ, въ 1 минуту 9900.

Фрегатъ «Севастополь» впускаетъ свой шпиронъ въ *Taucean* на $1\frac{1}{2}$ фута. Площадь пробойны 0,5 кв. фута. Углубленіе ея ниже ватерлиніи $7\frac{1}{4}$ футъ. Количество впадающей воды въ 1 секунду 22 ведра, въ 1 минуту 1320.

Лодка «Смерчъ» бьетъ по французскому тарану на глубинѣ 4 футъ ниже ватерлиніи.

Не смотря на боязнь утомить цифрами, я предложу еще одинъ рядъ чиселъ, который по представляемому ими интересу заслуживаетъ нашего разбора. Я разумѣю ту точку на судовомъ борту, въ которой шпиронъ находитъ свое приложеніе во время тараненія, или, выражаясь иначе, — на какой глубинѣ бьютъ шпиронами броненосцы различныхъ націй. Взглядъ на подобный вопросъ никогда не можетъ быть лишнимъ и потому мы бросимъ бѣглый взглядъ на углубленіе шпироновъ нѣкоторыхъ броненосцевъ русскаго, англійскаго и французскаго флотовъ.

Изъ нашихъ судовъ, фрегатъ «Петропавловскъ» бьетъ своимъ шпирономъ на $7\frac{3}{4}$ фута ниже ватерлиніи; фрегатъ «Севастополь» на $5\frac{3}{4}$ фута; фрегатъ «Мининъ» на $10\frac{1}{2}$ футъ; фрегатъ «Князь Пожарскій» на $9\frac{1}{2}$ футъ; фрегатъ «Адмиралъ Спиридовъ» на $8\frac{1}{4}$ футъ. Батарея «Негронъ Меня» на 7 футъ. Лодки «Русалка» и «Чародѣйка» на 5 футъ и наконецъ, лодка «Смерчъ» на 4 фута ниже ватерлиніи.

Изъ англійскихъ судовъ, фрегатъ *Northumberland* имѣетъ свой шпиронъ углубленнымъ ниже ватерлиніи на 5 футъ; фрегатъ *Hercules* на 10 футъ; фрегатъ *Lord Clyde* на 13 футъ; фрегатъ *Bellerophon* на 12 футъ; корветъ *Penelope* на 10 футъ и корветъ *Invincible* на 9 футъ.

Изъ французскихъ судовъ, корабли *Solférino* и *Magenta* бьютъ своими шпиронами ниже ватерлиніи на $4\frac{3}{4}$ фута; корветъ *Belliqueuse* на $7\frac{3}{4}$ футъ; таранъ *Taureau* на 8 футъ и таранъ *Bélier* на $7\frac{3}{4}$ футъ ниже ватерлиніи.

Для того, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о разрушительномъ дѣйствіи броненоснаго судна во время тараненія, я обращаю ваше вниманіе на слѣдующую таблицу, въ которой помѣщены цифры, изображающія въ футо-тоннахъ силу шпироннаго удара нѣкоторыхъ русскихъ и иностранныхъ броненосцевъ, при ходѣ въ 8 и 11 узловъ. Эти числа опредѣлены по формулѣ количества движенія $F=MV$, т. е. что сила удара равняется массѣ тѣла, помноженной на скорость. Ходъ принять равнымъ 8 и 11 узламъ въ томъ предположеніи, что во время боя въ

эскадрѣ обыкновенная скорость сражающихся будетъ около 8 узловъ, а усиленная въ минуты необходимости не станетъ превышать 11, по недостатку простора, гдѣ-бы можно было разойтись и достигнуть большаго числа узловъ.

ИМЕНА СУДОВЪ.	Число тоннъ водоизмѣщенія.	Сила удара въ футо-тоннахъ.	
		При 8 узлахъ хода.	При 11 узлахъ хода.
Русскія суда.			
Фрегатъ «Севастополь»	6257	84470	115754
— «Петропавловскъ»	6040	81540	111740
— «Мининъ»	4137	55849	75534
— «Князь Пожарскій»	4137	55849	75534
— «Адмир. Грейгъ»	3207	43294	59329
— «Адмир. Лазаревъ»	3207	43294	59329
— «Адмир. Чичаговъ»	3194	43146	59126
— «Адмир. Спиридовъ»	3194	43146	59126
Батарея «Первенецъ».	3271	44158	60513
— «Петровъ мейнъ»	3227	43464	59596
— «Кремль».	3412	46062	61122
2-хъ баш. лодка «Смерчъ».	1401	18913	25918
— «Русалка».	1850	21975	34225
— «Чародѣйка»	1850	21975	34225
Мониторъ «Латникъ»	1565	21127	—
Англійскія суда.			
Фрегатъ <i>Bellerophon</i>	4246	57321	78551
— <i>Hercules</i>	5226	70541	96671
Корветъ <i>Invincible</i>	3774	50949	69819
— <i>Penelope</i>	2997	40460	55449
Баш. судно <i>Monarch</i>	5100	68850	94350
— <i>Captain</i>	4272	57672	79022

ИМЕНА СУДОВЪ.	Число тоннъ водоизмѣще- нiя.	Сила удара въ футо-тоннахъ.	
		При 8 узлахъ хода.	При 11 узлахъ хода.
Французскія суда.			
Корабль <i>Solferino</i>	6692	90342	123802
Фрегатъ <i>Gloire</i>	5630	76005	104155
— <i>Marengo</i>	7057	95270	130155
Корветъ <i>Belliqueuse</i>	3547	45184	61818
Таранъ <i>Taureau</i>	2438	33913	46103
— <i>Cerbere</i>	3813	44225	61290
Итальянскія суда.			
Фрегатъ <i>Re di Portogallo</i>	6070	81945	112295
— <i>San Martino</i>	4272	57942	80402
Корветъ <i>Terribile</i>	2559	34546	47341
Ваш. судно <i>Affondatore</i>	4075	55125	75377
Австрийскія суда.			
Фрегатъ <i>Erzh. Ferdinand Max</i> . .	5130	69255	94905
— <i>Lissa</i>	5900	79200	109150
Прусскія суда.			
Фрегатъ <i>Wilhelm I</i>	5938	80122	109797
— <i>Kron Prinz</i>	5600	75600	103600
— <i>Friedrich Karl</i>	5900	79600	109150
Ваш. судно <i>Arminius</i>	1230	16605	22755
Турецкое судно.			
Фрегатъ <i>Османъ</i>	6400	86400	118400

Что же касается до наружнаго вида шпироновъ, то между англійскими и французскими существуетъ значительная разница. Боль-

шая часть, если даже не всё, французскіе шпироны имѣютъ видъ нѣсколько согнутаго у вершины, далеко выдающагося впередъ конуса, отлично приспособленнаго для прокалыванія подводной части, подобно шилу, свайкѣ или бородку. Шпироны же англійскаго флота состоятъ преимущественно изъ закругленія впередъ форштевня и имѣютъ такимъ образомъ видъ лезвія топора, исполняя въ то же время его назначеніе, т. е., имѣя задачей, такъ сказать, разрубать бортъ непріятеля. Трудно рѣшить на чьей сторонѣ находится въ этомъ случаѣ большая основательность сужденія. Примѣръ *Ferdinand Max*, нанесшаго при Лиссѣ пробойну величиною въ 69 кв. футъ, прекрасно доказываетъ, что мысль англичанъ практична и броненосецъ съ полного хода можетъ разрубить бортъ непріятеля. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показываетъ тоже, что для этого требуется значительная скорость. Между тѣмъ французы утверждаютъ, что ихъ шпироны способны исполнить свое дѣло и при маломъ ходѣ, т. е. что для продавливанія дыры въ подводной части конусообразнымъ выступомъ на штевнѣ нѣтъ необходимости въ значительной скорости судна. Общеизвѣстнаго фактическаго доказательства въ справедливости этого мнѣнія до сихъ поръ еще нѣтъ, но такъ какъ французы въ большей части своихъ утвержденій основываются на опытахъ, по обыкновенію скрываемыхъ весьма тщательно и отъ своихъ и отъ чужихъ, то быть можетъ, что и въ настоящемъ случаѣ они какъ нельзя болѣе правы. Если это такъ, то при безпристрастномъ взглядѣ на дѣло, нельзя будетъ не склониться на сторону французовъ и отдать имъ преимущество въ разработкѣ этого вопроса. Шпиронъ, который въ состояніи прокалывать бортъ противника и при маломъ, и при большомъ ходѣ, разумѣется, имѣетъ преимущество передъ форштевнемъ, который можетъ только проламывать чужой бортъ, обуславливаясь для этого непремѣнно большою скоростью. Правда, что съ этимъ связывается еще другое обстоятельство—сравнительная прочность обоихъ видовъ шпирона, но до сихъ поръ мы почти не имѣемъ фактовъ, на которыхъ могли бы основать вѣрное сужденіе по этому предмету. Послѣ удара, которымъ *Ferdinand Max* пустилъ ко дну *Re d'Italia*, въ носовой части австрійскаго флагманскаго судна оказалась течь, но это было прямымъ слѣдствіемъ 11 узловъ хода, развитаго имъ передъ тараненіемъ. Если бы у него было 8 узловъ хода, то онъ, можетъ быть, не потекъ бы вовсе, или же потекъ очень мало. Такимъ образомъ, случиться можетъ, что французскій шпиронъ, проколовъ непріятельскую подводную часть безъ особенно большаго собственнаго напряженія, останется нисколько неповрежденнымъ, не смотря на то, что относительно

прочности онъ, какъ кажется, долженъ уступать англійскимъ таранамъ. Вообще, чтобы высказать какое нибудь точно опредѣленное мнѣніе по этому предмету, должно подождать дальнѣйшихъ фактовъ, или же сдѣлать рядъ сравнительныхъ опытовъ; въ противномъ же случаѣ, всѣ наши мысли, по самой силѣ вещей, должны быть ничѣмъ инымъ какъ догадками, предположеніями и довольно тусклыми надеждами.

Покончивъ такимъ образомъ съ матеріальною дѣйствительностью шпирона, мы скажемъ теперь нѣсколько словъ объ его практическомъ употребленіи и о томъ, до какой степени эта дѣйствительность находится въ гармоніи съ удобствомъ приложенія его къ дѣлу. Вопросъ о шпиронномъ боѣ до такой степени важенъ въ настоящее время, что всякому военному моряку не мѣшаетъ употреблять часть своего времени для его изученія. Во французскомъ флотѣ анализъ тараненія возведенъ даже въ систему и тамъ, сколько мнѣ извѣстно, производятся теперь опыты и практическія упражненія, безъ опубликованія, разумѣется, получаемыхъ результатовъ. Точно также, и на нашей броненосной эскадрѣ, въ будущую кампанію, по всей вѣроятности, станутъ производиться самыя серьезныя ученія для пріобрѣтенія офицерами нужнаго навыка въ маневрированіи и привычки глаза, безъ которыхъ тараненіе невозможно. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, заблаговременная подготовка можетъ дать намъ въ моментъ нужды значительный перевѣсъ надъ могущими встрѣтиться противниками. Такимъ образомъ, всякая, даже бѣгло высказанная мысль способна принести свою долю пользы и оказаться при случаѣ даже существенно полезною.

Трудно думать, чтобы тараненіе могло въ скоромъ времени вытѣснить артиллерію съ ея преобладающаго положенія во время одиночнаго боя судна съ судномъ. При нынѣшнихъ длинныхъ, малоповоротливыхъ броненосцахъ ударъ штевнемъ не легкая задача, какъ въ смыслѣ попаданія, такъ и въ смыслѣ нанесенія тяжелаго вреда противнику. Какимъ образомъ ударить непріятеля, когда ничто не мѣшаетъ ему увертываться отъ нашего шпирона? И какъ потопить его, если однимъ движеніемъ руля онъ можетъ поставить себя передъ нашимъ ударомъ въ такое косвенное положеніе къ нашему курсу, что вмѣсто тараненія произойдетъ простая, неимѣющая особенныхъ послѣдствій, свалка двухъ судовъ бортами. Поэтому, можно полагать, что до тѣхъ поръ, пока броненосцы не пріобрѣтутъ лучшей поворотливости, или пока имъ не будетъ доставлено приспособленій, при содѣйствіи которыхъ они могли бы механически помогать себѣ для ускоренія циркуля-

цій, — до тѣхъ поръ во время одиночнаго боя судна съ судномъ шпиронъ будетъ стоять на второмъ мѣстѣ, а главная, преобладающая роль будетъ принадлежать всецѣло орудію.

Впрочемъ, опять и въ этомъ случаѣ, неравенство въ боевой подготовкѣ двухъ противниковъ можетъ до нѣкоторой степени удалить для одной стороны трудности, соединенныя съ тараненіемъ при одиночной схваткѣ. Теорія доказываетъ намъ, что нанесеніе удара штевнемъ подчиняется извѣстнымъ законамъ, выведеннымъ математически. Такимъ образомъ, тотъ, кто сѣмъетъ лучше приложить теорію къ практикѣ, будетъ сильнѣе своего противника и скорѣе доберется до удачи. Слѣдовательно, вопросъ находится въ прямой зависимости отъ упражненія, которое, хотя и не въ состояніи побѣдить главныхъ затрудненій, но тѣмъ не менѣе можетъ доставить значительную долю превосходства тому, кто за него основательно примется. До сихъ поръ еще не выработаны методы, по которымъ должно учиться тараненію, и во многихъ случаяхъ денежные вопросы кладутъ извѣстную, опредѣленную границу производимымъ опытамъ. Весьма естественно, что деньги обуславливаютъ все, но вмѣстѣ съ тѣмъ было бы очень желательно, чтобы въ подобномъ важномъ изслѣдованіи матеріальныхъ соображенія имѣли какъ можно менѣе голоса. Въ будущую кампанію, на сколько мнѣ извѣстно, мы будемъ учиться тараненію на канонерскихъ лодкахъ, спеціально изготовленныхъ для этого. Намъ будетъ разрѣшено стукать другъ друга сколько угодно и, слѣдовательно, мы будемъ имѣть всѣ способы, чтобы должнымъ образомъ усвоить себѣ приемы новой методы морскаго боя.

Если, съ одной стороны, тараненіе неудобно при одиночной схваткѣ судна съ судномъ, то съ другой—оно составляетъ главное основаніе, на которомъ зиждется эскадренная атака. Единичному судну трудно попасть шпирономъ въ своего единичнаго же противника, въ то время, какъ нѣсколькимъ судамъ, тѣсно сжавшимся въ строй и развившимъ большую скорость, легко задѣть, а слѣдовательно и потопить двухъ, трехъ и болѣе непріятелей. Чѣмъ быстрѣе и запальчивѣе будетъ наступательное движеніе, тѣмъ труднѣе будетъ отъ него увернуться, а слѣдовательно тѣмъ опаснѣе оно будетъ для противника. Такимъ образомъ, дѣйствительность эскадренной атаки можно сравнить съ дѣйствіемъ пушечнаго ядра, которое зависитъ отъ массы и скорости. Чѣмъ болѣе будетъ масса сплотившейся группы судовъ и чѣмъ значительнѣе будетъ развиваемая ею быстрота движенія, тѣмъ сильнѣе и неотразимѣе сдѣлается ударъ ея.

Мы станемъ разсматривать эскадренную атаку, преимуще-

ственно съ точки зрѣнія маневрированія. Въ былое время парусныхъ флотовъ, эта часть морской тактики была весьма хорошо разработана. Теорія трудилась надъ нею неутомимо, а практика давала одинъ примѣръ лучше другаго. Достаточно вспомнить имена Клерна, замѣчательнаго писателя по морской тактикѣ, и Нельсона, великаго адмирала, чтобы убѣдиться въ совершенствѣ, до котораго были доведены основанія эскадренныхъ нападеній въ прежнее время. Теперь далеко не то; новыя флоты и новое вооруженіе ихъ, требуютъ для себя и совершенно новыхъ боевыхъ правилъ, которыя нужно еще создать путемъ мысли и опытовъ. Базисомъ для мышленія должны быть при этомъ паръ, броня и шпиронъ,—основанія, до самаго корня измѣнившія военно-морское искусство. Кромѣ того, трудъ составителей новой морской тактики не можетъ быть вполне полнымъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, такъ какъ скудость фактовъ заставляетъ ограничиваться почти одними умозрѣніями; во время которыхъ легко пропустить многія, очень важныя подробности. Тѣмъ не менѣе, начать подобную работу необходимо и даже слѣдуетъ торопиться надъ ея исполненіемъ, потому что существованіе хоть какихъ нибудь военныхъ правилъ гораздо лучше, чѣмъ полное отсутствіе ихъ, и будетъ поздно приниматься за ихъ разработку, когда наступитъ пора наибольшей въ нихъ потребности.

Мы имѣемъ въ современной морской исторіи только одинъ фактъ, который способенъ внести нѣкоторую опредѣленность въ нынѣшнее неясное состояніе морскихъ тактическихъ вопросовъ. Это—сраженіе при Лиссѣ, надъ которымъ специальная литература потрудились много, но откуда вывела довольно мало данныхъ, стоящихъ быть признанными неопровержимо справедливыми. Причину этому найти не трудно; въ битвѣ при Лиссѣ, военные средства, употреблявшіяся съ обѣихъ сторонъ, были несовременныя, пригодныя для деревянныхъ флотовъ, но не для броненосцевъ. Поэтому, результаты, достигнутые ими, были неудовлетворительныя и, разумѣется, не могли представить ничего поучительнаго. Единственно замѣчательнымъ фактомъ была шпиронная атака австрійскаго флота, которая дѣйствительно разъяснила многое относительно будущихъ приемовъ морской тактики, какъ наступательныхъ, такъ и оборонительныхъ. Эта атака, по моему мнѣнію, вышла не изъ заранее составленнаго и обдуманнаго тактическаго плана, а состоялась случайно и принесла пользу лишь потому, что итальянцы шли въ линіи кильватера. Будь они построившись получше и прими, вмѣсто оборонительнаго, наступательное положеніе, разбиты были-бы, по всей вѣроятности, авст-

рійцы. Но намъ до этого теперь нѣтъ дѣла; для насъ важно то, что быстрое, произведенное въ счастливую минуту и сомкнутыми силами, движеніе, доставило перевѣсъ одному флоту надъ другимъ и обезпечило ему благопріятный исходъ сраженія.

Я попрошу у васъ позволенія, мм. гг., повторить здѣсь еще разъ тѣ основанія, которымъ, по моему мнѣнію, предстоитъ сдѣлаться фундаментомъ для новой морской тактики. Мнѣ кажется, что передъ боемъ флоты будутъ выстраиваться не въ линіи, а въ тѣсныя, сомкнутыя массы, одаренныя высокою подвижностію и готовые какъ для наступательныхъ, такъ и для оборонительныхъ дѣйствій. Все содержаніе тактическихъ плановъ будетъ заключаться въ повтореніи основнаго военнаго правила, приводившаго къ побѣдамъ и въ древнія, и въ новыя времена,—въ сосредоточеніи превосходныхъ силъ на слабыхъ точкахъ непріятельскаго строя. Весьма естественно, что и противники наши стануть руководствоваться точно такими же взглядами на тактику, т. е. будутъ употреблять сомкнутые строи, чтобы избѣжать растяженія ордера, а слѣдовательно и слабыхъ точекъ въ немъ. Для того, чтобы приготовить себѣ удобный моментъ для атаки, или, иначе, чтобы поставить противника въ самое невыгодное для него положеніе, наступающій флотъ будетъ употреблять маневрированіе, прибѣгнетъ къ фланговымъ и обходнымъ движеніямъ, станетъ дѣлать фальшивыя атаки — все съ тою цѣлю, чтобы растянуть строй непріятеля и сдѣлать возможнымъ нападеніе въ превосходныхъ силахъ на тотъ, или другой изъ его слабыхъ пунктовъ. Наконецъ, когда подобная счастливая минута настанетъ, наступающій флотъ быстро перейдетъ отъ подготовительныхъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, развернется въ строй, наиболѣе удобный для атаки и обрушится запальчивымъ, неотразимымъ широкимъ ударомъ на отдѣльную, или растянувшуюся часть непріятельскаго строя. Такимъ образомъ, главный трудъ надъ разрушеніемъ чужихъ кораблей будетъ принадлежать не орудію, а всецѣло широкую и огонь артиллеріи сдѣлается скорѣе стѣсненіемъ дѣйствій, чѣмъ пособіемъ для достиженія побѣды.

Я очень хорошо понимаю, мм. гг., что, высказывая новую тактическую идею, на которой предлагаю основать цѣлую систему эскадреннаго боя, я рискую встрѣтить и услышать много опроверженій. Если бы это было дѣйствительно такъ, то я долженъ сказать, что выполнилось бы самое горячее мое желаніе. Я глубоко убѣжденъ, что дѣло морской тактики есть достояніе всего общества морскихъ офицеровъ и что только путемъ всесторонней разработки и долгихъ преній мы можемъ довести его до

совершенства. Поэтому, я позволяю себѣ обратиться къ моимъ слушателямъ съ просьбою не оставить меня послѣ нашей бесѣды своими замѣчаніями и возраженіями. Этимъ способомъ, можетъ быть, намъ удастся дойти до какихъ нибудь новыхъ и стоящихъ вниманія мыслей. Всякая начинающая свое бытіе наука есть достоиніе, такъ сказать, и стараго и малаго. Если передъ обществомъ является что нибудь, одинаково незнакомое для всѣхъ его членовъ, то за изученіе и разработку этого предмета можетъ приниматься всякій, чувствующій къ тому расположеніе. Новая наука морскаго боя есть нѣчто совершенно самобытное, неимѣющее въ своихъ основаніяхъ ничего общаго съ прошлымъ. Ее нужно еще создать и принять въ этомъ участіи имѣть право каждый морской офицеръ, на какой бы ступени службы ни стоялъ онъ. При постройкѣ какого нибудь монументальнаго зданія употребляются и огромныя глыбы камня, и ничтожныя по своей величинѣ кирпичи, но всѣ они входятъ въ составъ зданія и одинаково содѣйствуютъ его прочности. Такъ точно и при разработкѣ морскихъ боевыхъ вопросовъ могутъ, по моему мнѣнію, трудиться и моряки, не ходившіе далѣе Готланда, и моряки, три раза обошедшіе кругомъ земнаго шара. Когда понадобится, идти въ бой, то это предстоитъ каждому изъ насъ, слѣдовательно и каждый изъ насъ имѣетъ право обдумывать какими путями можно скорѣе всего достичь побѣды.

Мы видѣли уже, въ продолженіе второй бесѣды нашей, что, по понятіямъ англичанъ и французовъ, лучшими строями для эскадренной атаки должно считать строи двойнаго фронта и двойнаго шахматнаго фронта. Это мнѣніе весьма справедливо, потому что двѣ сомкнутыя линіи судовъ, поддерживающія другъ друга, способны нанести жестокой ударъ противнику и разстроить ордеръ, въ которомъ онъ держится. Слабая сторона ихъ заключается, можетъ быть, въ томъ, что какъ тому, такъ и другому, трудно мѣнять свое направленіе, особенно на полномъ ходу, потому что для этого необходимо дѣлать захожденія флангомъ. Достоинства же ихъ состоятъ въ томъ, что длина линій небольшая, промежутки между судами сжатые, всѣ корабли поддерживаютъ другъ друга, передній фронтъ подкрѣпляется заднимъ и вступленіе въ бой для всѣхъ судовъ почти одновременное. Такимъ образомъ, можно ожидать, что въ грядущихъ морскихъ сраженіяхъ оба строя двойнаго фронта будутъ употребляться для эскадренныхъ атакъ довольно часто и, по всей вѣроятности, съ значительнымъ успѣхомъ.

Другой строй, которому, какъ кажется, предстоитъ впереди

занять мѣсто рядомъ со строями двойнаго фронта, есть ордеръ клина, исходящимъ угломъ впередъ. Онъ удобенъ тѣмъ, что даетъ возможность, по своему образованію, безъ особеннаго труда прорывать строй противника и разъединять непріятельскія силы. Другое его достоинство состоитъ въ томъ, что корабли, идущіе въ клинъ, представляютъ сжатую массу, способную одинаково и для сильнаго артиллерійскаго огня, и для ударовъ шпиронами. Прежде, строй клина былъ самымъ неповоротливымъ изъ ордеровъ, что, по всей вѣроятности, и побудило англичанъ отказаться отъ него и перейти къ строю двойнаго фронта, не смотря на то, что Дугласъ, въ своемъ замѣчательномъ «*On naval warfare with steam*», защищаетъ его, какъ одинъ изъ видовъ любимаго имъ строя пелента. Теперь же, благодаря разработкѣ адмирала Г. И. Бутакова, строй клина сдѣлался однимъ изъ самыхъ удобоповоротливыхъ и потому обѣщаетъ въ будущемъ доставить много выгодъ той сторонѣ, которая его изучитъ и употребитъ въ дѣло. Мнѣ кажется даже, что строй клина въ настоящее время едва ли не удобоподвижнѣе, чѣмъ строи двойнаго фронта, хотя и обладаетъ передъ ними невыгодою — занимать гораздо болѣе мѣста какъ въ длину, такъ и въ ширину. Такимъ образомъ, есть основаніе думать, что нашъ флотъ полюбитъ строй клина и даже, быть можетъ, приобрететъ съ его помощью немало успѣховъ, если обстоятельства снова побудятъ его построиться въ ордеръ для начала атаки.

Оба строя, на которые мы взглянули, т. е. двойной фронтъ и клинъ, заслуживаютъ названія отличныхъ боевыхъ строевъ, удобныхъ для производства атакъ, но ни тотъ, ни другой не могутъ быть удовлетворительными при тѣхъ подготовительныхъ маневрахъ флота, о которыхъ я упомянулъ выше. Подвижность ихъ слишкомъ медленна; чтобы двойному фронту зайти флангомъ, или клину поворотиться около одного изъ своихъ крыльевъ, потребно довольно много времени, въ то время какъ эскадрѣ, маневрирующей съ цѣлію привести своими движеніями въ невыгодное положеніе непріятеля, нужно мѣнять курсы моментально, не разстраивая въ то же время ордера. Поэтому, я полагаю, что для подобныхъ, такъ сказать, подготовительныхъ дѣйствій нуженъ и строй приготовительный, который имѣлъ-бы особенный видъ, способствующій выполненію задачи, которую предстоитъ рѣшить новому строю. Я уже имѣлъ случай высказывать прежде (*) идеи о приготовительномъ строѣ, имѣющемъ видъ треугольника. Къ этому слѣдуетъ прибавить теперь мысль объ употребленіи строя четырехугольника,

(*) Въ статьѣ «Артиллерійскій бой и морская тактика». М. Об. № 1, 1868 г.

или каре, предложеннаго для той же цѣли на второй бесѣдѣ нашей однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ командировъ нашего флота. Строй четырехугольника, по мнѣнію предложившаго его, долженъ имѣть видъ трехъ сомкнутыхъ колоннъ съ малыми разстояніями, или же трехъ сжатыхъ линій фронта. Число судовъ въ немъ, разумѣется, не должно быть значительное и ему не слѣдуетъ превышать, также какъ и въ строѣ треугольника, двѣнадцати. Для каре, наиболѣе удобнымъ числомъ судовъ должно быть даже девять. Если флотъ многочисленъ, то можно строить два каре. Строй четырехугольника, можетъ быть, предпочтительнѣе строя треугольника, такъ какъ онъ даетъ возможность эскадрѣ одновременными уклоненіями на 4 румба въ сторону мѣнять курсъ по восьми различнымъ направленіямъ, не разстраивая въ то же время ордера, что можно считать для подготовительныхъ движеній достаточнымъ. Изъ строя четырехугольника чрезвычайно удобно перестроиться какъ въ двойной фронтъ, такъ и въ клинъ, т. е. въ два ордера, назначеніе которыхъ атака. Сомкнутость эскадры въ немъ великоликая, вполнѣ обезпечивающая отъ всякой возможности разрыва. Быть можетъ даже, что строй каре имѣетъ въ самомъ себѣ достаточно силы, чтобы выполнять назначеніе и наступательнаго, и оборонительнаго ордера. Если онъ будетъ когда нибудь испытанъ на практикѣ, то, безъ сомнѣнія, выкажетъ не мало боевыхъ достоинствъ и удовлетворитъ той цѣли, для которой назначается.

Мы перейдемъ теперь, милостивые государи, къ разсмотрѣнію различныхъ видовъ эскадренной атаки, произведенной въ открытомъ морѣ противъ значительныхъ силъ противника, собранныхъ также въ хорошо устроенный ордеръ. Но прежде чѣмъ приступить къ этимъ изслѣдованіямъ, будетъ не лишнимъ подумать о лучшемъ расположеніи нашихъ собственныхъ боевыхъ единицъ, которое могло бы способствовать вѣрнѣйшему достиженію успѣха. Мы разберемъ, поэтому, предварительно, составъ нашихъ главныхъ силъ, устройство резерва и тѣ мѣста, которыя должны быть даны въ строѣ кораблямъ, сообразно ихъ силѣ, конструкціи и ходу.

Тактика парусныхъ флотовъ, излагая свои правила, основывалась постоянно на большомъ числѣ кораблей, составлявшихъ эскадры, которыя сходились для боя. Поэтому, ей было нетрудно дѣлить свою линію-баталіи на три части, давая каждой отдѣльнаго начальника и дозволяя имъ по временамъ, въ видѣ колоннъ, разъединяться и дѣйствовать самостоятельно. Точно также она могла формировать и легкую эскадру, или резервъ, изъ ходкихъ судовъ, дѣло которыхъ было поддерживать свою линію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ артиллерійскій огонь ослабѣвалъ. Теперь, дробленіе

*

главныхъ силъ едва ли возможно. Характеръ эскадреннаго боя измѣнился; вмѣсто продолжительныхъ канонадъ, онъ будетъ состоять изъ сильныхъ ударовъ, ведущихъ къ быстрой развязкѣ. Поэтому, гораздо выгоднѣе держать главные силы сомкнутыми въ сжатую массу, во всякую минуту готовую къ натиску, чѣмъ дѣлать ихъ на отдѣльныя части. Кромѣ того, и численность броненосныхъ эскадръ, которыя станутъ сближаться для боя, будетъ, по всей вѣроятности, гораздо менѣе численности флотовъ былого времени, такъ что осторожность не позволитъ ослаблять эскадру раздѣленіемъ ея на части, или самостоятельные отряды. Поэтому, трудно согласиться съ англичанами, которые собираются теперь группировать флотъ, идущій въ бой, на спеціальныя эскадры, изъ которыхъ въ одной будутъ тараны, въ другой бортовые суда съ сильной артиллеріей, въ третьей башенные броненосцы и т. д., для того, чтобы адмиралъ имѣлъ въ своихъ рукахъ различныя средства для нападеній и обороны, подобно тому какъ генералъ на сухомъ пути имѣетъ въ своемъ распоряженіи массы пѣхоты, артиллеріи и конницы. Дробленіе флота на части непремѣнно должно привести къ растяженію его строя, а слѣдовательно и представить непріятелю слабые пункты, на которые онъ не преминетъ обрушиться въ превосходныхъ силахъ. Мнѣ кажется, что въ составѣ эскадры, идущей навстрѣчу къ противнику, не должно быть никакихъ специализированныхъ судовъ. Если они броненосныя, то—снабжены ли они шпиронами, или нѣтъ—имъ слѣдуетъ имѣть цѣлю одно тараненіе. Что же касается до тактическихъ дѣйствій отдѣльныхъ отрядовъ, помощію которыхъ есть возможность ввести непріятеля въ заблужденіе относительно нашихъ намѣреній, то это же самое можно осуществить маневрированіемъ эскадры въ сомкнутомъ выжидательномъ строѣ.

Полагая, что главные силы флота неудобно раздѣлять на отряды, я вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, что каждая значительная эскадра должна имѣть резервъ изъ нѣсколькихъ судовъ для поддержанія или прикрытія главныхъ силъ во время натиска. Наше превосходство надъ противникомъ въ извѣстной части его строя не будетъ продолжительнымъ. Черезъ нѣсколько минутъ, атаковавшая эскадра будетъ въ свою очередь окружена, можетъ быть, превосходными силами непріятеля. Въ подобномъ случаѣ, когда къ атакованнымъ судамъ подходятъ подкрѣпленія, или когда какой-нибудь непріятельскій отрядъ собирается напасть на наши сражающіеся корабли, резервъ можетъ принести не мало пользы атакою на часть непріятельскаго флота, съ которою дерутся наши главные силы, или же нападеніемъ на корабли противника, которые, по всей вѣроятности,

нестройною толпою станутъ подходить на выручку своихъ, или же наконецъ — встрѣчею того отряда, который въ свою очередь захочетъ сдѣлать натискъ противъ нашихъ главныхъ силъ, занятыхъ боемъ. Вообще, роль резерва должна быть чрезвычайно разнообразною, такъ что предвидѣть всѣ ея подробности невозможно. Можно только думать, что резервъ способенъ доставить много пользы, если имъ руководить опытный и смѣлый начальникъ, хорошо подготовившій себя къ принятой имъ обязанности, такъ какъ въ большей части случаевъ ему придется дѣйствовать самостоятельно, не дожидаясь сигналовъ адмирала. Идея о паровомъ броненосномъ резервѣ еще не разработана вовсе и ждетъ изслѣдователей, которые принялись бы за это дѣло систематически и разобрали его со всѣхъ сторонъ.

Что же касается до состава резерва, то я думаю, что ему нѣтъ болѣе надобности состоять, какъ въ прежнее время, изъ самыхъ ходкихъ судовъ. Теперь, его важнѣйшею задачею будетъ поддержка главныхъ силъ и ему не предстоятъ ни быстрыя движенія, ни особенно большое маневрированіе. Такимъ образомъ, въ его составъ можно назначать наиболѣе плохихъ ходовыхъ эскадры, или же суда какихъ-нибудь особенныхъ типовъ, прекрасныхъ для боя одинъ на одинъ, но неудобныхъ для эскадренныхъ движеній. Разумѣется, если есть возможность отдѣлить въ резервъ суда быстроходныя, то воспользоваться ею слѣдуетъ непременно; ходкій резервъ лучше медленнаго. Но если этого сдѣлать нельзя, или если въ эскадрѣ находятся корабли, задерживающіе другихъ, то резервъ выгодно формировать изъ плохихъ ходовыхъ для того, чтобы дать болѣе однообразія въ скорости, а слѣдовательно и удобоподвижности, главнымъ силамъ.

Вопросъ о лучшемъ размѣщеніи кораблей въ строѣ очень важенъ. Онъ обуславливается какъ личными взглядами адмирала, такъ и ходомъ обстоятельствъ. Случиться можетъ, что расположеніе кораблей въ ордерѣ, чрезвычайно хорошее для атаки, будетъ неудовлетворительнымъ для обороны, основанной на огнѣ артиллеріи. Кромѣ системы постройки, толщины брони, вооруженія и ходкости, въ расчеты при назначеніи мѣста судамъ должны входить въ значительной степени нравственныя стороны людей, управляющихъ кораблями. Мнѣ кажется, что наиболѣе сильныя суда должно помѣщать въ тѣхъ частяхъ строя, которымъ предстоитъ первыми схватиться съ непріателемъ. Такимъ образомъ, въ двойномъ фронтѣ они помѣстятся въ передней линіи; въ двухъ колоннахъ—или въ переднихъ половинахъ ихъ, или же въ той колоннѣ, которая ближе къ непріятелю и, слѣдовательно, мо-

жетъ превратиться въ передній строй фронта; въ строй клина— около исходящаго угла его, въ обѣ стороны отъ головнаго корабля. Что же касается до строя фронта, то я полагаю, что самыя сильныя корабли полезнѣе помѣщать около его центра, чѣмъ на флангахъ, какъ это предписывалось старыми тактическими правилами. При натискѣ фронтомъ, главную работу выполняетъ центръ; точно также и при оборонѣ фронтомъ центру легче подкрѣплять фланги, если имъ будетъ грозить опасность, чѣмъ одному флангу спѣшить на помощь къ другому; наконецъ, если центръ представляетъ наиболѣе сильный пунктъ строя, то непріятелю трудно прорѣзывать нашъ ордеръ и, слѣдовательно, разорвать нашу эскадру на двѣ отдѣльныя части. Разумѣется, на расположеніе судовъ въ строй имѣютъ большое вліяніе эволюціонныя дѣйствія— повороты, перестроенія и т. под., но и это обстоятельство легко устранимо, если корабли хорошо размѣщены въ основныхъ строяхъ и для перестроеній выбираются такіе способы, которые не особенно измѣняютъ порядокъ ордера.

Я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать мимоходомъ, что намъ слѣдуетъ желать, по настоящему, такого состава эскадры, въ которомъ всѣ корабли безразлично могли бы занимать каждый постъ, назначенный имъ адмираломъ. Французская система, что судно, идущее въ строй, имѣетъ свой номеръ, который никогда не мѣняется и слѣдовательно требуетъ, чтобы корабль занималъ въ каждомъ ордерѣ лишь одно, опредѣленное ему мѣсто,—неудовлетворительна. Точно также не выдерживаетъ критики съ боевой точки зрѣнія и мысль, что не слѣдуетъ разъединять корабли, свыкшіеся другъ съ другомъ во время эскадренныхъ плаваній. Мнѣ кажется, что слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы суда могли перетасовываться въ ордерѣ самымъ прихотливымъ образомъ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ отъ этого не уменьшалась боевая сила строя. Какъ бы ни построились корабли и въ какомъ бы порядкѣ ни размѣстились они, имъ всегда должно представлять одинаково грозную эскадру для противника. Если строй будетъ обусловливаться нумераціею кораблей, или что еще хуже, ихъ привычками, то въ немъ не будетъ должной подвижности и адмиралу придется, отдавая приказанія, принимать въ соображеніе много такихъ обстоятельствъ, которыя будутъ стѣснять его дѣйствія и не принесутъ настоящей пользы въ боевомъ отношеніи.

При настоящемъ положеніи морской тактики, самымъ важнымъ моментомъ эскадреннаго боя должно быть его начало. Всѣ соображенія адмирала будутъ, по всей вѣроятности, направлены къ тому, чтобы ввести свою эскадру въ сраженіе въ такую минуту, когда со-

стояніе непріятельскаго строя обѣщаетъ успѣхъ быстрому и смѣлому натиску. Поэтому, можно думать, что въ будущихъ схваткахъ флоты не стануть сходитьсѣ немедленно послѣ того какъ завидятъ другъ друга, но что предварительно они выполнятъ нѣсколько движеній съ цѣлю выяснитъ себѣ строй противника и поставить его въ положеніе, которое способствовало бы успѣху атаки, направленной противъ слабаго пункта въ его ордерѣ. Весьма естественно, что подобныя выжидательныя маневры могутъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оба противника находятся въ сильныхъ сомкнутыхъ строяхъ. Если одна сторона вздумаетъ принять сраженіе въ слабомъ ордерѣ, какъ это сдѣлали напр. итальянцы подъ Лиссою, построившіеся въ отжирующую свое время линію кильватера, то бой завяжется немедленно ударомъ другаго флота, который постарается не упустить благоприятныхъ для себя обстоятельствъ. Такимъ образомъ, прелюдію эскадреннаго боя будутъ, какъ можно полагать, осторожныя, рассчитанныя движенія, которыя стануть превращаться въ благоприятную минуту въ стремительныя атаки, за которыми послѣдуетъ свирѣпый бой, гдѣ найдутъ себѣ широкое поприще всѣ современныя средства разрушенія.

Мы займемся теперь, мм. гг., разборомъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, при которыхъ можетъ начаться эскадренная атака, и постараемся выяснитъ себѣ нѣкоторые боевыя приемы, которые могутъ содѣйствовать успѣху нападающей эскадры. Предметъ, къ которому мы переходимъ, весьма обширенъ и можетъ быть разработанъ надлежащимъ образомъ лишь при соединенномъ трудѣ многихъ специалистовъ. Поэтому, я прошу васъ, мм. гг., не ожидать отъ меня какого-нибудь законченнаго въ подробностяхъ труда. Это не подъ силу выполнить одному и, сверхъ того онъ нуждается въ большемъ промежуткѣ времени какъ для исполненія, такъ и для передачи другимъ. Мы сдѣлаемъ теперь только легкій очеркъ занимающаго насъ предмета, а что касается деталей, то не станемъ трогать ихъ вовсе, такъ какъ при неясномъ состояніи современной морской тактики и скудости прошлыхъ фактовъ они, быть можетъ, еще недоступны для разработки.

Самымъ удобнымъ и желательнымъ моментомъ для начала эскадренной атаки слѣдуетъ считать растянутое положеніе непріятеля, или какое нибудь колебаніе, происходящее въ его строй въслѣдствіе перестроеній, поворотовъ, или перемѣнъ курса. Когда ордеръ не въ должномъ порядкѣ, его легче разорвать и тѣмъ лишитъ единства дѣйствій. Главная сила строя заключается въ томъ, что всѣ суда поддерживаютъ другъ друга; слѣдовательно, если у

эскадры отнять эту внутреннюю связь, боевая действительность ея уменьшается. Такимъ образомъ, задачей всѣхъ выжидательныхъ движеній флота должно быть приведеніе непріятеля въ положеніе, которое дало бы возможность нанести ему ударъ сожнутыми силами въ минуту, когда онъ находится въ безпорядкѣ, не знаетъ на что рѣшиться и, слѣдовательно, менѣе всего готовъ къ единодушному, твердому отпору.

Я полагаю, что общій характеръ грядущихъ эскадренныхъ атакъ будетъ заключаться въ разрываніи непріятельскаго строя съ цѣлю пораженія превосходными силами одной изъ частей ея. Прежняя метода атаки, когда атакующій флотъ становился параллельно къ атакованному и затѣмъ сходилъ на пистолетный выстрѣлъ, теперь немыслима, точно также какъ невозможно построеніе въ линію кильватера для встрѣчи шпироннаго натиска. Характеръ нашихъ новыхъ боевыхъ средствъ таковъ, что мы не можемъ ни наносить, ни отражать ударовъ массами судовъ, иначе какъ оборотившись къ противнику носомъ. Главный пунктъ, который требуетъ теперь выясненія, заключается, можетъ быть, въ томъ — какими мѣрами обезпечить, на возможно большее время, атакующіе корабли отъ нападенія свободныхъ судовъ непріятеля. Что превосходныя силы могутъ поразить слабѣйшаго противника въ очень короткій срокъ, то въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; нужно только, чтобы превосходство ихъ сохранялось во все продолженіе этого времени. Другое весьма важное требованіе эскадренной атаки заключается въ томъ, чтобы суда не разъединились и постоянно содѣйствовали другъ другу. На это обстоятельство не могутъ имѣть вліянія ни сигналы, ни приказы, ни инструкции, если общество морскихъ офицеровъ, и преимущественно командиры, не выработаютъ заблаговременно основныхъ правилъ, которыхъ необходимо держаться въ пылу боя, и не проникнутся вполне тою идеею, которую хочетъ осуществить адмиралъ. Третья потребность эскадренной атаки состоитъ въ умѣнii отлично маневрировать со стороны нападающаго флота, въ искусствѣ быстро приходить въ порядокъ и въ безукоризненномъ знаніи эволюцій, для того, чтобы онъ былъ въ состояніи, въ случаѣ ловкаго движенія противника, не теряя времени, возобновить нападеніе. Можно сказать не ошибаясь, что практика въ эскадренномъ маневрированіи нужна въ боевомъ смыслѣ чуть-ли не болѣе артиллерійскій; поэтому въ числѣ учебныхъ занятій флота общія эволюціи и частныя ученья отдѣльныхъ судовъ циркуляціи, или приобрѣтеніе умѣнья дѣлать самыя прихотливыя сочетанія круговъ и дугъ, должны стоять на одномъ изъ первыхъ мѣстъ. Во время боя большихъ морскихъ силъ съ другими такими

же, шпиронъ опаснѣе артиллеріи. Слѣдовательно, при обученіи эскадры этотъ предметъ долженъ быть неминуемо разработанъ въ полной подробности.

Прямыми результатами сомкнутой, быстрой атаки, если она начнется въ благопріятную минуту, будутъ всеобщій безпорядокъ у непріятеля, полное отсутствіе, такъ сказать, централизаціи и незнаніе отдѣльныхъ судовъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, на что рѣшиться. Атака можетъ быть особенно удачна, если непріятельскій флотъ стоитъ ниже нашего въ моральномъ отношеніи, или если онъ собранъ изъ различныхъ элементовъ, плохо вяжущихся во-едино, какъ это бываетъ иногда въ союзныхъ эскадрахъ и арміяхъ. Сверхъ того, на положеніе дѣлъ будетъ имѣть очень большое вліяніе разница во взглядахъ на ходъ обстоятельствъ, такъ какъ съ одной стороны будетъ полное пониманіе приводимаго въ исполненіе плана и потому отсутствіе замѣшательства, а съ другой—неизвѣстность относительно замысловъ противника и вслѣдствіе этого недостатковъ твердости. Разумѣется, случиться можетъ, что непріятель, вмѣсто выжиданія атаки, самъ ударитъ по наступающему строю и въ свою очередь прорветъ его. Тогда завяжется или общая свалка, или же произойдетъ возобновленіе атаки, если наступающая эскадра искусна въ перестроеніяхъ. Но подобный случай можно считать скорѣе исключеніемъ, чѣмъ постояннымъ правиломъ, такъ что, разбирая эскадренную атаку, мы имѣемъ право смотрѣть на одну сторону какъ на активную, а на другую какъ на пассивную. Этотъ взглядъ подкрѣпляется и фактами прошлаго времени; изъ общаго числа морскихъ битвъ, можно принять, что три четверти начинались тѣмъ, что одинъ флотъ нападалъ на другой, соблюдавшій оборонительное положеніе. Последнее морское сраженіе, при Лиссѣ, гдѣ принимали участіе исключительно паровыя суда, не отклонилось въ этомъ отношеніи отъ общаго характера эскадренныхъ схватокъ былой эпохи, которыя обуславливались навѣтраннымъ и подвѣтраннымъ положеніями.

Представимъ себѣ, что непріятельская эскадра держится въ строѣ одного, или двухъ фронтовъ и что движеніямъ нашего выжидательнаго строя удалось привести ее въ растянутое положеніе. Въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, атака должна быть поведена въ строѣ клина, съ поддержкою резерва, съ тою цѣлю, чтобы оторвать у противника одинъ изъ фланговъ и обрушиться на него всею массою нашихъ главныхъ силъ. Лишь только головной корабль клина и смежныя съ нимъ суда врѣжутся въ непріятельскій ордеръ, всему нашему строю, въ полномъ составѣ, должно уклониться на отрѣзанную часть и дать широкій просторъ своему умѣнью дѣй-

ствовать шпиронами. Въ то же время резервъ, державшійся при наступленіи съ той стороны клина, которая была ближе къ главной массѣ непріятельскихъ судовъ, долженъ прикрыть собою атаковавшіе корабли, для того, чтобы доставить имъ возможность съ успѣхомъ окончить начатое дѣло. Ему не слѣдуетъ вступать въ борьбу съ непріятелемъ, который непремѣнно будетъ сильнѣе его; судамъ его должно, напротивъ того, по возможности уклониться отъ всякой горячей схватки. Его обязанностью должно быть поддержаніе усиленнаго артиллерійскаго огня, для того, чтобы пороховымъ и угольнымъ дымомъ закрыть дѣйствія главнаго строя, уничтожающаго непріятельскій флангъ. Такимъ образомъ, роль его быть нѣкотораго рода экраномъ, или завѣсою, прикрывающую ударъ эскадры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не долженъ отрываться отъ своихъ главныхъ силъ для того, чтобы во всякое время получить поддержаніе, если-бы ему пришлось тяжело, или самому примкнуть къ нимъ въ минуту необходимости. Положеніе атакованнаго непріятельскаго фланга должно быть весьма тяжелымъ. Оторванный отъ своего адмирала, потерявшій связь съ остальными частями строя и не рассчитывающій на ихъ поддержку, онъ недолго будетъ въ состояніи выносить гнетъ превосходныхъ силъ и потерпитъ утраты въ судахъ, которыя могутъ повести къ общему упадку духа на непріятельской эскадрѣ. Главныя силы противника подъ конецъ, вѣроятно, пробьются сквозь нашъ резервъ и подойдутъ на выручку своихъ, но это будетъ произведено не стройно и уже поздно, чтобы спасти всѣхъ отрѣзанныхъ бойцовъ. Если бы атаковавшей эскадрѣ удалось при этомъ уничтожить нѣкоторыхъ изъ своихъ противниковъ, то ей было бы, статья можетъ, выгоднымъ прекратить на время бой, чтобы отойти въ сторону и исправить порядокъ для возобновленія атаки. Если мы добились до какой-нибудь катастрофы въ непріятельской эскадрѣ, то останки въ боѣ могутъ быть полезными въ томъ смыслѣ, что, сдѣлавшись общезвѣстными, онѣ подѣйствуютъ на противника тягостно, а самимъ намъ придадутъ еще болѣе смѣлости и бодрости. Я полагаю, что подобный планъ атаки не содержитъ въ себѣ ничего неудобополнимаго и можетъ занять мѣсто въ ряду тѣхъ разнообразныхъ способовъ нападенія, которые будутъ постепенно вырабатываться во флотахъ, по мѣрѣ усовершенствованія эволюцій и увеличенія числа боевыхъ фактовъ.

Но если бы непріятельская эскадра имѣла вмѣсто растянутаго вида сомкнутый, или если бы ей удалось сомкнуться во время нашего наступательнаго движенія, то стремительная атака строемъ клина не повела бы, по всей вѣроятности, къ перевѣсу надъ про-

тивникомъ, а имѣла бы слѣдствіемъ только общую свалку. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ, принесть бы пользу ударъ резервомъ, направленный, послѣ атаки главныхъ силъ, на слабый пунктъ противника, съ цѣлію доставить на нѣсколько минутъ численное превосходство надъ непріателемъ и при его содѣйствіи произвести нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ шпиронныхъ нападеній на отдѣльныя суда. Результатъ атаки былъ бы, какъ можно думать, нерѣшительный, потому что общій артиллерійскій бой новыхъ флотовъ наврядъ ли способенъ быстро привести къ очень важнымъ фактамъ. Какъ ни сильна современная артиллерія, но она можетъ наносить въ пылу эскадреннаго боя только надводныя пробойны, съ послѣдствіями которыхъ моряки всегда умѣли, а теперь еще лучше прежняго умѣютъ бороться. Броненосецъ не спуститъ флага, хотя бы его борта были какъ рѣшето и у пушекъ не хватало половины прислуги, если у него еще исправна машина и онъ можетъ наносить шпиронные удары. Теперь военный корабль имѣетъ два оружія, такъ что для парализаціи его боевой силы въ настоящее время требуется вдвое болѣе разрушающихъ усилій, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ, общія эскадренныя свалки, во время которыхъ трудно, если даже не невозможно, наносить удары массами судовъ, можно считать въ тактическомъ отношеніи совершенно бесполезными. Если бы существовала возможность сражающемуся въ кучѣ флоту, преодолевъ въ себѣ увлеченіе боемъ, оставлять поле битвы, чтобы выстроиться и снова ударить массою, то подобный маневръ былъ бы выгоднѣе въ военномъ смыслѣ, чѣмъ продолжительный артиллерійскій бой, гдѣ болѣе шуму, чѣмъ истиннаго дѣла.

Говоря о дѣйствіи шпирона и орудій, нельзя не подумать о тѣхъ странныхъ неожиданностяхъ, съ которыми приходится иногда встрѣчаться человѣку при развитіи какой-нибудь идеи, или отрасли знанія. Броня была принята для одежды кораблей, потому что артиллерія своими бомбами сдѣлалась опасною для ихъ деревянныхъ бортовъ. Человѣкъ захотѣлъ предохранить себя отъ гибели вслѣдствіе пожара; ему показалась страшною разрушительная сила огня, хотя она такого рода, что побѣдить ее всегда можно, а спасти отъ нея жизнь не особенно трудно. И вотъ пришла броня, о которую разбивались бомбы, а за броней неутомимо-дѣятельный духъ разрушенія извлекъ изъ старины шпиронъ и доказалъ, что дѣйствительность этого оружія не уменьшилась въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ отдыха. Человѣкъ съ свирѣлою радостью схватился за него, увлеченный его гигантскою силою, но, очнувшись, увидѣлъ, что подошелъ

еще ближе къ пропасти, отъ которой хотѣлъ удалиться. Прежде онъ имѣлъ противъ себя врага, съ которымъ можно было справиться, или отъ котораго можно было спастись, а нынѣ передъ нимъ непріятель непобѣдимый и дающій пощаду лишь тому, кто отмѣченъ особеннымъ милосердіемъ провидѣнія. Невольно спрашиваешь себя, стоило ли употреблять настойчивыя усилія ума и тратить громадныя деньги, чтобы подобнымъ образомъ жестоко ошибиться?

Трудно думать, чтобы въ настоящее время кто-нибудь рѣшился встрѣтить шпиронную атаку, построившись въ линію кильватера; но тѣмъ не менѣе можно допустить и подобный случай, потому что нелѣпости всегда бываютъ возможны. Вѣдь шли же итальянцы подъ Лиссою въ кильватерѣ, когда на нихъ летѣлъ сомнѣнный австрійскій строй, и до сихъ же поръ многіе англійскіе командиры не хотятъ согласиться, что можно драться иначе какъ построившись въ линію баталіи. Если бы непріятельская эскадра, полагаясь на силу своей артиллеріи, вздумала вытянуться въ строй кильватера, то броситься на нее для удара должно, какъ я думаю, развернувшись во фронтъ, чтобы выбить изъ линіи средніе корабли и разорвать строй на двѣ части. Чѣмъ сомкнутѣе будетъ противникъ, тѣмъ труднѣе будетъ для его судовъ уклониться отъ шпиронныхъ ударовъ и тѣмъ вѣрнѣе, слѣдовательно, успѣхъ нашей атаки. Если непріятель откроетъ артиллерійскій огонь, что, по всей вѣроятности, и должно случиться, то дымъ отъ выстрѣловъ лишитъ его возможности видѣть положеніе атакующаго и сообразовать съ нимъ свои дѣйствія. Флотъ, который наступаетъ, долженъ рассчитывать лишь на одну сокрушительную силу шпироновъ и, не прибѣгая къ артиллеріи, чтобы не застлать себѣ путь дымомъ, и не обращая вниманія на непріятельскіе снаряды, которые не въ состояніи нанести ему особенно важныхъ поврежденій. Ударъ цѣлаго фронта судовъ по линіи кильватера долженъ быть ужасенъ, если только обороняющіеся корабли останутся въ прежнемъ положеніи, т. е. повернувшись лагомъ къ противнику. Бой прямо начнется тѣмъ, что нѣсколько судовъ пойдетъ ко дну и сраженіе будетъ безвозвратно потеряно тою стороною, которая неблагоразумно придержалась къ старымъ основаніямъ морской тактики. Остатки атакующей эскадры или обратятся въ бѣгство, или же будутъ разбиты поочередно сомкнутыми силами нападающаго, энергія и рѣшимость котораго возрастутъ, вслѣдствіе удачи, до высочайшей степени. Вся схватка продолжится, дѣйствительно, не болѣе получаса и впечатлѣніе ея будетъ ошеломляющее, подобное моральному дѣйствію тѣхъ погромовъ, которыми рѣшаются войны. Несом-

стоятельность строя кильватера въ боевомъ отношеніи въ настоящее время до такой степени очевидна, что по настоящему про нее не слѣдовало бы и распространяться, а мѣжду тѣмъ, странное дѣло, у многихъ свѣдущихъ и знающихъ морскихъ офицеровъ кильватерь становится на первое мѣсто при мысли о вступленіи въ эскадренный бой, до тѣхъ поръ, пока болѣе внимательное изслѣдованіе предмета не сведетъ его съ верхней ступени на послѣднюю. Такова сила преданій и такъ обаятельно дѣйствуютъ еще впечатлѣнія великолѣпныхъ боевыхъ подвиговъ, которыми прославили строй кильватера великіе флотоводцы прошлаго времени.

Строй двухъ колоннъ въ шахматномъ положеніи можетъ считаться переходнымъ отъ прежней линіи баталіи къ новымъ боевымъ ордерамъ. Онъ имѣетъ нѣсколько неопровержимыхъ достоинствъ. Сила его, въ смыслѣ артиллерійскаго огня, не уступаетъ силѣ строя кильватера. Промежутки между кораблями достаточны для простора маневрированія. Колонны поддерживаютъ другъ друга и корабли второй линіи могутъ потопить непріятельскія суда, которыя прорвутся чрезъ первую, если число послѣднихъ не будетъ особенно велико. Но что важнѣе всего, двѣ шахматныя колонны могутъ во всякое время превратиться въ двойной шахматный фронтъ, т. е. одинъ изъ лучшихъ строевъ для атаки. Французы и англичане особенно разрабатываютъ въ своихъ эволюціонныхъ сводахъ строй двухъ колоннъ, такъ что онъ будетъ, по всей вѣроятности, нерѣдко употребляемъ во время грядущихъ морскихъ войнъ. Мнѣ кажется, что двѣ колонны, какъ траверсныя, такъ и шахматныя, можно съ пользою атаковать въ тѣсномъ строѣ клина, особенно же, если онъ хоть сколько-нибудь растянутъ. Атака должна быть направлена на центръ непріятельскаго ордера, для того, чтобы разорвать его на двѣ части и лишить единства дѣйствій. Это будетъ тѣмъ возможнѣе, что, по всей вѣроятности, корабли, которымъ придется первымъ встрѣтить атаку, уклонятся отъ своего курса, чтобы избѣжать шпиронныхъ ударовъ. Въ то же время, резерву атакующей эскадры должно идти параллельно со своими главными силами, съ той стороны ихъ, которая обращена къ хвосту непріятельскаго ордера. Задачею его будетъ—напасть на заднюю половину строя противника, для того, чтобы вмѣстѣ со своею главною эскадрою поставить ее подъ удары съ двухъ сторонъ. Если атакуемая эскадра, передъ принятіемъ удара, поворотитъ въ двойной фронтъ, то цѣль атаки не должна измѣняться и нападающему флоту слѣдуетъ вмѣстѣ со своимъ резервомъ обхватить съ двухъ сторонъ одинъ изъ фланговъ противника, при чемъ будетъ возможность нанести, болѣе или менѣе

удачно, нѣсколько шпиронныхъ ударовъ. Подобный маневръ имѣетъ нѣкоторое сходство со старинною методою атаки противъ непріятельскаго аріергарда, на которую употреблялось въ былые годы не мало времени. Главная разница заключается нынѣ въ томъ, что какъ начало, такъ и развязка его будутъ происходить гораздо скорѣе и стануть сопровождаться большими потерями.

Довольно трудно сказать какой строй наиболѣе выгоденъ для атаки ордера клина, если она направлена на исходящій уголъ послѣдняго. Я полагаю, что клинъ слѣдуетъ атаковать не прямо, а нѣсколько, или даже совершенно сбоку. Строй клина сдѣлался теперь, какъ я сказалъ выше, поворотливымъ, но тѣмъ не менѣе повороты его требуютъ времени. Такимъ образомъ, хорошею методою дѣйствій противъ клина должно быть маневрированіе съ цѣлю заставлять его какъ можно чаще мѣнять направленіе. При этомъ, онъ неминуемо придетъ въ разстройство, которымъ слѣдуетъ воспользоваться для быстрого сомкнутого удара двойнымъ фронтомъ противъ одного изъ его крыльевъ. Результатомъ будетъ то, что строй клина распадется окончательно и превратится въ нестройную, незнающую что дѣлать массу. Начало атаки можетъ быть очень выгоднымъ, такъ какъ беспорядочное состояніе противника даетъ возможность нападающему безъ особенной помѣхи выполнить нѣсколько шпиронныхъ натисковъ противъ отдѣльныхъ судовъ. Подъ конецъ сраженіе превратится въ общую свалку, гдѣ артиллерія будетъ играть первую роль и изъ которой атакующему, какъ мы говорили выше, слѣдуетъ выбраться по возможности скорѣе для начала новой энергической атаки.

Употребляя обратное поведеніе, примѣняя неудобство строя клина къ собственному нашему положенію, мы придемъ къ убѣжденію, что въ ордерѣ клина должно строиться для атаки прямо изъ приготавительнаго строя и на разстояніи не слишкомъ значительномъ отъ непріятеля, чтобы онъ не успѣлъ какимъ нибудь быстрымъ фланговымъ движеніемъ, заставить насъ зайти крыломъ для перемѣны курса. Вообще, я полагаю, что переходы изъ выжидательнаго строя въ наступательные должны происходить очень быстро и при небольшихъ разстояніяхъ до чужихъ судовъ. Этому дѣйствию, по быстротѣ и неожиданности, слѣдуетъ походить отчасти на выходъ штурмовыхъ колоннъ изъ первой параллели при атакѣ крѣпостей. Только при соблюденіи подобнаго условія, выжидательный строй можетъ рассчитывать на полное количество принесенной пользы. Вся цѣль его заключается въ томъ, чтобы послѣ ряда фальшивыхъ, сбивающихъ съ толку маневровъ, неожиданно броситься въ атаку, а для этого ему

необходимы, по возможности, меньшее время, употребленное на перестроение, и уменьшенное расстояние до неприятеля.

Что же касается до вида эскадренной атаки, который въ былые годы назывался «поставить неприятеля въ два огня», то нынѣ онъ потерялъ свое стратегическое значеніе и можетъ скорѣе назваться дурнымъ маневромъ, чѣмъ хорошимъ. Огонь артиллеріи теперь не въ состояніи рѣшать эскадреннаго боя, слѣдовательно всѣ планы къ пораженію противника, основанныя на дѣйствіи орудій, должны быть или крайне медленными относительно достиженія цѣли, или же вполне недействительными. Между тѣмъ, раздробленіе эскадры на части способно повести, при сомкнутомъ положеніи неприятеля, къ поочередному разбитію ихъ, если противникъ имѣетъ достаточно внутренней связи, чтобы дѣлать во время боя до нѣкоторой степени совокупныя движенія. Разъединенныя отряды одного и того же флота, если между ними находятся неприятельскія силы, не могутъ поддерживать другъ друга, а главное могущество эскадры, теперь какъ и прежде, заключается во взаимной помощи и неослабѣвающей связи между кораблями, ее составляющими. Поэтому, можно думать, что положеніе между двухъ огней должно быть скорѣе выгоднымъ, чѣмъ опаснымъ для сомкнуто державшейся броненосной эскадры, и что во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть состоятельнымъ въ смыслѣ современной эскадренной атаки.

Этотъ старинный способъ нападенія можетъ быть замѣненъ нѣсколько сходнымъ съ нимъ маневромъ—атакою, произведенною съ двухъ сторонъ противъ неприятельскаго строя одновременно двумя отрядами. Подобный видъ атаки, какъ мнѣ кажется, способенъ принести пользу при удобномъ случаѣ, такъ какъ онъ заставитъ неприятеля разбить свое вниманіе на два пункта и, слѣдовательно, поведетъ къ ослабленію его внутренней связи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требуетъ для своего выполненія сочетанія извѣстныхъ благоприятныхъ обстоятельствъ, которое не всегда можетъ представиться на практикѣ. Для того, чтобы ударить на противника съ двухъ сторонъ сразу, нужно имѣть увѣренность, что онъ не воспользуется раздѣленіемъ нашихъ силъ и самъ не атакуетъ слабѣйшую часть нашего флота. Если онъ имѣетъ навыкъ маневрировать въ эскадрѣ, то подобное движеніе не будетъ для него особенно затруднительнымъ, а для насъ оно можетъ разрѣшиться катастрофою. Такимъ образомъ, я полагаю, что атака съ двухъ сторонъ допустима лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда организація неприятельскаго флота слаба, онъ стоитъ ниже насъ въ моральномъ отношеніи, или же находится въ беспорядкѣ. Тогда можно рассчитывать на безопасность раздѣленія силъ и на достиженіе

результатовъ, которые имѣлись въ виду при нападеніи съ двухъ сторонъ. Иначе же, слѣдуетъ отдавать предпочтеніе совокупной атакѣ съ одной стороны, которая при всѣхъ обстоятельствахъ грозна и дѣйствительна и вполне обезпечиваетъ эскадру отъ разрыва на части.

Во время парусныхъ флотовъ, прохождение вдругъ всѣмъ строемъ сквозь непріятельскую линію считалось весьма рискованнымъ маневромъ и морскіе офицеры смотрѣли на него какъ на вѣнецъ тогдашней тактики. Теперь подобный случай будетъ повторяться въ каждомъ сраженіи, такъ какъ единственное раціональное положеніе атакуемаго флота въ моментъ принятія атаки есть — обращеніе носомъ къ противнику. Слѣдовательно, намъ предстоитъ нерѣдко видѣть въ будущемъ какъ одна линія станетъ проходить чрезъ другую, обмѣниваясь залпами. Въ тактическомъ смыслѣ подобный маневръ совершенно бесполезенъ, за немѣнимъ средствъ повредить чѣмъ-нибудь противнику. Онъ не можетъ быть употребленъ какъ способъ атаки по ничтожности даваемыхъ результатовъ. Такимъ образомъ, прохождение строя сквозь линію противника не будетъ даже военнымъ движеніемъ, а сдѣлается простымъ слѣдствіемъ новаго приема эскадреннаго боя.

Среди другихъ подробностей, касающихся до эскадреннаго боя, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ вопросъ о положеніи, которое наиболѣе выгодно для адмирала, какъ во время атаки, такъ и въ продолженіе самой битвы. До сихъ поръ еще довольно трудно высказать объ этомъ какое нибудь рѣзко опредѣленное мнѣніе. Нѣкоторые изъ англійскихъ офицеровъ думаютъ, что адмиралу, командующему флотомъ, слѣдуетъ имѣть свой флагъ на какомъ нибудь легкомъ, быстроходномъ суднѣ, чтобы имѣть возможность быстро переноситься съ одного конца арены дѣйствій на другой и даже по временамъ выходить на просторъ для общаго взгляда на горящій бой. Они прибавляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что теперь времена перемѣнились и адмиралу нѣтъ болѣе надобности вести лично свой флотъ въ огонь и за тѣмъ принимать въ битвѣ главнѣйшее участіе. Англичане полагаютъ, что нынѣ дѣло адмирала заключается преимущественно въ управленіи боемъ, а не въ схваткахъ съ тѣмъ или другимъ противникомъ. Съ этимъ, какъ мнѣ кажется, нельзя вполне согласиться. Правда, что теперь тактическіе планы и соображенія имѣютъ на своей сторонѣ гораздо болѣе важности, чѣмъ прежде, но вмѣстѣ съ тѣмъ составленіе ихъ возможно только передъ боемъ, а не во время самаго сраженія. Трудно себѣ представить, чтобы во время разгара битвы адмиралъ могъ дѣлать въ умѣ своемъ раз-

нообразныя стратегическія комбинаціи и былъ въ состояніи обдумывать будущіе удары въ то время, когда его душа полна настоящимъ, а все вниманіе обращено на положеніе различныхъ судовъ его эскадры. Кромѣ того, гдѣ взять средства, чтобы приводить въ исполненіе новые планы, если бы даже они и составлялись? Во время боя, въ дыму отъ выстрѣловъ и трубъ, не легко разсматривать сигналы, а безъ сигналовъ невозможно осуществить даже самое простое движеніе нѣсколькихъ судовъ, соединенныхъ вмѣстѣ. Поэтому, я полагаю, что роль адмирала въ грядущихъ морскихъ битвахъ будетъ выборъ надлежащаго момента для атаки, за тѣмъ главное руководительство этою атакою и, наконецъ, самое дѣятельное участіе въ нанесеніи вреда непріятелю. Мнѣ кажется, что адмиралу во время боя предстоятъ главнѣйшія затрудненія и наиболѣе выдающіеся подвиги, потому что нѣтъ сомненія, каждому судну непріятельской эскадры захочется помѣряться силами съ предводителемъ чужаго флота и, слѣдовательно, адмиралъ будетъ постоянно окруженъ врагами. Это предположеніе подтверждается до нѣкоторой степени и сраженіемъ при Лиссѣ, гдѣ австрійское флагманское судно было первымъ героемъ дня и совершило главнѣйшіе подвиги. Кромѣ того, самая сущность обстоятельствъ выказываетъ очень ясно, что адмиралъ будетъ вдаваться въ самый жаркій огонь, чтобы увлекать за собою другихъ, или же выручать своимъ содѣйствіемъ тѣхъ, кому придется тяжело. Такимъ образомъ, можно почти безошибочно сказать, что въ грядущее время преобладающею ролью адмирала будетъ горячій бой и передовое положеніе во всемъ, что касается до атакъ, произведенныхъ на противника.

Изъ этого опредѣленія становится яснымъ, что выборъ флагманскаго судна станетъ пользоваться большимъ значеніемъ въ будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ на морѣ. Отъ этого обстоятельства можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависѣть исходъ боя, а слѣдовательно и судьба цѣлой кампаніи. Мнѣ кажется, что флагманское судно должно специально строиться подъ флагъ, а не выбираться изъ числа другихъ судовъ флота, причемъ очень часто бывають принимаемы соображенія далеко не боевыя. Флагманскій корабль долженъ быть одновременно и хорошимъ ходомъ, и обладать отличною поворотливостію, и носить большую артиллерію, и защищаться толстою броней, словомъ, быть готовымъ какъ для шпироннаго, такъ и артиллерійскаго боя при всѣхъ обстоятельствахъ. Исключительное назначеніе его требуетъ и качествъ исключительныхъ, которыя трудно найти въ обыкновенныхъ линійныхъ судахъ флота. Такимъ образомъ, къ чер-

тежу корабля, предназначеннаго быть флагманскимъ, слѣдуетъ приклинывать особенное вниманіе и при этомъ брать въ расчетъ тѣ боевыя условія, которымъ онъ долженъ будетъ удовлетворять въ продолженіе своей службы. Результатомъ подобныхъ заботъ сдѣлается то, что во время битвы адмиралъ будетъ въ состояніи выполнять все, что потребуютъ обстоятельства, и станетъ дѣйствительно руководить сраженіемъ, только не выходя изъ него, какъ предполагаютъ англичане, а личнымъ примѣромъ возбуждая другихъ и указывая собственными движеніями куда должно направлять главныя усилія и какимъ образомъ слѣдуетъ сражаться.

Другое обстоятельство, на которое намъ должно обратить большее вниманіе и приложить собственную изобрѣтательность, это—метода сигналопроизводства во время боя. Флаги плохое средство для передачи приказаній въ дыму и при быстрыхъ движеніяхъ паровыхъ судовъ. Кромѣ того, въ болышей части случаевъ въ продолженіе битвы сигналы бываетъ нужно дѣлать лишь отдѣльнымъ судамъ, а не всему флоту. Слѣдовательно, при сигналѣ требуется поднимать позывные вымпела, что всегда ведетъ къ нѣкоторой медленности сигналопроизводства, а нерѣдко и къ сбивчивости. Поэтому, намъ нужно замѣнить на время боя методу флажныхъ сигналовъ какимъ-нибудь другимъ способомъ, болѣе простымъ и быстрымъ, помощію котораго приказанія передавались бы только одному, или двумъ судамъ заразъ, но за то производились бы и разбирались въ тотъ самый моментъ, когда въ нихъ чувствуется необходимость. Этимъ путемъ адмиралъ получалъ бы въ свое распоряженіе средство, дѣйствительное для управленія судами эскадры во время боя, и могъ бы въ минуту нужды отдавать приказанія ясныя и точныя, которыя быстро усваивались бы и немедленно приводились въ исполненіе.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ атакѣ, произведенной противъ флота, стоящаго на якорѣ. Прежде, этотъ маневръ былъ не безъ риска для нападающаго и приобрѣтенный успѣхъ служилъ величайшею хвалою для атакующей эскадры. Теперь, положеніе на якорѣ можетъ быть гибельнымъ для атакующаго и доставить удачу тому, кто предпринимаетъ атаку. Все зависитъ, разумеется, отъ мѣстности, гдѣ расположенъ стоящій на якорѣ флотъ, и отъ средствъ, которыя имѣетъ въ своихъ рукахъ нападающая эскадра. Если обороняющійся помѣстился въ узкомъ проливѣ, или на тѣсномъ рейдѣ, гдѣ нельзя удобно маневрировать, нападеніе трудно и успѣхъ невѣренъ. Но если онъ стоитъ на якорѣ на открытомъ и просторномъ мѣстѣ, пораженіе его должно быть почти несомнѣннымъ. Слѣдуетъ даже полагать, что въ буду-

нее время флоты не станут принимать атакъ на якорѣ, если не обезпечать себя сильною постороннею поддержкою, береговыми батареями, подводными загражденіями, минами и проч. Недодвижность гибельна для корабля, а дѣйствіе снарядовъ не въ состояніи удержать атакующаго, слѣдовательно, положеніе на якорѣ равносильно порчѣ машины во время эскадреннаго боя въ открытомъ морѣ. Стаковиться на якорѣ въ военное время будетъ всегда нужно для флота, но теперь ему придется брать особанныя предосторожности, чтобы непріятель не захватилъ върасплохъ и не наказалъ жестоко за безпечность.

Главнымъ оружіемъ для эскадренной атаки противъ флота, стоящаго на якорѣ, долженъ быть также шпиронъ, который въ этомъ случаѣ страшнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Наносимый ударъ, какъ мнѣ кажется, не долженъ быть сосредоточеннымъ, но по возможности одновременнымъ по всей линіи. Каждому судну въ нападающей эскадрѣ слѣдуетъ выбрать себѣ противника и за тѣмъ бѣжать на него, чтобы пустить во дну ударомъ шпирона. Чѣмъ быстрѣе будетъ выполнено это движеніе, тѣмъ менѣе времени останется у непріятеля, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры для избѣжанія опасности. Главная забота спускающихся на чужую эскадру кораблей должна клониться къ тому, чтобы не мѣшать другъ другу въ движеніяхъ. Дымъ отъ выстрѣловъ и трубъ весьма скоро застелетъ тѣсную арену боя, такъ что нападающимъ представится удобный случай выказать собственное хладнокровіе и рѣшимость. Стаковиться на якорѣ едвали выгодно для атакующихъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда нельзя избѣжать близкой опасности отъ камней, банки или берега. Положеніе на якорѣ ведетъ къ артиллерійскому бою, между тѣмъ какъ атака противъ стоящаго на мѣстѣ противника должна быть исключительно шпиронною, слѣдовательно выполняться все время на ходу, чтобы извлечь какъ можно болѣе пользы изъ относительной разности въ боевой дѣятельности обѣихъ сражающихся эскадръ.

Прежде, атака противъ флота, расположеннаго на якорѣ въ линіи, прилагалась обыкновенно сначала къ кораблямъ, составлявшимъ навѣтренную оконечность его, для того, чтобы отнять возможность у подвѣтранныхъ судовъ подойти на помощь къ страждущимъ товарищамъ и выручить ихъ изъ тяжелаго положенія. Теперь, подобная метода атаки отдѣльной части непріятельскаго строя не можетъ быть полезнаю. Въ настоящее время, въ этомъ случаѣ нѣтъ надобности въ превосходствѣ нападающихъ силъ на какой-нибудь извѣстной точкѣ атакующей линіи, потому что разница въ подвижности даетъ слишкомъ большой перевѣсъ сторонѣ.

*

предпринявшей атаку. Теперь, напротивъ того, выгодыѣ наносить ударъ сразу противъ всего непріятельскаго строя, съ цѣлію отнять у его кораблей возможность сойти съ мѣста для возстановленія взаимной поддержки. Такимъ образомъ, главная черта наступательнаго плана—лишить чужія суда средствъ поддерживать другъ друга—должна остаться безъ перемѣны. Но способы для приведенія ея въ исполненіе не могутъ не измѣниться діаметрально. Въмѣсто прежняго сосредоточенія артиллерійскаго огня противъ избранныхъ мѣстъ въ стоящей на якорѣ линіи непріятеля, мы увидимъ, напротивъ того, быструю шпиронную атаку развернутаго строя броненосцевъ, направленную одновременно противъ всей длины непріятельской позиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что эскадренный бой на рейдѣ способенъ представить теперь одно изъ самыхъ страшныхъ зрѣлищъ разрушенія, когда-либо видѣнныхъ на морѣ.

Рискъ погибнуть заставить флотъ, стоящій на якорѣ, принять разнообразныя мѣры предосторожности. Прежде чѣмъ противникъ успѣетъ добраться до него, онъ, во время извѣщенный своими крейсерами, или часовыми съ высокихъ мѣстъ берега, успѣетъ поднять пары и расклепать канаты. Такимъ образомъ, надежда застать непріятеля въ-расплохъ станетъ рѣдко осуществляться на дѣлѣ. Но тѣмъ не менѣе, попытка сдѣлать атаку должна предприниматься при всякомъ удобномъ случаѣ. Если она не приведетъ даже къ желанной цѣли—пораженію непріятеля на якорѣ, то дастъ возможность завязать съ нимъ дѣло, когда онъ не будетъ еще въ должномъ порядкѣ ордера, а это, какъ мы рѣшили выше, составляетъ одно изъ условій, содѣйствующихъ приобрѣтенію успѣха во время эскадренной атаки.

Припоминая все то, до чего мы касались, разсматривая эскадренную атаку, мы видимъ, что и эта часть нынѣшней боевой науки основывается до сихъ поръ почти исключительно на умозрѣніяхъ. Но что же дѣлать—старыя правила теперь не годятся, а новыхъ негдѣ взять. Между тѣмъ, имѣть хоть что-нибудь нужно, иначе рискуешь встрѣтить шквалъ безъ баласту. Вотъ почему я позволяю себѣ, мм. гг., повторить еще разъ, что для насъ должно быть особенно желательно дѣятельное обсужденіе новыхъ вопросовъ морской боевой науки новаго времени. Этимъ путемъ должны усовершенствоваться методы, которые касаются до военныхъ средствъ, ввѣренныхъ нашему знанію, а слѣдовательно и быть вполне готовыми въ ту минуту, когда понадобится примѣнить ихъ къ дѣлу.

ЛЕКЦІЯ V.

Оборона во время эскадреннаго боя.

Маневрирование есть главное средство для эскадренной обороны. — Несостоятельность артиллерии для обороны флота. — Эволюционные строи, пригодные для обороны. — Разбор эскадренной обороны. — Контръ-атаки въ смыслѣ обороны. — Оборона флота, стоящаго на якорѣ.

Мм. Гг., мы рассматривали до сихъ поръ на нашихъ бесѣдахъ преимущественно различные методы атакъ, какъ во время одиночнаго, такъ и въ продолженіе эскадреннаго боя. Теперь мы займемся обороною, которая по своему значенію весьма важна при нынѣшнихъ приемахъ морской войны, но относительно разработки имѣетъ лишь ограниченное число изслѣдованій. Вопросъ о лучшихъ способахъ обороны долженъ быть изученъ морскими офицерами не менѣе другихъ частей нашей тактики. Во первыхъ, онъ находится въ близкой связи съ условіями такъ называемой оборонительной войны, во время которой сравнительно малочисленнымъ отрядамъ флота предстоитъ встрѣчаться съ силами значительными. Во вторыхъ, онъ пользуется важнымъ смысломъ и относительно эскадреннаго боя, который не можетъ состоять исключительно изъ нападений, а долженъ содержать въ себѣ и дѣйствія, основанныя на оборонительныхъ приемахъ. Грядущія морскія битвы будутъ состоять, по всей вѣроятности, изъ послѣдовательныхъ атакъ и отпоровъ противъ нападений, такъ какъ обѣ сражающіяся стороны будутъ ловить благоприятныя обстоятельства и обращать въ свою пользу невыгодныя положенія противника. Такимъ образомъ, для полной военной подготовки намъ слѣдуетъ быть не только хорошо знакомыми съ наступательными приемами эскадреннаго боя, но также основательно усвоить себѣ лучшія методы обороны.

Я полагаю, мм. гг., что во время эскадреннаго боя оборона должна быть основана главнымъ образомъ на маневрировании. Изъ этихъ словъ не должно выводить заключенія, что эволюціи способны, сами по себѣ, отразить атаку непріятеля; вовсе нѣтъ — матеріальная сторона обороны должна и будетъ всегда принадле-

жать матеріальнымъ же способамъ пораженія—шпирону и снарядамъ. Я хочу сказать только, что помощію ловкихъ маневровъ можно разбить планы непріятеля и не допустить его до атаки. Это пунктъ важный, особенно если противникъ имѣетъ на своей сторонѣ значительное превосходство въ силахъ. Для насъ должно быть всегда желательнымъ, чтобы непріятель ошибался въ своихъ расчетахъ, или, еще проще,—давалъ промахи во время ударовъ. Тутъ можетъ представиться счастливая минута, когда мы сами будемъ въ состояніи перейти отъ обороны къ наступленію и произвести натискъ, болѣе или менѣе удачный. Все зависитъ отъ быстроты нашихъ движеній, которая, въ свою очередь, находится въ прямомъ подчиненіи у качествъ судовъ, составляющихъ эскадру, и у той подвижности, которую она приобрѣла себѣ путемъ упражненій и внутренней организаціи.

Мнѣ кажется, что не слѣдуетъ сомнѣваться, чтобы нападеніе противника нельзя было отвратить однимъ ловкимъ и быстрымъ движеніемъ. Производимое обыкновенно на полномъ ходу, оно не можетъ быть остановлено во всякую данную минуту, точно также какъ оно не въ состояніи перемѣнить значительно свое направленіе безъ риска утратить стройность, а слѣдовательно и силу. Такимъ образомъ, нашимъ главнымъ тактическимъ приѣмомъ во время эскадренной обороны должно быть, по моему мнѣнію, ускользаніе отъ ударовъ противника путемъ быстрыхъ движеній въ сторону, или же помощію прохожденій сквозь его промежутки между судами. Не надо забывать, что во время эскадренной атаки самое важное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудно-исполнимое условіе заключается въ сохраненіи тѣснаго и стройнаго ордера. Если намъ удастся лишить непріятеля этой необходимой для него потребности, то мы приобрѣтемъ на свою сторону значительную выгоду и до нѣкоторой степени сравняемъ разницу, существующую въ числѣ судовъ съ его и нашей стороны. Отсюда становится очевиднымъ, что если для атакующаго главнымъ желаніемъ должно быть — какъ-бы скорѣе сойтись съ противникомъ и вступить съ нимъ въ близкій бой, то для обороняющагося, напротивъ того, оно должно заключаться въ томъ, какъ-бы долѣе отстранять отъ себя этотъ моментъ, или же обставить его такими условіями, чтобы схватка началась при самыхъ выгодныхъ для него обстоятельствахъ.

Разумѣется, не всегда можно имѣть въ своихъ рукахъ средства, чтобы подобное требованіе было удовлетворено какъ слѣдуетъ. Подвижность флота зависитъ главнѣйше отъ ходкости и поворотливости судовъ, его составляющихъ, а найти отвѣтъ на эти требованія не всегда возможно, такъ какъ въ эскадры поступаютъ

иногда корабли старых типовъ, во время закладки, которыхъ новыя основанія морской войны не были еще выработаны, а следовательно и не могли произвести вліяніе на ихъ боевыя качества. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ о томъ, чтобы эскадра, лишенная внутреннихъ элементовъ, способствующихъ подвижности и быстрымъ движеніямъ, могла найти путемъ изученія нѣкоторое уравниженіе подобныхъ недостатковъ. Добиться до такого разрѣшенія вопроса, какъ мнѣ кажется, хотя и не легко, но возможно. Главный, и чуть ли не единственный, путь къ нему заключается въ маневрированіи, или умѣннѣ ловко дѣлать эволюціи. Эскадренныя упражненія въ построеніяхъ и перестроеніяхъ въ настоящую эпоху военнаго морскаго дѣла чрезвычайно важны. Они еще новы во всѣхъ флотахъ и дѣйствительность ихъ мало извѣстна большинству морскихъ офицеровъ, но значеніе ихъ должно возрастать съ каждымъ годомъ и постепенно приобрести полное вниманіе всего общества специалистовъ. Они обезпечиваютъ быстроту и стройность боевыхъ движеній, выполняемыхъ на полѣ сраженія, следовательно имъ должно занимать одно изъ главныхъ мѣстъ въ программѣ занятій флота въ мирное время, чтобы принести во время боя наибольшее количество пользы.

Другое требованіе, необходимое для успѣшной обороны флота, есть сомкнутость строя, которая должна стоять по своему значенію на одной высотѣ съ его удобоподвижностью. Мы видѣли уже во время разбора эскадренной атаки какъ желательна растянутасть непріятельскаго строя, въ смыслѣ обезпеченія нашего успѣха при ударѣ. Чтобы достигнуть этого, мы думаемъ даже прибѣгать къ предварительному маневрированію выжидательнаго строя, чтобы заставлять противника постоянно слѣдить за нашими движеніями и такимъ образомъ приводить его въ удовлетворяющее нашимъ видамъ разстройство ордера. Употребляя обратное наведеніе, мы приходимъ къ вопросу, что слѣдуетъ дѣлать при подобныхъ же обстоятельствахъ, дабы не попасть въ положеніе, въ которомъ для насъ такъ желательно видѣть непріятеля. Отвѣтъ очевиденъ — держаться какъ можно лучше сомкнувшись и слѣдить движеніями собственнаго строя за всѣми маневрами противника. Это обстоятельство составляетъ также цѣлую область для размышленій, къ которымъ приступить необходимо и которая, какъ все въ нашей специальности, могутъ быть доведены до удовлетворительныхъ результатовъ лишь коллективною, усердною работою многихъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору эскадренной обороны, намъ слѣдуетъ уяснить себѣ основаніе, на которомъ должна быть воз-

двигнута матеріальная часть этой обороны т. е. что должны мы, главнымъ образомъ, имѣть въ виду при приближеніи атакующаго противника—шпиронъ, или орудіе. Всматриваясь внимательно въ этотъ вопросъ, мы не можемъ не придти, и даже весьма скоро, къ отвѣту, что артиллерія должна быть безсильною въ подобномъ случаѣ и не можетъ служить для насъ основаніемъ дѣйствій. Справедливость этого утвержденія почти не требуетъ доказательствъ послѣ австрійской атаки при Лиссѣ. Снаряды, не смотря на свой вѣсъ и скорость полета, не въ состояніи задержать разбѣга цѣлой массы броненосцевъ, быстро несущейся впередъ и не обращающей никакого вниманія на встрѣчный огонь противника. Кромѣ того, пороховой дымъ, неизбежный при перестрѣлкѣ, долженъ застлать обороняющуюся эскадру и тѣмъ лишить ее полной видимости горизонта, безъ чего невозможно маневрированіе, а слѣдовательно и мало полезна удобоподвижность, о которой мы такъ много заботимся. Такимъ образомъ, приобрѣтается право утверждать, что артиллерія при оборонѣ, во время эскадреннаго боя, еще менѣе нужна, чѣмъ при атакѣ, и что въ этомъ случаѣ шпиронъ также господствуетъ безапелляціонно, какъ средство болѣе дѣйствительное и быстрое для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ противъ непріятельскаго строя.

Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, я считаю долгомъ оговориться относительно высказаннаго мною взгляда на артиллерію. Повторю еще разъ, что орудіе занимаетъ до сихъ поръ и, по всей вѣроятности, будетъ занимать еще долгое время преобладающее значеніе въ схваткѣ судна съ судномъ, такъ что, когда эскадры послѣ удара станутъ смѣшиваться, оно снова начнетъ выполнять свою, давно ему принадлежащую, роль, какъ во время атаки, такъ и при оборонѣ. Значеніе шпирона, развившееся въ послѣднее время до огромной степени, нисколько не умаляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ важности артиллеріи въ абсолютномъ смыслѣ. Единственная перемѣна, которая произошла въ положеніи этого военнаго средства въ ряду другихъ способовъ къ уничтоженію, заключается въ томъ, что оно утратило прежнюю быстроту своей дѣйствительности и безмѣрно отстало въ этомъ отношеніи отъ своего соперника шпирона. Но это еще не значитъ, чтобы артиллерія перестала заслуживать прежнее вниманіе съ нашей стороны, или чтобы не было болѣе нужды посвящать время на ея внимательное изученіе. Пушка всегда была и будетъ во флотахъ однимъ изъ главныхъ средствъ для поддержанія чести флага и для приобрѣтенія новыхъ славныхъ страницъ въ морской исторіи.

Мы перейдемъ теперь, милостивые государи, къ разбору эволю-

ціонныхъ строевъ, которые могутъ быть полезны для обороны во время эскадреннаго боя. По этому вопросу остается сдѣлать еще очень многое, такъ какъ лучший оборонительный строй еще не найденъ и почти каждый флотъ руководится въ этомъ дѣлѣ своими собственными взглядами. Опредѣленіе и выработка оборонительнаго строя должны составить по настоящему предметъ особеннаго изслѣдованія и быть тщательно обдуманнми. Нѣтъ сомнѣнія, что когда эволюціи войдутъ въ большее употребленіе и будутъ специально изучаться практическими эскадрами, то лучший строй для обороны опредѣлится самъ собою. Теперь же, поневолѣ приходится обращаться къ предположеніямъ и считать справедливымъ то, что на практикѣ, при настоящемъ примѣненіи къ дѣлу, легко можетъ оказаться несоотвѣтствующимъ своей цѣли.

Англичане и французы думаютъ, какъ мы уже говорили прежде, что лучшимъ строемъ для обороны долженъ быть ордеръ двухъ колоннъ въ шахматномъ положеніи. Они основываютъ свой взглядъ на томъ, что двѣ шахматныя колонны представляютъ сильную артиллерійскую оборону и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшаютъ непріятелю прорвать линію, такъ какъ тараны второй колонны легко могутъ пустить ко дну всякаго, кому вздумалось-бы проскочить сквозь промежутки первой, или ближайшей къ непріятелю линіи. Кромѣ того, этотъ строй имѣетъ за себя еще ту важную выгоду, что можетъ легко превращаться въ строй двойнаго шахматнаго фронта, который, по мнѣнію же французовъ и англичанъ, представляетъ лучший ордеръ для нападенія. Противъ подобныхъ справедливыхъ доводовъ возражать прямо нельзя, такъ какъ взгляды западныхъ моряковъ на ордеръ двухъ шахматныхъ колоннъ вполне основательны. Но если мы внесемъ въ разборъ вопроса наши собственные понятія объ удобоподвижности и сомнѣности, которыя, какъ мы видѣли выше, составляютъ главное обезпеченіе для приобрѣтенія успѣха во время обороны, то нельзя будетъ не сказать, что строй двухъ колоннъ мало удовлетворителенъ какъ оборонительный: въ немъ нѣтъ главнаго—гибкости. Чтобы переимѣнить курсъ, ему нужно дѣлать послѣдовательный заворотъ обѣихъ линій, способъ медленный и соединенный съ растягиваніемъ строя. Если ему понадобится прибавить ходу, то онъ рискуетъ также растянуться. Чтобы сомкнуться, ему нужно уменьшать свою скорость, что ведетъ къ тратѣ, можетъ быть въ высшей степени дорогаго, времени. Такимъ образомъ, строй двойной шахматной колонны не можетъ удовлетворять той идеѣ объ эскадренной оборонѣ, которую мы разсмотрѣли нѣсколько выше.

Повторимъ себѣ еще разъ въ двухъ словахъ тѣ главные тре-

бований, которымъ долженъ удовлетворять нынѣшній оборонительный строй пароваго броненоснаго флота. Онъ долженъ быть, во-первыхъ, какъ можно болѣе сомннуть, и во-вторыхъ—имѣть возможность дѣлать самыя разнообразныя движенія безъ риска разединиться, или растянуться. Вотъ два условія, которыми онъ долженъ быть подчиненъ категорическимъ образомъ и которыя обуславливаютъ его устройство. Разбирая нынѣ существующіе строи, мы не можемъ отыскать ни одного, который подходилъ бы подъ эти пункты. Такимъ образомъ, передъ нами является необходимость составить для себя новый ордеръ, подобно тому какъ мы это уже сдѣлали относительно приготавительнаго строя для маневровъ передъ вступленіемъ въ атаку.

Я полагаю, милостивые государи, что лучшимъ оборонительнымъ ордеромъ для броненоснаго флота можетъ быть тотъ же строй треугольника, или каре, о которомъ мы разсуждали въ прошедшую бесѣду нашу. Въ немъ есть, какъ мнѣ кажется, и подвижность, и сомннутость, т. е. оба условія, составляющія главную силу эскадры во время оборонительныхъ дѣйствій. Я полагаю даже, что строй четырехугольника, или каре, заслуживаетъ въ этомъ случаѣ болѣе вниманія, нежели его собрать, такъ какъ масса его компактнѣе и, слѣдовательно, обезпеченнѣе противъ разрыва. Я согласенъ, что оба защищаемые мною ордера могутъ показаться странными, или даже невозможными, но въ то же время прошу васъ, милостивые государи, не забывать, что наше время броненосныхъ флотовъ не имѣетъ ничего общаго съ былою эпохою парусныхъ эскадръ и что если мы приняли главнымъ боевымъ приѣмомъ толчекъ форштевня, то ничего не будетъ поразительнаго, если и для тактическихъ движеній мы возьмемъ способы не менѣе своеобразныя и донныя бышіе незнакомыя.

Что же касается до линіи кильватера, столь любимой въ былое время и такъ много употреблявшейся флотами при всѣхъ обстоятельствахъ, то про нее можно сказать, что вѣкъ ея прошелъ и по всей вѣроятности никогда не вернется. Оборонительный смыслъ этого строя, весь основанный на дѣйствіи артиллеріи, не имѣетъ теперь за себя ничего, что могло-бы поддержать его прошлое, исчезающее теперь обаяніе. Шпиронъ принесъ новыя условія боя и грозитъ гибелью тому, кто рискнетъ не признать ихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эскадра, которая дернула бы теперь, готоваясь къ встрѣчѣ съ непріятелемъ, построиться въ кильватеръ, должна потерять много судовъ изъ своего состава, которыя будутъ уничтожены ударами штевей противника. Еще недавно передъ нашими глазами разыгралась морская драма, имѣвшая одною изъ

главныхъ причинъ невѣрный выборъ линіи кильватера оборонительнымъ строемъ. Несчастія, разразившіяся надъ итальянцами подъ Лиссою, могутъ служить краснорѣчивымъ доказательствомъ несостоятельности прошлыхъ методъ морскаго боя, примѣненныхъ къ нынѣшнему времени. Длинная, растянутая линія, въ которой суда не поддерживали другъ друга, привела итальянцевъ къ совершенно такому положенію, въ какомъ бывали французы и испанцы, когда ихъ на голову разбивалъ Нельсонъ. Въ продолженіе всего сраженія, части итальянскаго флота, разъединенныя австрійскою атакою, не могли соменуться для совокупныхъ дѣйствій и обоюдной помощи. Линія кильватера привела адмирала Персано къ тому, что, ошеломленный первымъ ударомъ австрійскаго стрѣла, онъ не могъ привести въ исполненіе ни одного распоряженія, которое было бы въ состояніи уравнять обоюдныя положенія и склонить успѣхъ на сторону итальянцевъ. Лисса есть прекраснѣйшее доказательство той старой истины, что, идя въ сраженіе, надо быть уже давно готовымъ къ нему и что поздно составлять для себя основанія какъ дѣйствовать и разрабатывать тактическія идеи, когда уже видѣнъ идущій" подъ всѣми парами непріятель, стремящійся скорѣе вступитъ въ схватку и начать дѣло разрушенія. Если система бываетъ нужна во всемъ, какъ гарантія порядка и успѣховъ, то въ боевыхъ приѣмахъ на морѣ она, можно сказать, имѣетъ вдвое болѣе значенія и производитъ рѣшительное вліяніе на положенія обѣихъ сторонъ, доставляя удачу той, гдѣ болѣе приложено изученія къ морской боевой наукѣ и гдѣ лучше обработаны основанія судоваго боя. Подъ Лиссою, австрійцы имѣли подготовленную систему о томъ, какъ должно начинать и продолжать сраженіе, въ то время какъ итальянцы не имѣли никакой и были принуждены поневолѣ прибѣгнуть къ старымъ основаніямъ парусной тактики, за что поплатились потерей двухъ судовъ и обманулись въ расчетахъ на успѣхъ, названійся несомнѣннымъ. Это хорошій урокъ для другихъ флотовъ и убѣдительное доказательство, что военнымъ морякамъ должно постоянно вырабатывать идеи о боѣ и готовиться мыслящимъ образомъ къ той минутѣ, когда имъ придется стать лицомъ къ лицу съ непріателемъ.

Сказавъ такимъ образомъ нѣсколько словъ о строяхъ, которые могутъ быть пригодными для эскадренной обороны, мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію, какимъ образомъ маневрированіе можетъ служить для защиты флота. Это также ноприще очень широкое, на которомъ каждый морской офицеръ имѣетъ право создавать свои понятія и мнѣнія и гдѣ до сихъ поръ нѣтъ ничего формулированнаго, или облеченнаго въ опредѣленные рамки, за недо-

статкомъ совершившихся фактовъ. Ждать фактовъ придется можетъ быть еще долго, а между тѣмъ начать собственное боевое подготавленіе необходимо. Къ тому же, и на самые боевые факты слѣдуетъ смотрѣть не иначе какъ на слѣдствіе предварительной разработки военныхъ вопросовъ и заблаговременной подготовки военныхъ средствъ государства къ дѣйствіямъ.

Нѣтъ сомнѣнія, милостивые государи, что оборона всегда труднѣе атаки, какъ по физическимъ, такъ и нравственнымъ причинамъ. Атакующій имѣетъ на своей сторонѣ ту запальчивость движенія, ту инерцію, которая помогаетъ ему преодолевать затрудненія и внушаетъ презрѣніе къ могущимъ встрѣтиться преградамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, состояніе его духа бываетъ болѣе или менѣе восторженное, что составляетъ важное достояніе въ виду приближающейся опасности. Гораздо менѣе выгодъ имѣетъ на своей сторонѣ обороняющійся. Во-первыхъ, положеніе его въ значительной степени пассивное и онъ почти всегда находится въ зависимости отъ движеній противника. Во-вторыхъ, въ немъ не можетъ быть той самоувѣренности, а слѣдовательно и относительнаго спокойствія духа, которое принадлежитъ нападающему. Такимъ образомъ, главная задача, которую слѣдуетъ положить себѣ при разработкѣ способовъ обороны, должна заключаться, по моему мнѣнію, въ изысканіи средствъ, помощью которыхъ было-бы возможно уравнять невыгоды оборонительнаго положенія съ преимуществами, составляющими принадлежность наступательнаго; или, говоря иначе, чтобы обороняющійся былъ одинаково морально силенъ съ атакующимъ и чтобы принятое имъ положеніе давало ему способы не только защищаться, но и самому въ удобную минуту переходить въ наступленіе.

Обстоятельства, которыя обусловливаютъ эскадренную оборону, могутъ быть двоякаго рода: или непріятель сильнѣе числомъ и спускается на насъ въ надеждѣ на удачу, или же онъ исполняетъ заранѣе составленный планъ, предпочитая активное состояніе пассивному. Очевидно, что въ обоихъ случаяхъ оборонительныя мѣры должны имѣть тотъ же характеръ. Главная сущность ихъ должна состоять въ томъ, чтобы какъ можно тверже встрѣтить натискъ противника и не дать ему возможности оторвать хоть одно судно отъ нашего строя. Разница будетъ заключаться лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ выполнить это требованіе будетъ сравнительно труднѣе, а во второмъ—сравнительно легче.

На основаніи тѣхъ идей, которыя мы разсмотрѣли нѣсколько выше, о лучшемъ положеніи для защищающагося, мнѣ кажется, что главная метода эскадренной обороны должна заключаться въ

сборъ флота въ тѣсную, сомкнутую массу, въ которой всѣ корабли поддерживаютъ другъ друга и которую нельзя разрознить стремительнымъ натискомъ. За тѣмъ, этому тѣсному строю броненосцевъ слѣдуетъ маневрировать такимъ образомъ, чтобы непріятель имѣлъ за собою какъ можно менѣе благоприятныхъ минутъ для начала атаки, т. е. чтобы обороняющійся флотъ представлялъ постоянно неприступную группу броненосныхъ судовъ, готовую встрѣтить противника сильнѣйшимъ огнемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ способную во всякую минуту броситься на него для совокупныхъ шпиронныхъ ударовъ. Этимъ способомъ, строй будетъ обезпеченъ отъ раздробленія на части и приобрѣтетъ возможность дѣйствовать какъ оборонительно, такъ и наступательно, смотря по обстоятельствамъ.

Строй треугольника, или каре, о которыхъ мы разсуждали выше, не могутъ быть постоянными оборонительными ордерами. Они хороши до тѣхъ поръ, пока наша задача состоитъ въ уклоненіи отъ натисковъ противника, или когда мы желаемъ какимъ-нибудь быстрымъ движеніемъ поставить непріятеля въ положеніе, невыгодное для него въ смыслъ начала атаки. Однимъ словомъ, треугольникъ и каре годны лишь до тѣхъ поръ пока мы маневрируемъ перпендикулярно, или наклонно къ непріятельскому курсу. Но когда обстоятельства потребуютъ отъ насъ движенія навстрѣчу къ непріятелю, тогда эти строи уже не могутъ быть полезными, такъ какъ они слишкомъ глубоки и потому неудобны ни для общихъ шпиронныхъ ударовъ, ни для сильнаго артиллерійскаго огня. Въ подобныхъ случаяхъ, выжидательные строи слѣдуетъ мѣнять на ордера клина или двойнаго шахматнаго фронта, сомкнутые, такъ сказать, на руку дистанціи, которые, какъ мы уже видѣли на предъидущихъ бесѣдахъ, представляютъ хорошее положеніе для сосредоточеннаго шпироннаго натиска и обладаютъ дорогимъ качествомъ взаимной поддержки всѣхъ судовъ, идущихъ въ ордерѣ.

Если положеніе атакующаго выгодно въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ считать себя полнымъ господиномъ своихъ дѣйствій и начинать нападеніе въ минуту, которую считаетъ для себя наиболѣе благоприятною, то съ другой стороны обороняющійся въ состояніи употреблять въ свою пользу ошибки, которыя можетъ сдѣлать противникъ какъ при началѣ, такъ и во время производства атаки. Понятно, что не всякая эскадра, принявшая оборонительное положеніе, способна обращать къ своей выгодѣ промахи непріятеля; для этого, ей потребно совершенство внутренней организаціи и сильная нравственная связь между собою всѣхъ служащихъ на ней, что достигается лишь долгими трудами. Но мы принимаемъ, что

обороняющийся усвоилъ себѣ всѣ данныя, которыя необходимо имѣть флоту, думающему о приобрѣтеніи успѣховъ, и что боевая подготовка его не уступаетъ положенію того же самаго у его непріятеля. При этомъ условіи, эскадра защищающаяся никогда не должна покидать надежды на побѣду надъ противникомъ, даже болѣе сильнымъ по числу судовъ.

Во время обороны, недостатокъ силы можетъ быть съ лихвою пополненъ искусствомъ адмирала и безупречнымъ исполненіемъ всѣхъ его приказаній подчиненными. Начальникъ флота не въ состояніи увеличить число судовъ, его составляющихъ, но за то имѣетъ средства вселить въ своихъ подчиненныхъ нравственную мощь, которая важнѣе длиннаго списка кораблей и количества выбрасываемаго металла. Грядущія морскія битвы будутъ зависѣть не столько отъ превосходства относительной силы, сколько отъ искусства адмирала завязать бой, отъ умѣнья командировъ драться одинъ-на-одинъ, отъ знанія какъ взаимно себя поддерживать при атакахъ и оборонѣ и отъ ловкости соединяться во время битвы въ сильныхъ массахъ противъ слабыхъ пунктовъ непріятеля. Чтобы осуществить все это на дѣлѣ, нельзя будетъ довольствоваться однимъ имѣемыми средствами—сигналами и телеграфами, потому что они недостаточны для успѣшнаго веденія боя адмираломъ. Понадобится то заблаговременное ознакомленіе командировъ съ планомъ сраженія, которое во всѣ времена приводило къ блестящимъ результатамъ. Но и этого будетъ недостаточно; адмиралъ передаетъ только общій планъ дѣйствій, но останутся еще частныя подробности, которыя будутъ разработаны общимъ совѣтомъ командировъ, и тутъ-то установятся тѣ общія правила боя и готовятся разрѣшенія для нѣкоторыхъ случайностей, которыя впоследствии, въ пылу сраженія, принесутъ драгоцѣнную пользу и помогутъ достигнуть побѣды.

Для обороняющагося флота, подобная заблаговременная подготовка общаго плана дѣйствій и предварительное разрѣшеніе могущихъ встрѣтиться въ бою недоумѣній важны до чрезвычайной степени. Эскадренная оборона должна быть основана на быстрыхъ движеніяхъ, на отвагѣ и рѣшимости вступить въ схватку съ сильнѣйшимъ непріателемъ. Смѣлость при такихъ обстоятельствахъ всегда производитъ свое дѣйствіе; она изумляетъ, сбиваетъ непріятеля съ толку и обращаетъ противъ него всякую его оплошность. Но для того, чтобы защищающаяся эскадра могла дѣйствовать въ самомъ дѣлѣ смѣло, нужно, чтобы каждый отдѣльный членъ ея былъ вполне знакомъ съ цѣлю предпринимаго маневра и зналъ, что ему слѣдуетъ начать при всякомъ новомъ оборотѣ боя. А это

можетъ быть достигнуто лишь путемъ заблаговременныхъ совѣщаній, всѣхъ главныхъ участниковъ боя, о лучшихъ способахъ его веденія.

Къ этому должно прибавить также, что безъ полной утѣренности въ своихъ подчиненныхъ адмиралъ не можетъ рѣшиться ни на одно дѣйствіе, выходящее по смѣлости изъ ряда обыкновенныхъ, но которое способно быстро доставить побѣду. Въ наше время, подобные случаи должны быть рѣдки, потому что нынѣшняя морская тактика основывается на пользованіи благоприятными обстоятельствами для нанесенія сильныхъ ударовъ, а не на комбинаціи поворотовъ и перестроеній, какъ это бывало прежде. Во время сраженій будутъ встрѣчаться моменты, которые станутъ вліять категорически на ходъ боя, и выгодами ихъ будетъ пользоваться та изъ сторонъ, которая сумѣетъ быстрее уловить ихъ. Стройность и скорость всякаго маневра, производимаго массою судовъ, прямо пропорціональны степени сознанія его цѣли отдѣльными исполнителями. Такимъ образомъ, и въ этихъ случаяхъ, планы адмирала станутъ приводиться въ исполненіе съ должною скоростью лишь тогда, когда каждый корабль будетъ ясно видѣть важность наступившаго момента и съ увлеченіемъ, не медля ни минуты, послѣдуетъ адмиральскому сигналу, или приказанію. Но чтобы эскадра дошла до подобнаго единодушія, до такой, если можно выразиться, стройности хора, ей слѣдуетъ долго и старательно готовить себя въ минуты, въ которыя ей предстоитъ постоять за честь роднаго флага. Я позволю себѣ думать, им. г., что бесѣды адмирала съ командирами о главныхъ условіяхъ новаго морскаго боя, производимыя не только въ военное, но и въ мирное время, должны произвести благотворное вліяніе на готовность флота ко всѣмъ случайностямъ, особенно если выводы этихъ бесѣдъ будутъ записываться и за тѣмъ, по надлежащей редакціи, распространяться между морскими офицерами. Этимъ путемъ, мы можемъ получить капитальное сочиненіе о морской тактикѣ, которое будетъ полно вѣрныхъ и блестящихъ мыслей, какъ объ эскадренномъ, такъ и одиночномъ боѣ, и послужитъ прекраснымъ руководствомъ всѣмъ намъ при исполненіи нашего долга—собственной мыслящей подготовкѣ къ труднымъ минутамъ боя.

Но намъ пора возвратиться къ начатому разбору эскадренной обороны, отъ котораго мы отвлеклись при взглядѣ на моральныя причины, способствующія успѣхамъ слабѣйшаго надъ сильнѣйшимъ. Предположимъ для начала, что атакующая эскадра равносильна, или только немногимъ сильнѣе обороняющейся, и что

она собирается произвести атаку въ какомъ-нибудь развернутомъ строѣ, напр. хотъ во фронтѣ. Если время и мѣсто позволяютъ, то мнѣ кажется, что для обороняющагося было-бы въ этомъ случаѣ всего полезнѣе сдѣлать движеніе въ выжидательномъ порядкѣ противъ одного изъ его фланговъ, за тѣмъ перестроеніе въ клинъ, или два сомкнутые фронта въ шахматномъ порядкѣ и, наконецъ, быстрый натискъ противъ этого фланга. При подобномъ маневрѣ, атакующій былъ-бы вынужденъ сдѣлать захожденіе плечомъ, во время котораго ордеръ обыкновенно приходитъ въ расстройство, а слѣдовательно представляетъ хорошее условіе для шпироннаго нападенія. Этимъ способомъ, натискъ атакующаго былъ-бы остановленъ, а задуманный имъ планъ разрушенъ, или, по крайней мѣрѣ, измѣненъ въ значительной степени.

Но если обороняющійся не имѣетъ времени, или достаточнаго пространства, тогда, какъ мнѣ кажется, ему слѣдуетъ прямо строиться въ двойной шахматный фронтъ и также идти навстрѣчу къ непріятелю, чтобы схватиться съ нимъ разомъ по всей линіи и вступить въ артиллерійскій бой на самомъ близкомъ разстояніи. Этимъ путемъ, обороняющійся также можетъ парализовать планъ непріятеля, который послѣдній, вѣроятно, имѣетъ, спускаясь рѣшительно на чужую линію. Уничтоженіе расчетовъ противника составляетъ обстоятельство весьма важное и въ сухопутной и въ морской войнѣ. Если мы посмотримъ на ходъ различныхъ битвъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, то увидимъ, что кромѣ храбрости и рѣшимости въ дѣйствіяхъ, на побѣду нерѣдко вліяли тѣ распоряженія главнокомандовавшихъ, помощью которыхъ имъ удавалось разстроить планъ противника, или же ввести его въ заблужденіе касательно своихъ собственныхъ намѣреній и цѣлей стремленія.

Въ обоихъ приведенныхъ мною случаяхъ, оборона флота основана главнымъ образомъ на наступательномъ движеніи, такъ сказать—на контръ-атакѣ. Мнѣ кажется, что подобный взглядъ на эскадренную защиту вполне совпадаетъ съ тѣми понятіями объ оборонѣ флота противъ флота, которыя мы рассматривали нѣсколько выше. Контръ-атака, основанная на тараненіи, составляетъ, какъ мнѣ кажется, хорошій оборонительный приѣмъ при всѣхъ обстоятельствахъ и ей можно давать предпочтеніе передъ другими способами обороны, воздвигнутыми преимущественно на идеѣ объ артиллерійскомъ боѣ. Она даетъ обороняющемуся, главное, одинаковый нравственный уровень съ нападающимъ и въ то же время доставляетъ ему возможность активныхъ дѣйствій, съ которыми соединяется гораздо болѣе надеждъ на успѣхъ, чѣмъ съ положе-

ніемъ выжидательнымъ. Если онъ предпочтетъ оборону, основанную на огнѣ артиллеріи, и станетъ поджидать непріятеля, напри-мѣръ хотъ въ строѣ двухъ шахматныхъ колоннъ, предлагаемомъ англичанами и французами, то приведетъ себя въ положеніе, которое, во первыхъ, не остановитъ несущагося противника, а во вторыхъ, можетъ повести къ тяжелому положенію эскадры, такъ какъ она идетъ въ этомъ случаѣ оборотившись бортомъ къ непріятельскимъ шпиронамъ. Кромѣ того, дымъ отъ выстрѣловъ застилаетъ при этомъ море и горизонтъ и, слѣдовательно, мѣшаетъ обороняющемуся видѣть постоянно положеніе противника, такъ что онъ не можетъ принимать въ должную минуту необходимыя мѣры и рискуетъ сойтись съ непріятелемъ при условіяхъ, которые для него невыгодны. Наконецъ, при этомъ положеніи эскадра не обезпечена отъ общаго нравственнаго безпокойства служащихъ на ней, что можетъ повести за собою не выполнѣ удачное выполненіе маневровъ, которые должны ей понадобится передъ моментомъ сшибки съ непріятелемъ. Такимъ образомъ, я позволяю себѣ повторить еще разъ, что контръ-атака въ смыслѣ обороны заслуживаетъ болѣе вниманія, чѣмъ пассивное поджиданіе противника, прикрытое малополезнымъ огнемъ артиллеріи,—и не теряю надежды, что грядущіе факты подтвердятъ это предположеніе.

Мнѣ кажется, что контръ-атака должна быть также главною методою при оборонѣ слабѣйшаго противъ сильнѣйшаго. Я думаю, что если эскадра, уступающая числомъ судовъ противнику, имѣетъ на своей сторонѣ должную организацію, если она одушевлена тѣмъ довѣріемъ къ адмиралу и своимъ нравственнымъ силамъ, которое составляетъ и всегда будетъ составлять прямое обезпеченіе успѣха, то для нея лучше всего при сближеніи съ противникомъ тотчасъ же стронуться въ тѣсный клинъ, или два сомкнутые фронта, и идти къ нему навстрѣчу. За тѣмъ, по сближеніи съ непріятелемъ, ей слѣдуетъ повести быструю контръ-атаку противъ середины его строя, держась соединенно и за тѣмъ, не останавливаясь, послѣ прохода чрезъ его линію. Въ это короткое время обоюдной встрѣчи атакующій не успѣетъ слѣлать вреда обороняющемуся, не смотря на свое численное превосходство, и будетъ принужденъ поворотить назадъ. Дальнѣйшія мѣры, необходимыя для защищающейся эскадры, выяснятся сами собою. Если обороняющійся увѣренъ въ собственныхъ силахъ и знаетъ, что имѣетъ превосходство надъ противникомъ относительно внутренней организаціи, то ему должно быть полезнымъ, послѣ первой сшибки, снова перейти въ наступленіе, стараясь взять перевѣсъ надъ непріятелемъ быстротою движеній и запальчивостью атакъ своего сомкну-

таго строя. Разумѣется, чтобы драться такимъ образомъ, слѣдуетъ имѣть соответствующую подготовку. Не всякая эскадра способна бросаться въ атаку нѣсколько разъ сряду. Если она не знаетъ какъ это дѣлать, то контръ-атаки ея стануть оканчиваться общою свалкою и возобновленныхъ нападений не произойдетъ вовсе. Каждое судно займется своимъ собственнымъ положеніемъ и потеряетъ изъ виду дальнѣйшій ходъ боя. Такимъ образомъ, чтобы подобная метода эскадренной обороны была дѣйствительно возможною, а не существовала только на бумагѣ, не приводя ни къ какому результату, ее слѣдуетъ разработать и за тѣмъ передать на суда, составляющія эскадру. Мы имѣемъ въ нашемъ специальномъ дѣлѣ много предметовъ, которые долго считались неисполнимыми; а между тѣмъ внимательное изученіе, или болѣе подробное ознакомленіе съ ними, выказывало ихъ возможность, а иногда и легкость для исполненія. Поэтому, отчего же не думать, что послѣдовательный рядъ контръ-атакъ есть также дѣло осуществимое и, кромѣ того, могущее принести пользу при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Я полагаю, что во время подобныхъ маневровъ эскадры, каждое судно должно имѣть въ виду главнымъ образомъ два обстоятельства: во первыхъ, употребленіе при всякомъ удобномъ случаѣ шпирона и, во вторыхъ, приведеніе собственнаго строя, послѣ прохода сивозъ непріятельскій ордеръ, по возможности быстрѣе въ порядокъ, для начала новой атаки. Послѣднее условіе способно имѣть большое вліяніе на достиженіе успѣха обороняющимся, такъ какъ его противникъ не успѣетъ, можетъ быть, послѣ встрѣчи обѣихъ эскадръ скоро устроиться и приготовиться не только къ нападенію, но даже къ принятію контръ-атаки защищающагося. Для быстрого возобновленія контръ-атакъ, эскадра должна приобрѣсти себѣ особенный навыкъ въ употребленіи какого-нибудь specialнаго строя, въ которомъ могли-бы маневрировать и поворачиваться согласно и съ наименьшею потерей времени. Я полагаю, что самымъ выгоднымъ ордеромъ для подобной цѣли долженъ быть двойной фронтъ, въ которомъ съ боевыми достоинствами соединена неизмѣняемость вида при поворотахъ на 16 румбовъ, или на обратный курсъ. Вторичная контръ-атака обороняющагося должна быть направлена противъ того мѣста въ строѣ противника, которое находится въ наименьшемъ порядкѣ, или гдѣ онъ болѣе всего растянутъ. Повороты на обратный курсъ требуютъ отъ эскадры большого навыка въ этомъ маневрѣ и полнаго однообразія всѣхъ судовыхъ радіусовъ, безъ чего строй долженъ придти въ безпорядокъ. Такимъ образомъ, можно рассчитывать, что противникъ станеть терять время на выравниваніе ор-

дѣла послѣ поворота, а въ иныхъ случаяхъ не успѣетъ даже выполнить этого, и тѣмъ дастъ возможность обороняющемуся съ успѣхомъ произвести свой ударъ. Мы уже говорили, что контръ-атаки слѣдуетъ производить въ сомкнутыхъ строяхъ; къ этому прибавимъ теперь, что суда должны всѣми силами стараться о жестоянномъ соблюденіи этого правила. Если бы имъ даже удавалось наносить шпиронные удары и пускать ко дну непріятельскіе корабли, то послѣ этого они должны торопиться примыкать къ своимъ, чтобы снова идти въ атаку. Метода контръ-атакъ, равно какъ и вся идея объ оборонѣ, основанной на маневрированіи, требуетъ хорошей поворотливости отъ судовъ, составляющихъ эскадру; чѣмъ менѣе времени будетъ тратиться на циркуляція отдѣльныхъ кораблей и повороты строя, тѣмъ скорѣе станетъ осуществляться новый ударъ и тѣмъ болѣе пользы принесетъ маневрированіе. Эта необходимость такъ очевидна для каждаго морскаго офицера, что про нее можно вовсе не распространяться.

Оборона, основанная на приѣмахъ наступательныхъ дѣйствій, есть прямое слѣдствіе принятія шпирона основаніемъ для эскадреннаго боя. Если атака воздвигается теперь на таракеніи, то весьма естественно, что защита прибѣгаетъ къ положенію корабля, обращенному къ непріятелю носовою частію, чтобы не подставлять борта вражескимъ ударамъ. Но за тѣмъ, если шпиронъ разъ уже обороченъ въ сторону противника, то гдѣ найти разграниченіе между дѣйствіями, имѣющими цѣлю нападеніе и защиту, и не естественно-ли, что при подобномъ положеніи эскадры, оборона должна въ удобную минуту превращаться въ атаку?

Къ сферѣ эскадренной обороны должно причислить также приемы эскадреннаго отступленія, дѣйствія не маловажнаго въ морской войнѣ, отъ котораго можетъ зависѣть соединенность флота послѣ сраженія, а слѣдовательно и судьба цѣлой кампаніи. Теперь еще трудно связать по этому предмету что нибудь положительное. Такъ какъ во время отступленія суда эскадры должны идти, оборотившись къ непріятелю кормами, то оно не можетъ быть основано иначе какъ на дѣйствіи артиллеріи. Очевидно также, что важнымъ элементомъ въ немъ должны быть скорость хода и сомкнутость эскадры. Прежде, для отступленія употребляли иногда строй обратнаго клина, носившій даже специальное названіе ордера де-ретреть. Можетъ быть, что и въ наше время онъ будетъ полезенъ въ этомъ же смыслѣ. Въ подобномъ случаѣ, около вершины его угла слѣдуетъ помѣщать преимущественно башенныя суда, какъ наиболѣе удобныя для огня назадъ и вооруженныя самою сильною артиллеріею. Строй обратнаго клина можетъ быть еще

*

хорошъ въ томъ отношеніи, что при поворотѣ на 16 румбовъ онъ превращается въ прямой клинъ, одинъ изъ ордеровъ, назначаемыхъ для атаки. Вещь возможная, что гонящій флотъ растянется; тогда отступающему полезно поворотить назадъ и броситься въ атаку противъ слабѣйшаго мѣста въ непріятельскомъ строѣ. Прежде отступающая сторона имѣла иногда легкую эскадру, дѣло которой было атаковать тѣ изъ передовыхъ кораблей противника, которые, нагоняя, отдѣлялись отъ своихъ главныхъ силъ. Теперь, какъ мнѣ кажется, отступающему выгоднѣе держаться соединенно, для того, чтобы не было частей, которыя непріятель могъ бы отрѣзать. Въ настоящее время, гонящіе корабли, за рѣдкими исключеніями, могутъ вступать только въ перестрѣлку съ гонимыми, если послѣдніе держатся въ сомкнутой массѣ, что не можетъ быть особенно опаснымъ для нихъ. Но если отступающій будетъ имѣть отсталыхъ, или какой нибудь отдѣльный отрядъ, то непріятель способенъ оторвать ихъ отъ главныхъ силъ и уничтожить шпиронами. Вообще же, предметъ эскадреннаго отступленія нуждается еще въ подробной разработкѣ, которая, впрочемъ, въ настоящее время трудна по положительному недостатку фактовъ, годныхъ служить матеріалами для изслѣдованій.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ оборонѣ флота, стоящаго на якорѣ, противъ флота, который находится подъ парами и имѣетъ на своей сторонѣ полную свободу дѣйствій. Въ былое время, оборонительное положеніе на якорѣ могло считаться надежнымъ при хорошемъ выборѣ мѣстности, отличномъ расположеніи судовъ и ихъ взаимной поддержкѣ. Но теперь, при общемъ стремленіи къ тараненію, на него должно смотрѣть какъ на лишенное главной силы къ отпору—движенію, и потому гибельное. Эскадра, стоящая на якорѣ, имѣетъ для встрѣчи другой эскадры, приближающейся для вступленія въ бой, только огонь артиллеріи. Мы видѣли, что даже флотъ, находящійся въ движеніи, не въ состояніи задержать исключительнымъ дѣйствіемъ своихъ орудій другой флотъ, идущій на него въ сомкнутой массѣ для атаки шпиронами. Такимъ образомъ, суда, стоящія на якорѣ, должны неминуемо подвергаться гибели, если только не предпочтутъ ей постыднаго спуска флага. Отсюда слѣдуетъ само собою, что флотъ, стоящій на якорѣ, долженъ быть готовъ сняться во всякую минуту дня и ночи. Въ противномъ случаѣ, ему предстоитъ катастрофа.

Но есть одно обстоятельство, когда оборона эскадры должна быть непремѣнно якорною, именно — при защитѣ какого-нибудь фарватера, или прохода, имѣющаго стратегическое значеніе и потому требующаго, во что бы-то ни стало, остановки идущаго

впередъ непріятеля. Нѣтъ сомнѣнія, что въ подобномъ случаѣ флотъ будетъ пользоваться содѣйствіемъ береговыхъ батарей, которыя непременно возведутся, если защищаемый пунктъ дѣйствительно важенъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, можно думать, что атакующій не обратитъ особеннаго вниманія на огонь укрѣпленій, если увидитъ передъ собою возможность нанести нѣсколько шпиронныхъ ударовъ прикованному къ якорямъ противнику. Мы имѣемъ уже нѣсколько боевыхъ примѣровъ, гдѣ флотъ достигалъ до задуманной цѣли подъ огнемъ укрѣпленій въ тѣхъ случаяхъ, когда фарватеръ бывалъ не особенно труденъ и не заграждался подводными препятствіями. Такимъ образомъ, для обороны флота, стоящаго на якорѣ, потребны еще нѣкоторыя вспомогательныя средства, которыя могли бы дѣйствительно задержать наступающаго противника. Теперь, повсюду дѣятельно разрабатывается вопросъ о подводной минной войнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что употребленіе минъ, при разнообразныхъ видахъ военныхъ дѣйствій на морѣ, вскорѣ составитъ цѣлую науку. Мы будемъ пользоваться ими и въ эскадренныхъ сраженіяхъ, и въ прибрежной защитѣ, какъ долгой, такъ и кратковременной. Огромная дѣйствительность подводныхъ минъ приводитъ къ мысли—нельзя ли употреблять ихъ для обороны стоящаго на якорѣ флота и пользоваться привлекательнымъ видомъ неподвижнаго положенія эскадры, чтобы вызвать противника на атаку и за тѣмъ встрѣтить его не огнемъ артиллеріи, а своевременнымъ взрывомъ подводныхъ торпедо. Разумѣется, чтобы подобная оборона, могущая назваться до известной степени рискованною, удалась, нужно, чтобы мины и ихъ принадлежности были вполне исправны. За тѣмъ, большое значеніе должны имѣть система ихъ расположенія и порядокъ, принятый для взрывовъ. Но все это вопросы техническіе, въ доведеніи которыхъ до совершенства сомнѣваться не слѣдуетъ. Главный вопросъ заключается въ томъ — можетъ ли стоящій на якорѣ флотъ остановить дѣйствіемъ подводныхъ минъ атакующаго противника. Отвѣтить на это теперь очень трудно, по неимѣнію достаточнаго числа опытовъ и фактовъ, а надо подождать пока производимыя въ настоящее время изслѣдованія ни прольютъ болѣе свѣта на защиту фарватеровъ подводными минами, въ тѣсной связи съ которою находится и оборона флота, стоящаго на якорѣ.

Предметъ современной эскадренной обороны бѣденъ фактами и спеціальными сочиненіями, которые могли бы дать руководящую нить для разработки этой важной части нашей тактики. Морскіе офицеры думаютъ болѣе о томъ, какъ нападать на противника, а не о томъ, какъ отъ него обороняться. Впрочемъ, теперь морская

литература начинает дѣятельнѣе прежняго заниматься исследованиемъ различныхъ подробностей нашей боевой науки. Можетъ быть, они обратятъ вниманіе, между прочимъ, и на эскадренную оборону. Это было бы очень желательно, тѣмъ болѣе, что мы мало знакомы со взглядами западно-европейскихъ моряковъ на оборону флота. Но пока морская литература доставить намъ окончательное слово по этому предмету, намъ слѣдуетъ самимъ разработать его путемъ тѣхъ бесѣдъ, о которыхъ мы говорили выше. Это лучшее средство, чтобы основательно познакомиться съ нимъ, а слѣдовательно, чтобы и относительно эскадренной обороны быть вполне готовымъ къ бою.

ЛЕКЦІЯ VI (*).

Вой флота съ прибрежными укрѣпленіями.

Необходимость выясненія вопроса о сравнительной силѣ флота и береговой обороны. — Невѣрность взгляда сухопутныхъ артиллеристовъ на дѣйствительность морской артиллеріи. — Разборъ боя флота съ укрѣпленіями. — Береговые батареи не въ состояніи удержать прорывающагося флота, безъ содѣйствія подводныхъ загражденій.

Милостивые государи, у французовъ есть пословица, что одно орудіе на сухомъ пути стоитъ корабля въ морѣ. Положимъ, что эта пословица старинная и сложилась тогда, когда и корабли, и морская артиллерія были въ младенческомъ состояніи, но у французовъ же есть сочиненіе, очень уважаемое и вполне современное, «памятная книжка для артиллерійскихъ офицеровъ» (*Aide-memoire des officiers d'artillerie*), которое утверждаетъ, что прибрежная батарея съ 4 орудіями большаго калибра сильнѣе 120 пушечнаго линейнаго корабля.

Подобное утвержденіе, разумѣется, не можетъ нравиться морскому офицеру. Мы привыкли по самому роду службы нашей бороться со всевозможными препятствіями и въ большей части случаевъ побѣждать ихъ. Бываютъ даже минуты въ нашей жизни, когда послѣ тяжело доставшейся побѣды надъ стихією, или счастливо и ловко избѣгнутой опасности, намъ кажется, что для человѣка не можетъ существовать на земномъ шарѣ непреодолимыхъ препятствій. И вдругъ, при такомъ настроеніи духа цѣлаго сословія специалистовъ, ему стойко и категорично объявляютъ, что корабль, его арена дѣйствій, предметъ его любви и гордости, не только малосильнѣе въ тридцать разъ слабѣйшаго непріятеля, но даже не имѣетъ права рассчитывать на побѣду надъ своимъ противникомъ-пигмеемъ.

Отвѣтъ со стороны моряковъ на такое утвержденіе бываетъ весьма естественно цѣлый рядъ протестовъ и опроверженій, перѣчис-

(*) Была прочитана въ IV отдѣлѣ русскаго технического общества.

проникнутых досадою. И это какъ нельзя болѣе понятно, иначе даже быть не можетъ, потому что для военныхъ людей, не перестающихъ думать о славѣ и чести своего флага, готовыхъ сложить свои головы во всѣхъ углахъ нашей планеты, должно быть прискорбно слышать отзывы, которые болѣзненно колютъ его сословное самолюбіе.

Между тѣмъ, вопросъ о сравнительной силѣ флота и прибрежныхъ укрѣпленій такъ важенъ и такъ нуждается въ спокойномъ, и серьезномъ обсужденіи, что было бы весьма желательно не встрѣчаться вовсе съ отзывами, въ которыхъ звучитъ неудовольствие или пристрастный взглядъ на свою специальность. Тамъ, гдѣ при диспутѣ имѣютъ возможность вмѣшиваться въ дѣло сословныя предубѣжденія, традиціи и порывы личныхъ привязанностей или антипатій, тамъ нельзя ожидать результатовъ, способныхъ разъяснить не только спорные пункты, но даже и коренныя основанія дѣла. Важные специальные вопросы нуждаются въ изслѣдователяхъ горячо имъ сочувствующихъ и стойко отражающихъ отъ себя всѣ навѣты лицепріятія, или сословныхъ предубѣжденій. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда предметъ обширенъ и требуетъ для своей разработки труда многихъ дѣятелей, принадлежащихъ къ различнымъ специальностямъ, это необходимѣйшее условіе всякаго ученаго спора становится еще категоричнѣе и производитъ прямое вліяніе не только на достигаемые при этомъ выводы, но даже и на ходъ послѣдующихъ изслѣдованій.

Новые типы судовъ и новыя средства, которыми они вооружаются, произвели коренныя измѣненія въ морской тактикѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что они же должны произвести большое вліяніе и на приемы борьбы флота съ береговыми укрѣпленіями. Съ другой стороны, прибрежная защита мѣняетъ теперь свой характеръ. Она прибѣгаетъ къ содѣйствію брони, могучей артиллеріи и разнообразныхъ подводныхъ загражденій. Какъ атака корабля противъ береговой батареи, такъ и отпоръ, представляемый ею кораблю, основываются теперь на средствахъ, отличающихся отъ прежнихъ, и даже, отчасти, на новыхъ началахъ, такъ какъ въ борьбу флота и прибрежной защиты входятъ теперь съ одной стороны стремленіе прорваться мимо батарей, а съ другой—воспрепятствовать прорыву флота всѣми способами. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ къ артиллерійскому бою прибавляется, такъ сказать, подводная война, минная и заградительная, предметъ до сихъ поръ вполнѣ неизслѣдованный, а между тѣмъ нуждающійся хоть въ какомъ-нибудь разъясненіи. Въ то же время моряки задумываются надъ типами судовъ, специально примѣнен-

ными для атакъ противъ прибрежныхъ укрѣпленій, а инженеры рѣшаютъ блиндировать свои батареи самою толстою броней и вводить башенную систему. Моряки составляютъ планы для различныхъ способовъ атаки и изслѣдываютъ маневры, которые могутъ быть наиболѣе полезными при артиллерійской борьбѣ кораблей съ береговыми укрѣпленіями, а сухопутные артиллеристы устраиваютъ сосредоточеніе огня всѣхъ фортовъ и выбираютъ на фарватерахъ пункты, могущіе быть гибельными для флота, благодаря урагану снарядовъ, направленныхъ съ крѣпостей въ это мѣсто. Такимъ образомъ, надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ прибрежной войны трудятся три специальности, по существу своему несходныя, но въ этомъ случаѣ соприкасающіяся и ни въ чемъ не уступающія другъ другу по объему своей важности и значенія.

Изъ всего вышесказаннаго становится яснымъ, что разработка вопроса о сравнительной силѣ флота и прибрежной обороны не можетъ быть произведена вполне удовлетворительно которою нибудь одною изъ этихъ трехъ специальностей. Чтобы дойти при этомъ до результатовъ дѣйствительно положительныхъ, заслуживающихъ быть принятыми, такъ сказать, базисомъ для дѣйствій, нужно, чтобы моряки, инженеры и артиллеристы соединились для общаго труда и взаимной помощи и выработали себѣ, во-первыхъ, вѣрный взглядъ на дѣло, а во-вторыхъ новыя боевыя основанія для современной прибрежной войны. Сдѣлать то же самое отдѣльно, независимо другъ отъ друга, какъ я полагаю, эти специальности не могутъ. Мы моряки не знаемъ гдѣ находятся слабыя стороны береговыхъ укрѣпленій, мы незнакомы ни съ установкою, ни даже съ образомъ дѣйствій прибрежной крѣпостной артиллеріи. Намъ неизвѣстны взгляды инженеровъ на то, какіе снаряды и какого рода огонь наиболѣе опасны для броневой и каменной одежды укрѣпленій, или для брустверовъ земляныхъ батарей. Точно также ни артиллеристы, ни инженеры не знаютъ подробно и вѣрно гдѣ лежатъ уязвимыя точки броненосцевъ и въ чемъ заключается дѣйствительная сила нынѣшняго панцирнаго флота. Въ то же время они не имѣютъ никакого понятія о нашихъ взглядахъ на прибрежную войну и о тактическихъ приемахъ, къ которымъ мы будемъ прибѣгать во время борьбы съ укрѣпленіями. Между тѣмъ, эти подробности въ высокой степени важны для всѣхъ насъ, т. е. офицеровъ трехъ видовъ оружія. Правда, что всегда бывали и продолжаютъ быть спеціальныя комитеты и коммисіи, въ которыхъ обсуждались и обсуждаются различные вопросы о береговой оборонѣ, но труды этихъ ученыхъ собраній касаются

преимущественно до распоряженій и улучшеній не матеріальной части и не дотрогиваются до тактических вопросов, можетъ быть не менѣе важныхъ, чѣмъ матеріальныя. Кромѣ того, труды комиссій остаются въ большей части случаевъ неизвѣстными для военнаго общества, а то, въ чемъ мы главнѣйше нуждаемся, и заключается въ полнѣмъ знакомствѣ всей массы офицеровъ съ подробностями новой прибрежной войны и въ установленіи общими силами главныхъ, коренныхъ ея основаній. Намъ нужно, чтобы каждый артиллеристъ на береговомъ фортѣ понималъ маневры, дѣлаемые флотомъ, и изъ нихъ предугадывалъ замыслы непріятеля. Точно также мы нуждаемся и въ томъ, чтобы морской офицеръ, вступая въ борьбу съ укрѣпленіями, принималъ сразу тѣ мѣры, которыя быстрѣе всего ведутъ къ пѣлѣ, а не терялъ времени и снарядовъ въ безплодныхъ перестрѣлкахъ, или придавалъ духу противнику колебательными дѣйствіями. Подобное всестороннее знакомство съ предметомъ можетъ быть пріобрѣтено, повторяю опять, лишь соединеніемъ трудовъ представителей трехъ военныхъ специальностей, проникнутымъ стремленіемъ къ пользѣ и совершенно чистымъ отъ всякихъ предубѣжденій, или предвзятаго сословнаго недоброжелательства. Намъ не слѣдуетъ забывать, что сухопутныя и морскія силы составляютъ два лезвія одного и того же обоюдоостраго государственнаго меча. Слѣдовательно, нашъ прямой долгъ, если мы хотимъ, чтобы этотъ мечъ обладалъ полною разрушительною силою, содѣйствовать другъ другу и оказывать взаимную поддержку въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется пополнить пробѣлъ, существующій въ кругу нашихъ специальныхъ познаній, данными, извлеченными изъ другой отрасли военной науки. Въ нашемъ военномъ обществѣ не существуетъ кастъ, отличающихся другъ отъ друга условіями жизни и наружнымъ видомъ одежды, и называющихся пѣхотинцами, артиллеристами, моряками. Всѣ мы граждане-воины великой страны, предводительствуемые великимъ Государемъ, и потому, наша обязанность въ тѣсномъ союзѣ неустанно работать надъ возведеніемъ боевыхъ средствъ государства до крайней степени совершенства, подобно тому какъ разнородныя части механизма дружно дѣйствуютъ, воспроизводя какое нибудь восхитительное произведеніе современной мануфактурной техники.

Средствами для осуществленія подобныхъ общихъ трудовъ могутъ быть, какъ мнѣ кажется, спеціальныя бесѣды, въ родѣ нашей сегодняшней, и за тѣмъ печать. Въ нашемъ войскѣ, каждый видъ оружія имѣетъ свой собственный органъ, свой спеціаль- ный журналъ, пользующійся уваженіемъ и редактируемый весьма

серьезно. Можно воспользоваться подобнымъ счастливымъ обстоятельствомъ и начать разомъ съ трехъ сторонъ разработку современной прибрежной войны съ точекъ зрѣнія сухопутно-артиллерійской, морской и инженерной. Этимъ способомъ можно привлечь къ полемикѣ и втянуть въ общій трудъ офицеровъ, служащихъ далеко отъ Петербурга, — гдѣ нибудь въ Николаевѣ или Керчи. Разумѣется, при подобной методѣ, разработка предмета не можетъ идти особенно быстро, но съ этимъ соединяется выгода, что онъ будетъ обдуманъ и разобранъ вполне основательно и что специальная литература обогатится статьями капитальными. Къ тому же, и самое дѣло идетъ впередъ не такъ быстро, чтобы существовала необходимость особенно торопиться. Главная потребность заключается въ томъ, чтобы начать изслѣдованіе; все остальное составляетъ лишь подробности, почти незамѣтныя, если ихъ поставить рядомъ съ первенствующею идеею о необходимости подготовитъ себя къ военнымъ дѣйствіямъ, составляющимъ важную и вполне оригинальную часть современной боевой науки.

Я имѣю намѣреніе, мм. гг., представить вамъ сегодня нѣсколько мыслей по этому предмету, руководясь, разумѣется, воззрѣніями флотскаго офицера и разбирая преимущественно морскую сторону прибрежной войны. Въ то же время я воспользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выяснитъ нѣкоторыя неправильности, существующія во взглядахъ сухопутныхъ артиллеристовъ на наступательныя средства флота. Подобная неправильность весьма понятна, потому что происходитъ отъ незнакомства съ морскимъ бытомъ и результатами, которыхъ мы достигаемъ съ нашими современными судами и артиллеріею. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, оставлять эти понятія, въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ, для морскаго офицера невозможно. Это значило бы безапелляционно признавать справедливость ихъ и тѣмъ придать видъ законности неправильнымъ идеямъ, что можетъ повести въ военное время къ горькимъ разочарованіямъ и, слѣдовательно, дать мѣсто неблагоприятнымъ вліяніямъ и впечатлѣніямъ, всегда тягостнымъ, а иногда даже пагубнымъ въ тяжелые дни военной непогоды.

Наши сухопутные артиллерійскіе офицеры полагаютъ, что флотъ не можетъ стрѣлять мѣтко. Англійскіе артиллеристы закладываютъ иногда еще далѣе и утверждаютъ, что флотъ не умѣетъ стрѣлять мѣтко. И то, и другое мнѣніе относится главнѣйшимъ образомъ къ дѣйствію судовъ противъ прибрежныхъ укрѣпленій. Свое утвержденіе сухопутные артиллеристы основываютъ на колебательныхъ движеніяхъ корабля, которыя дѣлаютъ невозможною мѣткость прицѣльнаго огня, хотя бы у орудій стояли первые

наводчики въ мѣрѣ, прибавляютъ они. Къ подобному понятію, намъ, морскимъ офицерамъ, слѣдуетъ относиться съ величайшею осторожностью и, прежде чѣмъ высказывать свой отзывъ, подвергать его основательному и безпристрастному разбору. Намъ слѣдуетъ помнить, что подобное мнѣніе раздѣляютъ сухопутные артиллеристы почти всѣхъ государствъ, слѣдовательно, въ этомъ фактѣ трудно предполагать какое нибудь сословное пристрастіе, и скорѣе можно искать въ немъ убѣжденіе, воздвигнутое на данныхъ, имѣвшихъ, или даже можетъ быть имѣющихъ существованіе. Съ нашей стороны было бы крайнею неосторожностью отнестись къ мнѣнію пѣлаго общества офицеровъ, справедливо заслужившаго славу ученаго, съ какимъ нибудь крутымъ, безапелляціоннымъ возраженіемъ. Гораздо лучше подумать о спорномъ пунктѣ, разобрать его со всѣхъ сторонъ и тогда уже придти къ какому нибудь окончательному рѣшенію. Только при подобной методѣ мы имѣемъ возможность сохранить должное уваженіе и къ себѣ, и къ нашимъ противникамъ по мнѣніямъ. Поэтому, нельзя не пожалѣть, что намъ случается иногда слышать, и даже съ кафедръ на публичныхъ лекціяхъ, рѣзкости, нисколько не разъясняющія дѣла, а только ведущія къ еще большему упорству въ понятіяхъ, естественнымъ результатомъ чего бываетъ не польза науки, а вредъ для нашего общаго дѣла.

Я позволяю себѣ думать, мил. гос., что и понятія сухопутныхъ артиллеристовъ, и французская пословица, что четыре орудія на берегу сильнѣе лнѣйнаго корабля, составились основательно. Вспомните то безобразное состояніе, въ которомъ находилась морская артиллерія, сравнительно еще недавно, и въ матеріальномъ, и въ элементарномъ отношеніи. До нельсоновскихъ погромовъ, т. е. до начала нынѣшняго вѣка, моряки даже не думали, что надо учиться дѣйствію артиллеріи; все ихъ вниманіе поглощалось парусами и маневрированіемъ. Давно ли завелись артиллерійскіе корабли; давно ли морское орудіе приобрѣло себѣ стапокъ, прицѣлъ и принадлежность, въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствующіе своему назначенію? При отвѣтахъ на все это, придется упоминать лишь о десяткахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ только о единицахъ лѣтъ. Между тѣмъ флотъ и прибрежное укрѣпленіе, вооруженные артиллеріею, существуютъ уже три столѣтія и во все это время прибрежно-крѣпостная артиллерія имѣла превосходство надъ морскою, обладая неподвижною платформою, а слѣдовательно и преимуществомъ въ мѣткости, которое доставляло береговымъ укрѣпленіямъ несоразмѣрныя выгоды надъ флотомъ. Прибавимте къ этому, что моряки не вырабатывали себѣ ника-

нихъ методъ для борьбы съ крѣпостями, а шли въ бой съ ними, придерживаясь тѣхъ же понятій, съ каковыми вступали въ схватку съ непріятельскою эскадрою. Отсюда происходили бѣшенныя изверженія флотомъ снарядовъ, засоренія побережья ядрами, результатомъ чего бывали ничтожныя факты и справедливыя насмѣшки сухопутныхъ артиллеристовъ. Во всемъ этомъ, намъ, морскимъ офицерамъ, слѣдуетъ сознаться, нисколько не стараясь скрыть справедливыхъ фактовъ и только сожалѣя, что наши предшественники мало разрабатывали весьма важную часть боевой организаціи флота и оставили намъ въ наслѣдіе нелегкое изслѣдованіе надъ цѣлымъ отдѣломъ морской войны, который теперь пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія.

Въ настоящее время, прежній ходъ дѣлъ радикально измѣнился: Морская артиллерія поднялась на высоту, до нынѣ небывалую, можно даже сказать, что въ матеріальномъ отношеніи она оставила за собою крѣпостную и, кромѣ того, временно обогнала ее относительно величины калибровъ. Флоты завели у себя артиллерійскіе корабли для спеціальнаго подготовленія комендоровъ. Ученіе у орудій усовершенствовано. Практическія занятія артиллеріею занимаютъ первое мѣсто въ продолженіе плаваній какъ отдѣльныхъ судовъ, такъ и большихъ эскадръ. Слѣдствіемъ всего этого является тотъ фактъ, что морская артиллерія, вмѣсто прежняго незавиднаго положенія, пріобрѣтаетъ теперь дѣйствительно грозное значеніе и получаетъ возможность съ успѣхомъ бороться съ прибрежными укрѣпленіями.

Такимъ образомъ, издавна установившееся мнѣніе сухопутныхъ артиллеристовъ, что огонь флота не обладаетъ мѣткостью, должно быть подвергнуто значительнымъ измѣненіямъ. Кромѣ того, мнѣ кажется, что имъ слѣдуетъ разобрать аналитически тѣ обстоятельства, которыя обуславливаютъ мѣткость судовой артиллеріи. Наши опоненты полагаютъ, что морское орудіе лишено этого качества, благодаря своему подвижному основанію, т. е. благодаря качкѣ, боковой и килевой. Разумѣется, колебательныя движенія судна составляютъ для насъ главную помѣху, но вмѣстѣ съ тѣмъ, кому изъ морскихъ офицеровъ не извѣстно, что совершенство матеріальной части, точность прицѣловъ, хорошая выдѣлка снарядовъ, надлежащая сила пороха, быстрота передачи огня заряду, могутъ, если не совершенно, то до весьма значительной степени уничтожить ихъ дурное вліяніе. Качка, взятая абсолютно, не вредна для нашей артиллеріи, если эта артиллерія совершенна въ матеріальномъ отношеніи. Вѣдь стрѣлокъ бьетъ же птицъ на лету, но для этого ему нужно имѣть ружье, которое производило

бы выстрѣлъ въ потребный моментъ, безъ чего его заряды станутъ пропадать даромъ, не принося пользы. Прежде, во времена наведенія орудій по металлу или по примитивнымъ прицѣламъ, при господствѣ пальниковъ, а еще болѣе при непомѣрно большихъ зазорахъ и дурной выдѣлкѣ снарядовъ, морская артиллерія во время качки почти не обладала мѣткостью. Теперь же, съ усовершенствованіемъ матеріальной части орудій, снарядовъ, пороха прицѣловъ и способовъ передачи огня заряду, мѣткость судовой артиллеріи на качкѣ возрасла до очень значительной степени. Есть надежда, что когда на судахъ будутъ введены способы для стрѣльбы изъ каждаго отдѣльнаго орудія при помощи электричества, то мѣткость судового артиллерійскаго огня поднимется еще болѣе и постепенно дойдетъ до желательнаго безукоризненнаго совершенства. Разумѣется, природа всегда будетъ ставить извѣстные предѣлы возможному дѣйствию морской артиллеріи. Какъ бы ни была хороша она, но въ сильную качку, во время шторма, мы не расширимъ орудій и не вступимъ въ бой. Въ этомъ намъ помѣшаетъ мысль о безопасности судна и бесполезной тратѣ снарядовъ. При обыкновенныхъ же обстоятельствахъ плаванія, при умѣренномъ волненіи и качкѣ, розмахи которой не превышаютъ 10° въ каждую сторону, современная морская артиллерія, при совершенствѣ всей принадлежности и приборовъ, можетъ рассчитывать на 70% удачныхъ выстрѣловъ, если расстояние до непріятеля не будетъ превышать шести кабельтовыхъ, т. е. 600 сажень.

Сухопутные артиллеристы стараются обыкновенно доказывать недостатки мѣткости судовой артиллеріи примѣнительно къ прибрежнымъ укрѣпленіямъ. Свои утвержденія они также основываютъ на колебательныхъ движеніяхъ судна, т. е. на качкѣ. На это намъ слѣдуетъ попросить нашихъ опонентовъ вспомнить, что прибрежные форты и батареи защищаютъ обыкновенно входы на рейды, фарватеры, проливы, устья рѣкъ и проч., т. е. мѣстности, гдѣ вода бываетъ преимущественно спокойна и гдѣ болѣе волненіе представляетъ исключительный случай. Кромѣ того, атакующій флотъ имѣетъ всегда возможность выбирать для своихъ нападеній противъ крѣпостей такія обстоятельства погоды и такое состояніе моря, при которыхъ не будетъ даже признаковъ качки, происходящей отъ волненія. При этомъ, въ большей части случаевъ, мы имѣемъ возможность становиться на якорь, заводить ширинги, т. е. приводить себя почти въ такое же неподвижное состояніе, какъ и батареи, которыя мы собираемся разрушить или обстрѣливать. Выбѣтъ съ тѣмъ, флотъ не лишенъ и

способовъ для вѣрнаго опредѣленія разстояній до цѣли. Целенніи примѣтныхъ мѣстъ, нанесенные на карту, дадутъ весьма близко стояніе корабля отъ форта при дальнемъ артиллерійскомъ боѣ, а высота укрѣпленія, снятая угломернымъ инструментомъ, опредѣлитъ его при близкомъ боѣ. Такимъ образомъ, мѣткость морской артиллеріи, обстрѣливающей въ тихую погоду прибрежныя укрѣпленія, не должна ни въ чемъ уступать мѣткости крѣпостныхъ орудій, потому что условія дѣйствія обоихъ почти одинаковы, такъ какъ одна сторона пользуется абсолютною, а другая относительно неподвижною платформою.

Это обстоятельство, впрочемъ, весьма ясно и для партизановъ прибрежнаго укрѣпленія, такъ какъ они налегаютъ главнѣйшимъ образомъ на качку, происходящую отъ перемѣщеній центра тяжести корабля во время отката орудій отъ борта. Подобный доводъ не вполне основателенъ, а потому и не убѣдителенъ. Во время отката орудій дѣйствительно происходятъ колебанія судна съ боку на бокъ, но колебанія незначительныя, плавныя и всегда легко контролируемыя во время стрѣльбы. Размахи ихъ не превосходятъ 3 градусова въ одну сторону, и то во время залпа; обыкновенную же величину ихъ можно положить въ $1\frac{1}{2}$ градуса, а число размаховъ въ одну минуту въ каждую сторону отъ одного до трехъ. Такимъ образомъ, каждая точка борта, а вмѣстѣ съ нею и всѣ орудія будутъ описывать 1 градусъ, благодаря боковой качкѣ, въ 4—5 секундъ, что не можетъ произвести вліянія на мѣткость стрѣльбы. Къ этому я долженъ прибавить, что для насъ, моряковъ, небольшая боковая качка во время дѣйствія артиллеріи составляетъ даже предметъ желаній, такъ какъ при колебательныхъ движеніяхъ судна съ борта на бортъ вертикальное наведеніе орудій облегчается въ значительной степени и вслѣдствіе этого огонь артиллеріи приобретаетъ большую живость. Боковая качка производитъ дурное вліяніе на мѣткость только благодаря промежутку времени между разрѣшеніемъ трубки и вылетомъ снаряда изъ орудія, который у нѣкоторыхъ длинныхъ, стрѣляющихъ медленно горящими порохомъ орудій, бываетъ не малъ. При обстрѣливаніи же прибрежныхъ укрѣпленій во время спокойнаго состоянія моря, боковая качка, происходящая отъ перемѣщеній центра тяжести, не можетъ производить на стрѣльбу неблагоприятнаго вліянія. Размахи ея ничтожны и медленны, а огонь артиллеріи не торопливъ; слѣдовательно, комендоры всегда имѣютъ возможность тщательно принимать ее въ соображеніе и посылать свои выстрѣлы въ должный моментъ и по должному направленію.

Мнѣ кажется, что сухопутные артиллеристы, стараясь доказать

превосходство береговых укрѣпленій надъ флотомъ, воздвигаютъ свои утвержденія не на вполне вѣрномъ основаніи. Вступая въ споры съ моряками, они принимаютъ въ расчетъ почти исключительно сравнительную дѣйствительность двухъ артиллерій, прибрежно-крѣпостной и нашей судовой, т. е. рассматриваютъ предметъ слишкомъ специально, такъ сказать, слишкомъ увѣекаются своими орудіями. И это весьма понятно; для артиллериста пушка есть его гордость. Съ мыслью о ней, у него соединяются идеи о наукѣ, славѣ и побѣдѣ, точно также какъ и для насъ корабль составляетъ предметъ привязанности и глубокихъ, задушевныхъ думъ. Но если начать разбирать вопросъ вполне безпристрастно, то конечнымъ результатомъ будетъ, что современные крѣпостная и морская артиллеріи не уступаютъ другъ другу относительно силы и дѣйствительности своихъ орудій. Почти во всѣхъ государствахъ флоты и прибрежныя укрѣпленія вооружены одинаковыми калибрами. Что же касается до управленія этими орудіями, то я не хочу допустить, чтобы которая-либо изъ сторонъ уступала въ этомъ отношеніи другой. Я предполагаю, что обѣ стороны обладаютъ равнымъ искусствомъ, равною опытностью и одинаковымъ стремленіемъ къ торжеству надъ противникомъ. Главный перевѣсъ береговаго укрѣпленія надъ кораблемъ заключается, по моему мнѣнію, не въ силѣ артиллеріи, а въ толщинѣ стѣнъ и брустверовъ, которая даетъ ему возможность почти безнаказанно состязаться со флотомъ. Въ военномъ дѣлѣ принимается за аксіому, что тотъ, кто долѣе удерживаетъ за собою поле сраженія, имѣетъ право считать себя побѣдителемъ. Относительно флота эта истина находится въ большой зависимости отъ матеріальной обстановки, отъ толщины брони и подкладки. Такимъ образомъ, броненосное судно можетъ рассчитывать на побѣду надъ неброненоснымъ, не потому, чтобы между ними была какая-нибудь разница въ способахъ для взаимнаго разрушенія, или въ личной храбрости служащихъ, а потому, что время, въ которое они могутъ дойти до одинаковой степени негодности, не равно для каждаго изъ нихъ. Броненосецъ въ состояніи держаться, можетъ быть, въ десять разъ долѣе, чѣмъ его неблиндированный противникъ. Тоже самое вполне применимо и къ борьбѣ прибрежныхъ укрѣпленій со флотомъ. Толщина стѣнъ фортовъ и покрывающей ихъ броневой одежды можетъ быть доведена до произвольныхъ, даже колоссальныхъ размѣровъ, которая дадутъ прибрежному укрѣпленію возможность переносить самый сильный огонь корабля гораздо долѣе, чѣмъ послѣдній станетъ выдерживать дѣйствіе форта. Вотъ въ этомъ обстоятельствѣ и заключается главная причина, по которой прибрежное укрѣпле-

ніе можетъ рассчитывать на перевѣсъ надъ кораблемъ. Я полагаю, что мы, морскіе офицеры, должны сознаться, что произведеніе сухопутнаго инженера, выполненное по всѣмъ указаніямъ новѣйшей науки, со всѣми современными усовершенствованіями, сильнѣе послѣднихъ типовъ нашихъ броненосцевъ и при равной силѣ и степени организации артиллеріи съ обѣихъ сторонъ, должно укрывать своихъ защитниковъ болѣе продолжительное время, чѣмъ панцирные борта его непріятеля.

Правда, что флоты получаютъ въ скоромъ времени суда, которыя будутъ покрыты 8, 9 и даже 11-дюймовою броней и станутъ носить 600 и 1000 фунтовыхъ орудій. Береговымъ укрѣпленіямъ старыхъ системъ будетъ трудно состязаться съ подобными силами-противниками. Но за то, мы уже теперь видимъ какъ новыя береговыя батареи готовятся одѣться 13-ти дюймовою броней и тѣмъ собираются снова опустить внизъ свою чашку вѣсовъ. Толщина судовой брони имѣетъ предѣлъ, далѣе котораго ей идти невозможно безъ рѣшительнаго вреда морскимъ качествамъ корабля, въ то время какъ толщина стѣнъ и желѣзной одежды береговыхъ укрѣпленій можетъ расширяться до гигантскихъ размѣровъ. Такимъ образомъ, нельзя сомнѣваться, что абсолютное превосходство въ силѣ прибрежной защиты надъ флотомъ удержится и въ будущемъ, если только не произойдетъ перемѣнъ въ нынѣшнихъ приѣмахъ морской войны, или не будетъ отыскано новыхъ средствъ разрушенія, болѣе могучихъ, чѣмъ огонь артиллеріи.

Отдавая такимъ образомъ прибрежнымъ укрѣпленіямъ перевѣсъ въ силѣ надъ флотомъ, я вовсе не хочу сказать, мм. гг., что флотъ не можетъ бороться съ береговыми фортами и батареями. Абсолютная сила противника не составляетъ еще препятствія, которое могло бы удерживать военныхъ людей отъ исполненія своего долга, или помѣшать имъ въ попыткѣ сломить ее. Хорошо обдуманное приѣмы атаки флота противъ укрѣпленій и искусное выполненіе ея могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ доставить морякамъ побѣду въ схваткѣ грудью съ грудью съ береговою защитою. Характеръ нашей службы развиваетъ въ насъ стойкость, необходимую для преодоленія препятствій, и приучаетъ насъ брать знаніемъ и ловкостью то, чего нельзя взять прямо силою. Поэтому, если бы кто-нибудь изъ насъ осмѣлился сказать, что флоту не слѣдуетъ вступать въ бой съ береговыми укрѣпленіями, такъ какъ сила послѣднихъ превосходитъ дѣйствительность кораблей, то я не сомнѣваюсь, что онъ составилъ бы себѣ весьма печальную славу въ кругу своихъ сослуживцевъ и товарищей и горько раскаялся бы потомъ въ своемъ поспѣшно-высказанномъ утвржденіи.

Даже, есть одинъ видъ прибрежныхъ укрѣпленій, который, по моему мнѣнію, долженъ уступать по силѣ своей дѣйствительности флоту. Я разумѣю береговыя земляныя батареи, бруствера которыхъ не въ состояніи сопротивляться сферическимъ снарядамъ огромнаго калибра, не меньшаго, чѣмъ 15-ти дюймовый, или цилиндрико-коническимъ бомбамъ, вѣсомъ не менѣе какъ въ 200 фунтовъ. Въ этомъ случаѣ, изреченъ въ прочности защиты принадлежитъ броненоснымъ судамъ, за которыми, слѣдовательно, должно остаться поле сраженія. Впрочемъ, тутъ есть одно обстоятельство, придающее особенный характеръ борьбѣ флота съ земляными укрѣпленіями. Это — легкость, съ которою послѣднія могутъ быть исправлены послѣ сраженія и, слѣдовательно, снова приводимы въ готовность въ продолженіи боя. Такимъ образомъ, если флоту нужно уничтожить какой-нибудь стратегическій пунктъ, состоящій изъ земляныхъ укрѣпленій, то онъ долженъ дѣлать это сразу и капитальнымъ образомъ, потому что, въ противномъ случаѣ, ему придется повторить мифологическую сказку о головахъ гидры, снова выросавшихъ послѣ ударовъ Геракла. Случиться можетъ, что въ этихъ обстоятельствахъ понадобится употребить даже десантъ, чтобы докончить то разрушеніе, которое было произведено снарядами. Земляныя укрѣпленія, уступающія каменнымъ и желѣзнымъ въ прочности, имѣютъ большое преимущество передъ ними относительно быстроты сооруженія. Такимъ образомъ, флотъ, вступая въ борьбу съ ними, долженъ помнить это боевое качество своихъ противниковъ и всегда принимать его въ соображеніе; иначе, можетъ случиться, что самыя энергическія и блистательныя дѣйствія приведутъ лишь въ незначительнымъ результатамъ.

Съ другой стороны, толщина стѣнъ береговаго укрѣпленія можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не составлять категорическаго перевѣса надъ судовыми бортами. Все зависитъ отъ очертанія и расположенія форта или батареи и отъ расчета, съ которымъ поставлены орудія на его фасахъ. Если, напримѣръ, фортъ имѣетъ круглый видъ и можетъ сосредоточить по тому же направленію не болѣе четырехъ, или пяти орудій каждаго яруса, то два броненосные фрегата, ставъ рядомъ, будутъ способны, при скоромъ и расчитанномъ огнѣ, не только достигнуть равновѣсія въ быстротѣ прихода въ негодность, но даже передать эту невыгоду на сторону своего противника. Точно также, если которая-либо часть береговаго укрѣпленія будетъ вооружена недостаточно сильно, чтобы вмѣстѣ со своею защитою превосходить, или по крайней мѣрѣ равняться суммѣ дѣйствительности броненоснаго борта и судовой артиллеріи, то огонь флота долженъ взять верхъ надъ прочностью

и дѣйствиємъ прибрежнаго укрѣпленія. Такимъ образомъ, случайности должны играть весьма важную роль въ прибрежной морской войнѣ и флоту никогда не слѣдуетъ покидать мысли о возможности успѣшной борьбы съ береговою защитою, не смотря на то, что всѣ невыгоды находятся на его сторонѣ.

Мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ приѣмовъ борьбы флота съ прибрежными укрѣпленіями. Для того, чтобы выполнить это надлежащимъ образомъ, слѣдовало-бы, по настоящему заняться самымъ широкимъ критическимъ разборомъ всѣхъ прошлыхъ схватокъ кораблей съ фортами и батареями, обращая вниманіе на мелкія подробности, анализируя каждое поврежденіе, полученное береговымъ укрѣпленіемъ, — но для подобной работы нужно время, а для передачи ея результатовъ потребна не одна, а нѣсколько бесѣдъ. Поэтому, не отрицая у себя права выполнить эту задачу въ будущемъ, я ограничусь сегодня лишь общими взглядами на борьбу флота съ береговою защитою и стану лишь изрѣдка прибѣгать къ совершившимся фактамъ, когда тотъ, или другой доводъ потребуетъ доказательствъ, болѣе сильныхъ, чѣмъ выведенныя путемъ личныхъ взглядовъ и умозаключеній.

Мнѣ кажется, мм. гг., что какъ нѣкоторые морскіе офицеры, такъ и сухопутные артиллеристы ошибаются, допуская возможность битвы флота съ укрѣпленіями при большихъ разстояніяхъ, напр. при дистанціяхъ въ 1500 и 2000 сажень. Я полагаю, что обусловленный такимъ образомъ, огонь, какъ со флота, такъ и съ фортовъ, не станетъ приносить существенной пользы. Въ немъ не будетъ не только мѣткости, но и потребной силы разрушенія. При отдаленіи въ 15 кабельтовъ, или 1500 сажень, броневосемь, длиною въ 300 фут. и съ высотой борта въ 25 футъ, будетъ представлять для своего противника угловыя величины: по длинѣ, въ $1^{\circ} 54'$, а по высотѣ борта въ $10'$. Онъ же, при разстояніи въ 20 кабельтовъ или 2000 сажень, представитъ угловыя величины: по длинѣ въ $1^{\circ} 16'$, а по высотѣ въ $7'$. Береговой фортъ, вышиною въ 75 футъ и длиною въ 200 футъ, представитъ при разстояніи въ 1500 сажень, угловыя величины: въ вышину $30'$, а въ длину $1^{\circ} 16'$; при разстояніи же въ 2000 сажень онъ будетъ имѣть для непріятеля вышину $22'$, а длину въ $58'$. Для тѣхъ изъ моихъ слушателей, которые не имѣютъ нашей морской привычки быстро прикидывать градусныя величины въ обыкновеннымъ приѣмамъ глазомѣра, я напомню, что угловая величина луннаго поперечника равняется $32'$. Для вѣрности прицѣливанія стрѣляющій нуждается не столько въ ширинѣ мишени, сколько въ высотѣ ея. При разстояніяхъ, которыя мы разбираемъ, фортъ будетъ казаться для корабля вышиною

*

или въ одинъ, или въ двѣ трети діаметра луны, а корабль, въ свою очередь, будетъ представляться для форта высотой въ одну треть и одну четверть луннаго поперечника. Я принялъ, въ добавокъ, обстоятельства, не всегда случающіяся, т. е. береговое укрѣпленіе значительной высоты и броненосное судно большой длины и съ высокимъ бортомъ. По большей части, будущія схватки флота и береговой защиты стануть происходить между батареями, имѣющими незначительную высоту профиля, и кораблями съ низкимъ бортомъ. Кромѣ того, корабль не всегда будетъ стоять, оборотившись лагомъ къ укрѣпленію; онъ будетъ нерѣдко помѣщаться къ нему косвенно, а иногда даже поворачиваться носомъ. Такимъ образомъ, является вопросъ, — можно ли рассчитывать на обоюдную мѣткость огня при подобныхъ невыгодныхъ положеніяхъ. Случайныя попаданія, разумѣется, происходятъ будутъ, но развѣ онѣ въ состояніи повести къ какимъ-нибудь рѣшительнымъ послѣдствіямъ? Полученные результаты не окупятъ сдѣланныхъ издержекъ и не произведутъ никакого стратегическаго дѣйствія.

Что же касается до степени разрушенія, которое могутъ произвести современные орудія, то въ этомъ случаѣ оно будетъ ничтожно. На полторы и двѣ тысячи сажень ни береговыя укрѣпленія флоту, ни обратно, флотъ береговымъ укрѣпленіямъ существенно повредить не въ состояніи. Все дѣйствіе снарядовъ ограничится царапинами на судовой бронѣ и небольшими выбоинами на одеждѣ батарей. Обоюдныя поврежденія будутъ до такой степени незначительны, что случиться можетъ, ихъ не удостоятъ даже исправленіями. По крайней мѣрѣ, относительно новыхъ броненосныхъ судовъ, мы имѣемъ право поручиться въ этомъ.

Мысль о дальнемъ артиллерійскомъ боѣ флота съ крѣпостями начала занимать спеціалистовъ лишь съ недавняго времени, съ тѣхъ поръ какъ наръзныя орудія блистательно выказали на сухомъ пути дальность полета и мѣткость попадания своихъ снарядовъ. Къ этому присоединились впечатлѣнія, оставшіяся послѣ восточной войны, когда англо-французскій флотъ обстрѣливалъ нѣкоторыя изъ нашихъ укрѣпленій съ большихъ разстояній, стараясь избѣгать поврежденій. Подобный взглядъ на дѣло имѣлъ основаніе, пока эскадры составлялись изъ судовъ, незащищенныхъ броней, для которыхъ каждая разорвавшаяся въ бортѣ бомба грозила уничтоженіемъ. Имѣя возможность бросать снаряды съ большихъ разстояній, флоту было выгодно держаться дальше отъ укрѣпленій, чтобы самому быть гарантированнымъ отъ пробоя. Точно такой же взглядъ существовалъ нѣкоторое время въ обществѣ моряковъ и относительно артиллерійскаго боя судна съ судномъ, имѣя бази-

сомъ ту же идею, что нарѣзное орудіе даетъ возможность бить противника издалека, а самому держаться вѣ его выстрѣловъ. Но съ принятіемъ брони для защиты судовыхъ бортовъ и особенно съ ея современнымъ утолщеніемъ, подобныя понятія потеряли всякую состоятельность. Дальній артиллерійскій бой при нынѣшнихъ средствахъ судовой и крѣпостной обороны есть ничто иное какъ раззорительная трата снарядовъ, неприводящая ни къ какому результату и только ведущая къ потерѣ времени.

Есть, впрочемъ, одинъ видъ дальняго артиллерійскаго боя, который имѣетъ за себя большое число защитниковъ, и какъ можно думать, долго сохранитъ еще свое обаяніе между военными моряками. Я разумѣю бомбардированіе, боевой приѣмъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствительно опасный для непріятеля, но въ другихъ— неприводящій ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Если флотъ имѣетъ дѣло съ укрѣпленіемъ старинной постройки, съ пороховыми и бомбовыми погребами, во время сооруженія которыхъ въ расчетъ принималась морская артиллерія былой эпохи, — то, понятно, бомбардированіе должно быть существенно полезно и дать удовлетворительные результаты. Но если корабли должны сражаться съ новѣйшею береговою обороною, гдѣ положено все знаніе инженера, чтобы обезпечить пороховые и бомбовые погреба отъ дѣйствія навѣсныхъ выстрѣловъ и вообще не оставить внутри форта ни одного угла, способнаго загорѣться, то въ этомъ случаѣ бомбардированіе не можетъ принести особенной пользы. Тамъ, гдѣ нечему взлетѣть на воздухъ, или загорѣться, сплошные снаряды достигаютъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ пустотѣлые. Новыя прибрежныя укрѣпленія, воздвигаемыя въ настоящее время въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ и у насъ въ Россіи, способны, безъ сомнѣнія, безнаказанно выдержать весьма сильныя бомбардировки. Флотъ, который начнетъ бить ихъ навѣсно бомбами, потеряетъ, по моему мнѣнію, только время и затратитъ огромную сумму денегъ въ видѣ непринесшихъ пользы снарядовъ. Что же касается до бомбардированія городовъ, то есть надежда, что при быстромъ, современномъ развитіи международнаго права, подобные возмутительные факты не будутъ имѣть мѣста въ грядущее время и что для приморскаго торговаго города лучшею защитою будетъ его беззащитность.

Мы рассмотримъ теперь, мн. гг., борьбу флота съ укрѣпленіями съ такого разстоянія, которое, по мнѣнію многихъ, должно наиболѣе часто встрѣчаться въ будущемъ и которое составляетъ весьма хорошую дистанцію для дѣйствія изъ новыхъ нарѣзныхъ и гладкостѣнныхъ орудій. Это разстояніе отъ пяти до семи кабельтовыхъ

или отъ 500 до 700 сажень, которое при одиночной схваткѣ судна съ судномъ можетъ считаться въ числѣ дистанцій дальняго артиллерійскаго боя, а при борьбѣ флота съ укрѣпленіями должно быть названо среднимъ. При подобномъ разстояніи, бой судовъ съ укрѣпленіями не можетъ не быть дѣйствительнымъ и долженъ сопровождаться обоюдными поврежденіями, болѣе или менѣе способными повліять на исходъ сраженія. Продолжая держаться того же мнѣнія, что мѣткость вѣрностной и судовой артиллеріи одинакова, я прибѣгну къ фактамъ, чтобы опредѣлить приблизительно тотъ процентъ удачныхъ выстрѣловъ, который будетъ имѣть мѣсто при этомъ разстояніи. 6 сентября 1866 года, во время смотровой пальбы въ цѣль на транзундскомъ рейдѣ, мониторы «Стрѣлецъ», «Единорогъ» и «Лава», стрѣляя на ходу, при скорости, достигавшей до 5 узловъ, въ щитъ длиною въ 35 и вышиною въ 20 футовъ, при среднемъ разстояніи до цѣли въ шесть кабельтовоу, получили 77, 87 и 93 процента удачныхъ выстрѣловъ. Орудія были 9 и 10³/₄ дюймовыя гладкостѣнныя; заряды въ 30 и 40 фунтовъ. Въ тотъ же день, батарея «Не тронь меня», вооруженная 8 дюймовыми нарезными орудіями Круппа, стрѣляя на ходу при скорости 3-хъ узловъ, въ щитъ длиною въ 50 и вышиною въ 20 футовъ, съ разстоянія до цѣли въ 700 сажень, получила 76% удачныхъ выстрѣловъ. Въ прошломъ году, 4-го сентября, учебно-артиллерійскій фрегатъ «Севастополь», стрѣляя на ходу, съ разстоянія 600 сажень, противъ щита длиною въ 6 и вышиною въ 3 сажени, получилъ для нарезныхъ 8-дюймовыхъ орудій 87% удачныхъ выстрѣловъ. Среднее изъ этихъ чиселъ, т. е. 86% можно принять нормальнымъ и для разсматриваемаго нами случая. Такимъ образомъ становится яснымъ, что какъ для броненосца, такъ и для береговаго укрѣпленія, артиллерійскій бой съ разстоянія въ 600—700 сажень долженъ быть соединенъ съ значительнымъ числомъ попаданій, а слѣдовательно и съ неминуемыми поврежденіями.

Было-бы въ высокой степени интересно опредѣлить, хотя приблизительно, характеръ и степень опасности этихъ поврежденій. Разумѣется, вопросы, подобные настоящему, не могутъ быть рѣшаемы гипотетически и нуждаются для своей разработки въ значительномъ количествѣ фактовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ случиться, что мы еще не скоро получимъ въ наше распоряженіе результаты опытовъ, способные выяснить должнымъ образомъ тѣ шансы на поврежденія, которые предстоятъ прибрежнымъ укрѣпленіямъ и броненоснымъ судамъ при артиллерійской борьбѣ другъ съ другомъ. Поэтому, я полагаю, что подобная обстановка дѣла

может оправдать всякую попытку приблизиться, хотя бы въ отдаленному разъясненію вопроса. Итакъ, я попрошу васъ, мм. гг., представить себѣ, что противъ прибрежной батареи, вооруженной напр. 12 наръзными орудіями 8-дюймового калибра, дѣйствуютъ съ разстоянія 600—700 сажень два 24-пушечные фрегата, вооруженные такою же артиллеріею. Такимъ образомъ, число орудій одного борта у обоихъ броненосцевъ выстрѣлъ будетъ равняться 20. Мнѣ неизвѣстно съ какою скоростью прислуга береговыхъ батарей управляется обыкновенно со своими 8-дюймовыми наръзными орудіями, но положимъ, что наша предполагаемая батарея дѣлаетъ изъ cadaго орудія одинъ выстрѣлъ въ 5 минутъ. При быстрой стрѣльбѣ, 8-дюймовая наръзная морская пушка можетъ дѣлать одинъ выстрѣлъ въ 3 минуты, но положимъ, что въ нашемъ случаѣ оба фрегата дѣлаютъ выстрѣлъ изъ cadaго орудія также въ 5 минутъ. Такимъ образомъ, въ полчаса дѣйствія береговая батарея произведетъ 72 выстрѣла и выпуститъ 13824 фунта металла. Изъ этого числа, по нашему предположенію, попадетъ въ цѣль только 66 снарядовъ. Фрегаты въ то же время сдѣлаютъ 120 выстрѣловъ, или выпустятъ 23040 фунтовъ металла, изъ которыхъ попадетъ въ цѣль только 103 снаряда, или 19776 фунтовъ металла. По опытамъ, сдѣланнымъ въ Англіи въ январѣ 1861 года надъ разбитіемъ двухъ прибрежныхъ оборонительныхъ башенъ мартелло, одной изъ 32-хъ и 68-фунтовыхъ гладкостѣнныхъ орудій, а другой изъ наръзныхъ 5, 6 и 7-дюймового калибра, съ разстоянія въ 500 сажень, оказалось, что одинъ фунтъ металла въ сферическомъ снарядѣ выламываетъ 0,3 куб. фута кирпичной кладки, а фунтъ металла въ цилиндро-коническомъ снарядѣ производитъ на 50 процентовъ болѣе разрушительнаго дѣйствія, т. е. отбиваетъ отъ кирпичной стѣны 0,45 куб. фута. Принимая, что 8-дюймовые снаряды при нашихъ сильныхъ зарядахъ, будутъ имѣть на 700 саженьхъ ту же скорость, которою обладали на англійскихъ опытахъ 6 и 7 дюймовые при сравнительно меньшихъ зарядахъ, т. е. 920 футъ въ секунду, мы получимъ, что оба фрегата отобьютъ отъ батареи, если она облицована кирпичемъ, 8900 куб. футъ, или 26 куб. сажень ея одежды въ продолженіе получаса. Если батарея одѣта камнемъ, то разрушительное дѣйствіе снарядовъ будетъ нѣсколько менѣе. Опыты, произведенные въ Мелѣ въ 1834 году, показали, что камень представляетъ снарядамъ на 25 процентовъ болѣе сопротивленія, чѣмъ кирпичная кладка. Такимъ образомъ, въ нашемъ примѣрѣ, если береговое укрѣпленіе одѣто гранитомъ, то фрегаты отобьютъ отъ ея наружной стѣны въ продолженіе получаса 6675 куб. футъ, или 19 куб. сажень облицовки. Если

батарея будетъ покрыта броней, то разрушительное дѣйствіе фрегатскихъ орудій, при разстояніи до цѣли въ 700 сажень, будетъ, какъ можно полагать, незначительное. Разумѣется, все будетъ зависѣть отъ толщины брони, покрывающей укрѣпленіе, и размѣровъ его стѣнъ, но въ настоящее время невозможно допустить, чтобы прибрежныя батареи могли одѣваться иначе, какъ самыми толстыми плитами. Впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлано опытовъ, способныхъ выяснитъ характеръ поврежденій, наносимыхъ судовыми орудіями противъ крѣпостной брони, всѣ наши мнѣнія и предположенія могутъ быть только гадательными. Англія уже начала испытывать крѣпостныя броневыя плиты; вѣроятно, вскорѣ за нею послѣдуютъ и другія государства. Такимъ образомъ должны постепенно выработаться данныя, на основаніи которыхъ можно будетъ составить понятіе о борьбѣ флота съ броненосными укрѣпленіями и о тѣхъ поврежденіяхъ, которымъ станутъ подвергаться при этомъ обѣ стороны.

Мы рассмотрѣли, хотя довольно гипотетически, степень разрушенія, которое могутъ произвести два броненосные фрегата въ полчаса дѣйствія противъ кирпичнаго или каменнаго укрѣпленія съ разстоянія въ 700 сажень. Теперь является вопросъ, — способно-ли это разрушеніе заставить батарею замолчать, или сдаться. Я, разумѣется, не могу отвѣтить на это такъ же specially, какъ отвѣтилъ бы военный инженеръ, но полагаю, что нѣтъ и что батарея будетъ продолжать свой огонь съ прежнею дѣйствительностью. Случиться можетъ, что три или четыре орудія будутъ при этомъ подбиты и прекратятъ стрѣльбу; весьма возможно также, что одна или двѣ амбразуры будутъ засыпаны, но во всякомъ случаѣ береговое укрѣпленіе сохранить не менѣе двухъ третей своего вооруженія и станетъ продолжать бой съ такою же энергіею, какъ прежде.

Теперь мы перейдемъ на сторону броненосцевъ и посмотримъ какъ они выдержатъ сраженіе. Мы предположили, что въ полчаса въ нихъ попадетъ 66 снарядовъ. Допустимъ, что одна треть изъ этого числа ударится въ такія мѣста, поврежденія которыхъ не могутъ повліять на ходъ боя, какъ то: въ верхнюю часть баргоута, въ капитанскую башню, въ дымовую трубу и проч. Остальныя двѣ трети, т. е. 44 выстрѣла, распредѣлятся между обоими судами, положимъ хоть поровну, т. е. по 22 на каждое, и лягутъ въ нижнюю часть баргоута, по линіи батареи и нѣскольکو снарядовъ попадетъ даже въ подводную броню. Спрашивается, какое вліяніе произведетъ огонь крѣпостной артиллеріи противъ нашихъ броненосцевъ? Отвѣтить на это вполне точно также чрезъ-

вычайно трудно. 8 дюймовые снаряды пробиваютъ съ разстоянія 700 сажень 6-дюймовую броню. Такимъ образомъ, если наши фрегаты имѣютъ броню толщиною въ шесть дюймовъ, или менѣе, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что всѣ снаряды прибрежнаго укрѣпленія произведутъ свое дѣйствіе, т. е. пробьютъ блиндированный бортъ. Поврежденія, которыя они сдѣлаютъ въ стѣнахъ кораблей, выразятся главнымъ образомъ круглыми, правильно окраенными пробитіями, задрать которыя будетъ не особенно трудно. Разрывные снаряды наврядъ ли произведутъ свое дѣйствіе при разстояніи въ 600—700 сажень и, кромѣ того, нельзя предположить, чтобы крѣпость стрѣляла по броненосцамъ исключительно бомбами. Поэтому намъ слѣдуетъ принять, что большая часть поврежденій, полученныхъ нашими двумя фрегатами, будетъ сдѣлана сплошными снарядами. Двадцать или тридцать пробитій въ броненосномъ бортѣ, въ особенности нанесенныхъ цилиндро-коническими ядрами, только пробивающими, но не разрушающими броню, не могутъ заставить современное судно оставить поле сраженія. Если внутри его разорвется нѣсколько непріятельскихъ бомбъ, то дѣйствіе ихъ будетъ страшно главнымъ образомъ относительно разрушенія матеріальной части и пораженія людей, но не въ смыслѣ пожара, такъ какъ для борьбы съ огнемъ каждое въ порядкѣ содержимое судно имѣетъ огромныя средства. Что же касается до подводныхъ пробитій, то при разстояніяхъ между сражающимися въ 600 и 700 сажень онѣ невозможны. Подводная броня, опущенная на значительную глубину ниже ватерлиніи, отняла теперь у крѣпостной артиллеріи одинъ изъ ея прежнихъ и весьма опасныхъ для корабля видовъ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что получасовой бой не доставитъ категорическаго результата и береговой батарее относительно обстрѣливающихъ ее броненосцевъ. Впрочемъ, подобный фактъ долженъ быть, по моему мнѣнію, постояннымъ, если разстояніе между флотомъ и прибрежными укрѣпленіями во время боя значительно. Ни суда надъ батареями, ни батареи надъ судами не приобретутъ никакой ощутительной выгоды. Разумѣется, моральное преимущество останется на сторонѣ береговой обороны, такъ какъ начавшій атаку флотъ отойдетъ изъ подъ ея выстрѣловъ, не достигнувъ успѣха. При этомъ для специалистовъ явится новая тема для обсужденій, а между моряками и артиллеристами опять начнется препирательство, такъ какъ обѣ стороны захотятъ присвоить себѣ побѣду, которой въ сущности не было, благодаря отсутствію условій, дѣлавшихъ ее возможною.

Итакъ, мы пришли къ окончательному выводу, что два броненосные фрегата въ состояніи драться съ сильнымъ береговымъ батареєю, съ разстоянія въ семь кабельтовыхъ, ставъ къ ней бортомъ и не перемѣняя своего мѣста. При этомъ они не могутъ приобрести успѣха, но въ то же время и не подвергнутся тѣмъ тибельнымъ катастрофамъ, которыми грозятъ флоту нѣкоторые изъ нашихъ опонентовъ, неимѣющихъ вѣрнаго понятія о кораблѣ и его наступательныхъ и оборонительныхъ качествахъ. Однако намъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что и въ этомъ случаѣ могутъ произойти такіа случайности, которыя заставятъ броненосцевъ выйти изъ-подъ выстрѣловъ. Кромѣ того, если существуетъ хотя какая нибудь возможность уменьшенія вредное вліяніе непріятельскихъ снарядовъ, то слѣдуетъ какъ можно шире пользоваться ею. Такимъ образомъ является вопросъ—нѣтъ-ли средствъ, при помощи которыхъ флотъ могъ бы облегчить себѣ борьбу съ прибрежною обороною. Чтобы дать отвѣтъ на это, намъ слѣдуетъ разсмотрѣть условія мѣстности, на которой суда дѣйствуютъ противъ укрѣпленій.

Если та часть моря, или вообще водянago пространства, которая служитъ поприщемъ для дѣйствій флота во время борьбы съ батареями, свободна отъ мелей, камней и другихъ подводныхъ препятствій, такъ что суда могутъ съ довѣренностью ходить по ней, не опасаясь получить поврежденія ниже ватерлиніи, то бой на ходу подъ парами способенъ дать нѣкоторый перевѣсъ броненосцу надъ укрѣпленіемъ. Благодаря постоянному, систематическому обученію морскихъ командъ артиллеріи, судовая пальба на якорѣ и подъ парами имѣетъ весьма немного разницы относительно процентнаго содержанія удачныхъ выстрѣловъ. Не слѣдуетъ забывать, что флотъ учится стрѣлять исключительно для боя на ходу и что всѣ наши заботы клонятся къ тому, чтобы сообщить командамъ какъ можно болѣе ловкости въ дѣйствіи изъ орудій по перемѣняющей свое положеніе цѣли. Такимъ образомъ, если скорость судна не будетъ превышать пяти узловъ и если въ то же время будутъ приняты мѣры для постоянного и точнаго опредѣленія разстоянія, то огонь броненосца почти не представитъ разницы, въ смыслѣ мѣстности, со стрѣльбою на якорѣ. Между тѣмъ, для форта, дѣйствіе по движущемуся непріятелю будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ по стоящему на якорѣ. Прислуга крѣпостныхъ орудій имѣетъ вообще мало практики относительно тальбы по подвижной цѣли. Точно также и постоянное опредѣленіе разстояній до судовъ, безпрестанно его мѣняющихъ и полузакрытыхъ порохомъ и уголь-

нымъ димомъ, должны быть задачею нелегкою. Такимъ образомъ, огонь укрѣпленія долженъ сдѣлаться медленнѣе, а попаданіе цилиндрико-коническихъ снарядовъ, вполне зависящее отъ безукоризненно опредѣленнаго разстоянія, должно утратить не малую часть своего процентнаго содержанія. Сухопутные артиллеристы не совсѣмъ ясно понимаютъ, почему морякамъ особенно нравится атака флотомъ противъ укрѣпленій, произведенная на ходу. Разрѣшить это недоумѣніе мы можемъ очень просто. Бой подъ парами есть цѣль нашихъ стремленій и учений и постоянный предметъ нашихъ мыслей. Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей онъ составляетъ лучшее проявленіе знанія нашего дѣла и наиболѣе соотвѣтствуетъ той предварительной подготовкѣ, на которую флотъ постоянно кладетъ такъ много усилій. Я полагаю, что если только есть мѣсто и возможность, чтобы маневрировать передъ укрѣпленіями, то бой на ходу долженъ быть одною изъ лучшихъ методовъ для борьбы флота съ береговою обороною.

Но если нѣтъ этого желаннаго простора, если судамъ, чтобы обстрѣливать батареи, приходится стать на якорь на какомъ-нибудь стѣсненномъ рейдѣ, или узкомъ фарватерѣ, то, мнѣ кажется, можно съ успѣхомъ прибѣгнуть къ методу боя, оборотившись къ непріятелю носомъ, которую французы предлагаютъ для схватки судна съ судномъ въ открытомъ морѣ, но которая, по моему мнѣнію, гораздо пригоднѣе для сраженія судна съ укрѣпленіемъ. Носовая оборона на многихъ броненосцахъ мало уступаетъ по своей силѣ бортовой. На большей части изъ новыхъ судовъ въ носу собрано, для дѣйствія по діаметральной плоскости впередъ, не менѣе четырехъ орудій, обыкновенно очень большаго калибра, что составляетъ весьма серьезную наступательную силу. Броненосецъ, оборотившись къ укрѣпленію носомъ, представляетъ мишень очень умѣренныхъ размѣровъ, площадь которой въ пять и шесть разъ менѣе поверхности борта. Кромѣ того, носовая часть судна по своему образованію особенно хорошо выдерживаетъ удары попадающихъ снарядовъ, которые отражаются отъ нея, не производя пробоинъ. Такимъ образомъ, слѣдуя этой методу боя, броненосецъ можетъ бороться съ укрѣпленіемъ гораздо долѣе, чѣмъ оборотившись къ нему бортомъ, не смотря на то, что число его дѣйствующихъ орудій сдѣлается нѣсколько менѣе. Вообще, можно сказать почти навѣрное, что въ грядущихъ сраженіяхъ флота съ прибрежною обороною, метода боя, только что нами разсмотрѣнная, будетъ весьма употребительною, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, по характеру мѣстности, суда будутъ принуждены драться съ батареями, стоя на якорѣ.

Мнѣ кажется, что во время боя кораблей съ береговыми батареями со среднихъ разстояній, т. е. отъ 5 до 10 кабельтовыхъ, производится ли онъ на ходу, или на якорѣ, артиллерійскій огонь непременно долженъ быть сдержанъ и методиченъ, потому что иначе онъ легко можетъ сдѣлаться недостаточно мѣткимъ. При борьбѣ судна съ укрѣпленіемъ главная потребность состоятъ въ вѣрномъ попаданіи снарядовъ, которое подчиняетъ себѣ даже быстроту огня, столь необходимую при боѣ на близкую дистанцію. Повредить береговому укрѣпленію можно лишь тѣмъ металломъ, который попадаетъ въ него, а не тѣмъ, который дождемъ сыплется около него, или перелетаетъ высоко надъ головами его защитниковъ. Мы, моряки, дѣлали множество разъ ошибки, начиная усиленную стрѣльбу по батареямъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя не допускали возможности вѣрнаго прицѣльнаго выстрѣла. Подъ Севастополемъ союзный флотъ выпустилъ болѣе 60 000 снарядовъ съ неудовлетворительнымъ результатомъ, потому что стрѣляли бѣглымъ огнемъ по непріятелю, котораго не могъ видѣть какъ слѣдуетъ. Подъ Лиссою итальянская эскадра истратила также не менѣе 30 000 снарядовъ съ самымъ ничтожнымъ результатомъ, потому что обстрѣливала укрѣпленія, расположенныя на возвышенномъ берегу, не потрудившись цѣлиться какъ слѣдуетъ и питаясь абсурдною надеждою взять массою металла то, что слѣдуетъ брать искусствомъ. Между тѣмъ, въ Севастополѣ, нашъ пароходо-фрегатъ «Владиміръ» бросалъ бомбы изъ гладкоствѣнныхъ орудій на разстояніе $4\frac{1}{2}$ верстъ, чрезъ гору, въ англійскую батарею, которой не видѣлъ, и попадалъ куда слѣдуетъ. При этомъ пароходъ кренился, чтобы дать орудіямъ 22° возвышенія и принималъ въ соображеніе ускоренное сгараніе пороха отъ разгоряченія орудій. Если бы во флотахъ было поболѣе судовъ, на которыхъ развивался бы столь же правильный взглядъ на дѣйствіе артиллеріи, какъ это было на «Владиміръ», то, разумѣется, сухопутные артиллеристы давнымъ давно перестали бы говорить, что морская артиллерія не обладаетъ мѣткостью.

Я перейду теперь, милостивые государи, къ разбору методы близкой борьбы судовъ съ укрѣпленіями, которая имѣетъ за себя довольно много защитниковъ между морскими офицерами и по всей справедливости заслуживаетъ предпочтенія предъ боемъ съ дальнихъ и среднихъ разстояній. Мы считаемъ, что во время сраженія въ открытомъ морѣ самымъ лучшимъ положеніемъ для нашихъ судовъ должна быть схватка съ непріателемъ на пистолетный выстрѣлъ, такъ какъ лишь въ этомъ случаѣ есть возможность рассчитывать, что снаряды произведутъ свое настоящее дѣй-

ствіе противъ покрытаго желѣзомъ противника. О собственныхъ поврежденіяхъ мы при этомъ не думаемъ; такъ какъ они неизбѣжны во время всякаго боя, а полагаемъ наше главное упованіе на перевѣсъ надъ непріятелемъ, заключающійся въ быстротѣ и рѣшительности нашихъ дѣйствій и лучшемъ маневрированіи. Точно такой же взглядъ на дѣло можетъ быть примѣненъ и къ борьбѣ флота съ береговою обороною. Что бы тамъ ни говорили о пользѣ и дѣйствительности дальнихъ выстрѣловъ по фортамъ и батареямъ, но прибрежное укрѣпленіе можетъ быть уничтожено или сильно повреждено огнемъ корабля лишь при малыхъ разстояніяхъ между обоими. Прошлая морская исторія свидѣтельствуетъ въ этомъ. Корабль, чтобы сбить батарею, долженъ развить большую скорость артиллерійскаго огня, чѣмъ ея собственный, такъ какъ лишь этимъ путемъ есть возможность установить равновѣсіе въ неодинаковой степени прочности каменной стѣны укрѣпленія съ судовымъ бортомъ. Значительная же быстрота стрѣльбы можетъ быть допущена лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда близость до цѣли позволяетъ пренебрегать приемами, обуславливающими мѣткость морской артиллеріи. Усиленная бѣглая стрѣльба безъ прицѣла, въ тѣхъ случаяхъ, когда есть возможность употреблять ее, составляетъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ видовъ судового огня. Въ прежніе годы онъ имѣлъ характеръ густаго града снарядовъ, не оставлявшаго нетронутымъ ни одного мѣста на поверхности цѣли. Въ настоящее же время онъ превратится въ рядъ частыхъ ударовъ, которые будутъ дѣйствовать своимъ прямымъ и косвеннымъ вліяніемъ, т. е. разрушеніемъ и сотрясеніемъ. Кромѣ быстрой стрѣльбы сплошными снарядами и бомбами, близкій бой корабля съ укрѣпленіемъ позволяетъ употреблять первому изъ нихъ картечный и стрѣлковый огонь, который составляетъ, можетъ быть, одинъ изъ вѣрѣйшихъ путей, чтобы привести къ молчанію крѣпостную артиллерію. Такимъ образомъ, схватка флота съ береговою обороною при разстояніи въ 100 или 200 сажень имѣетъ право считаться для моряковъ самымъ желаннымъ положеніемъ относительно непріятеля, а для защитниковъ фортовъ наиболее опаснымъ видомъ судовой атаки.

Къ сожалѣнію, близкій бой съ прибрежными крѣпостями обуславливается для флота весьма многими обстоятельствами. Для подхода вплотную къ фортамъ и батареямъ, намъ необходимо, чтобы предъ ними не было ни искусственныхъ, ни естественныхъ подводныхъ препятствій. Въ настоящее время, для кораблей гораздо опаснѣе враги, которые скрываются подъ водою, чѣмъ тѣ, которые грозятъ прѣпятить ихъ выше ватерлиніи. Такимъ

образомъ, если передъ фортомъ растилается значительная песчаная баня, или устроены ряжевые и минныя загражденія, то прямое вступленіе въ близкій бой съ береговыми батареями дѣлается нецѣлесообразнымъ. Точно также, если флоту приходится подходить къ прибрежнымъ укрѣпленіямъ по узкому или извилистому фарватеру, суда его рискуютъ получить, благодаря необходимости тихаго хода, поврежденія отъ встрѣчнаго огня непріятеля, или, что еще хуже, могутъ стать на мель подъ выстрѣлами укрѣпленій, что при нынѣшнихъ тяжелыхъ броненосцахъ можетъ имѣть результатомъ самое тяжелое положеніе для атакующей эскадры. Чтобы флотъ могъ напасть на прибрежныя батареи на близкомъ разстояніи, ему нуженъ просторъ и чистое мѣсто, гдѣ бы онъ былъ въ состояніи маневрировать и быстро развернуться для одновременнаго начала атаки на всѣхъ пунктахъ, выбранныхъ предварительно. Въ противномъ случаѣ, ему придется ограничиться дальнимъ артиллерійскимъ боемъ, или же медленно, методически подготовить себѣ возможность подойти къ укрѣпленіямъ — путемъ устройства подводныхъ загражденій.

Предположите, мм. гг., что береговая защита не имѣетъ содѣйствія подводныхъ препятствій и что флотъ можетъ подойти къ укрѣпленіямъ до разстоянія 200 сажень. Разумѣется, подобный случай долженъ представиться весьма рѣдко, такъ какъ оборона современныхъ приморскихъ крѣпостей почти немыслима безъ помощи ряжевыхъ загражденій и подводныхъ минъ. Но тѣмъ не менѣе, есть прибрежныя укрѣпленные пункты, гдѣ большая глубина, или сильное теченіе не позволяютъ устроить подводныхъ препятствій и вынуждаютъ такимъ образомъ береговую защиту полагаться исключительно на дѣйствіе одной артиллеріи. — Спрашивается, какимъ пріемамъ долженъ держаться въ этомъ случаѣ флотъ и какія мѣры могутъ доставить ему перевѣсъ надъ непріателемъ?

Чтобы отвѣтить на это, намъ слѣдуетъ вспомнить, что успѣхъ всякаго военнаго предпріятія зависитъ главнымъ образомъ отъ хороше составленнаго плана и за тѣмъ быстрого и точнаго приведенія въ исполненіе каждою отдѣльною частью войска заранее полученныхъ инструкцій. Это коренное основаніе можетъ быть болѣе чѣмъ гдѣ-либо нужно при всякой общей атакѣ флота противъ береговыхъ укрѣпленій, потому что иначе слѣдствіемъ будетъ нестройность движеній, взаимныя помѣхи, отсутствіе единодушія, а за тѣмъ и безславное отступленіе. Такимъ образомъ, нападеніе флота на укрѣпленія съ разстоянія въ 200 сажень должно начаться съ того, что суда пойдутъ самымъ полнымъ ходомъ на свои мѣста, чтобы сблизиться съ противникомъ, подвергаясь по возмож-

ности меньшее время. тѣмъ выстрѣлять батареѣ, на которыя они по своему положенію отвѣчать не въ состояніи. За тѣмъ, придя на указанное мѣсто, они станутъ на якорь съ заранѣе привязаннымъ шпрингомъ, или же завезутъ шпрингъ, что будетъ задѣсь отъ направленія вѣтра и теченія. Обстоятельства также покажутъ нѣтъ будетъ выгоднѣе становиться съ носу, или кормы, или же разомъ съ обѣихъ оконечностей судна. И наконецъ, послѣ всего этого они откроютъ усиленный батальный огонь по укрѣпленіямъ.

Относительно этого батального огня трудно сказать что-нибудь положительное, при томъ недостаткѣ хорошихъ примѣровъ и точныхъ опытовъ, которые могли бы служить руководителями для моряковъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Каждый морской офицеръ можетъ имѣть на обстрѣливаніе укрѣпленій свои взгляды, выведенные путемъ, болѣе или менѣе основательнымъ. Такимъ образомъ, на этомъ предметѣ должно сосредоточиться нѣсколько мнѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя будутъ даже противорѣчить другимъ, придется въ то же время существенную пользу разъясненіемъ той или другой стороны дѣла. Я полагаю, мм. гг., что корабль, подойдя на близкое разстояніе къ береговому укрѣпленію, долженъ сначала открыть по нему усиленную стрѣльбу картечью и бомбами, поддерживаемую стрѣлковымъ огнемъ съ марсовъ и верхней палубы, для того, чтобы отогнать отъ орудій прислугу на батареѣ, или же нанести ей значительный уронъ въ людяхъ. Подобный боевой приемъ можетъ быть очень полевымъ, такъ какъ амбразуры большей части современныхъ укрѣпленій достаточно широки, чтобы въ нихъ могли врываться картечные заряды, или проникать пули новыхъ скорострѣльныхъ ружей. Его съ большимъ успѣхомъ употребила эскадра адмирала Фаррагута во время прорыва мимо конфедератскихъ укрѣпленій подъ Новымъ Орлеаномъ, когда огонь береговыхъ батареѣ почти прекращался отъ убійственного дѣйствія картечью и бомбами на близкомъ разстояніи съ кораблей съверянъ. Также, нѣтъ сомнѣнія, что если бы итальянскій корветъ *Formidabile* употребилъ подобный же боевой приемъ во время своего боя съ внутренними укрѣпленіями въ гавани острова Лиссы, то результатъ борьбы былъ-бы совершенно иной и кончился съ болѣею славой для итальянцевъ и вообще для флота.

Послѣ усиленнаго картечнаго огня, который можно назвать приступомъ къ дѣлу, флоту слѣдуетъ начать бѣглый огонь сплошными снарядами, если фортъ построенъ изъ камня, и разрывными, если онъ кирпичный. При этомъ, чѣмъ живѣе будетъ судовой огонь, тѣмъ болѣе дастъ онъ кораблямъ возможности одержать верхъ надъ укрѣпленіями. Тутъ является вопросъ очень важный, который

морякамъ трудно рѣшить безъ содѣйствія военныхъ инженеровъ. Куда преимущественно направлять снаряды, т. е. въ подножіе ли укрѣпленія, въ верхнюю ли часть его, или въ середину? Мы, морскіе офицеры, не обращаемъ обыкновенно вниманія на это обстоятельство, считая его мелочью и доказывая, что слѣдуетъ сначала думать о томъ, какъ попасть въ цѣль, а за тѣмъ уже куда попасть. Это совершенно справедливо, но при разстояніи до батареи въ 200 сажень невозможно не попасть въ нее, слѣдовательно главнымъ вопросомъ продолжаетъ оставаться—куда направлять выстрѣлы. Если смотрѣть на бой корабля съ береговымъ укрѣпленіемъ только какъ на борьбу двухъ артиллерій, морской и крѣпостной, то, можетъ быть, выгоднѣе всего цѣлиться въ амбразуры, чтобы подбить непріятельскія орудія, или завалить ихъ обломками. Но можетъ случиться также, что для насъ будетъ полезнѣе, при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, бить снарядами другія части наружной поверхности форта. Въ подобныхъ обстоятельствахъ заблаговременный совѣтъ инженера способенъ доставить драгоцѣнную пользу моряку, потому что, идя въ бой, намъ слѣдуетъ уже быть готовыми ко всѣмъ случайностямъ и будетъ поздно прибѣгать къ соображеніямъ въ то время, когда потребуется быстро и рѣшительно дѣйствовать.

Другой вопросъ заключается въ томъ, до какой степени могутъ быть полезны прицѣльные и въ особенности сосредоточенные залпы, произведенные съ судовъ и повторяемые по возможности чаще. Нельзя ли будетъ употребить при этомъ также сосредоточенные залпы, сдѣланные съ нѣсколькихъ судовъ одновременно, по сигналу, для того, чтобы дѣйствовать по форту или батарее не только ударами снарядовъ, но и сильными сотрясеніями, происходящими отъ совокупныхъ толчковъ большого числа ядеръ. Отвѣтить на это чѣмъ-нибудь положительнымъ трудно, потому что донинѣ подобнаго рода артиллерійская атака еще нигдѣ не употреблялась; можно сказать только, что для выполненія ея со стороны флота нельзя ожидать особенныхъ затрудненій. Что же касается до сосредоточенныхъ залповъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что при будущихъ битвахъ съ береговою обороною, корабли станутъ часто прибѣгать къ нимъ, подобно тому какъ и во время одиночныхъ схватокъ между собою въ открытомъ морѣ, или въ продолженіе эскадренныхъ сраженій.

Разсматривая борьбу флота съ прибрежными укрѣпленіями, на близкомъ разстояніи, весьма естественно приходишь къ вопросу—до какихъ результатовъ способна она привести обѣ стороны. Я полагаю, мм. гг., что если какія нибудь особенныя случайности не

помогутъ тому или другому изъ сражающихся, то въ окончательномъ итогѣ у обонхъ должны быть равныя тяжелыя поврежденія, которыя, можетъ быть, надолго удержатъ ихъ отъ послѣдующихъ сраженій. Если у флота не будетъ свѣжихъ, смѣнныхъ силъ, то онъ не достигнетъ той цѣли, съ которою началъ бой. Точно также и батареи,—если передъ ними появится новая эскадра, то онѣ не будутъ въ состояніи остановить ее. Впрочемъ, лучшее положеніе будетъ все-таки на сторонѣ береговой обороны, такъ какъ прибрежному укрѣпленію легче поправить себѣ разрушенныя брустверы и амбразуры, чѣмъ броненосцамъ починить пробитыя, въ особенности вдали отъ порта и его пособій.

Приходя безпрестанно къ убѣжденію, что береговыя батареи, обладающія должною организаціею, имѣютъ въ большей части случаевъ перевѣсъ надъ морскими силами, сравнять который флоту удастся только при большомъ искусствѣ дѣйствовать и предпріятіяхъ, не лишенныхъ риска, начинаешь спрашивать себя—нѣтъ ли какихъ нибудь обстоятельствъ, при которыхъ выгода перешлабы на другую сторону, т. е. отъ береговой обороны къ морскимъ силамъ. Мы имѣемъ въ нашемъ обществѣ партизановъ ночныхъ сраженій между одиночными судами и ночныхъ атакъ, произведенныхъ одною эскадрою противъ другой. Нельзя ли примѣнить эти идеи и къ борьбѣ флота съ укрѣпленіями? Т. е. нельзя ли нападать на береговыя батареи подъ прикрытіемъ темноты, въ то время, когда корабль представляетъ цѣль почти невидимую, а береговыя укрѣпленія, хотя неясно, но тѣмъ не менѣе обрисовываются на небосклонѣ. Весьма быть можетъ, что ночная атака флота противъ укрѣпленій дастъ удовлетворительные результаты, хотя и не приведетъ къ главному, къ полной побѣдѣ кораблей надъ береговою обороною. Ея выгода будетъ заключаться преимущественно въ томъ, что суда получатъ сравнительно только небольшое число поврежденій.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Англіи и Америкѣ началась разрабатываться идея объ употребленіи греческаго огня во время атаки укрѣпленій. Генераль Джильморъ бомбардировалъ даже Чарльстонъ пустотѣлыми снарядами, наполненными этою зажигательною жидкостью. Нѣкоторые изобрѣтатели предлагали пользоваться густымъ, удушливымъ дымомъ греческаго огня, направленнымъ по вѣтру на береговыя укрѣпленія, чтобы подъ его прикрытіемъ подводить флотъ къ батареямъ и безнаказанно разрушать ихъ. Очень можетъ быть, что въ грядущія войны станутъ употребляться и подобныя средства, но въ настоящее время про нихъ нельзя сказать ничего положительнаго, за исключеніемъ

того, что употребленіе греческаго огня потребуеъ для себя особенныхъ приспособленій и во всякомъ случаѣ продолжительнаго ряда основательныхъ опытовъ.

Сдѣлавъ общій, хотя и весьма краткій, обзоръ артиллерійской борьбы кораблей съ укрѣпленіями, намъ остается поговорить еще о прорывахъ флота подъ огнемъ батарей. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ видъ дѣйствій морскихъ силъ противъ береговой обороны общаеъ болѣе всего успѣховъ первымъ и представляетъ дѣйствительную опасность для послѣдней. Одинъ огонь укрѣпленій не можетъ остановить броненоснаго флота, форсирующаго проходъ при самомъ полномъ ходѣ. Мѣткость его при подобныхъ обстоятельствахъ должна уменьшиться, вслѣдствіе быстрого движенія цѣли и взволнованнаго состоянія прислуги у орудій, которое увеличится противъ обыкновеннаго, благодаря категоричности наступившей минуты. Пропорціонально мѣткости, уменьшится и дѣйствительность огня береговыхъ батарей, которая даже безъ этого ослабляющаго вліянія не можетъ быть особенно страшна для прорывающагося флота. Нѣсколько надводныхъ поврежденій не въ состояніи помѣшать броненосному кораблю въ исполненіи задуманной цѣли. Въ виду чрезвычайной важности предстоящаго наступательнаго движенія, въ концѣ котораго предвидится удача, флотъ не поколеблется идти подъ самый сильный огонь. Мы употребимъ наше характеристическое морское выраженіе «трещи все» и прорвемся, хотя бы многіе изъ насъ остались на мѣстѣ. Форсированіе проходовъ будетъ въ грядущее время однимъ изъ самыхъ любимыхъ приѣмовъ флота во время прибрежной морской войны и, при постепенной разработкѣ предмета, разовьется до подробной боевой системы.

Новѣйшая морская исторія представляетъ нѣсколько блистательныхъ подвиговъ флота на этой стезѣ военныхъ дѣйствій. Прорывы сѣверо-американскихъ эскадръ подъ Новымъ Орлеаномъ, Мобилемъ и Висксбургомъ и, наконецъ, недавнее форсированіе фарватера бразильскою эскадрою подъ Гумантой заслуживаютъ того, чтобы на нихъ было обращено вниманіе изслѣдователей. Я не стану подвергать ихъ сегодня разбору, такъ какъ для этого у насъ не остается времени, но займусь ими впослѣдствіи, во время болѣе подробнаго анализа сравнительной силы флота и береговой обороны, который думаю предпринять со стороны морской занимающаго насъ предмета. Въ настоящее время, штурмованіе проходовъ флотомъ находится еще, можно сказать, въ первомъ періодѣ своего развитія и нуждается въ подробной и всесторонней разработкѣ морскими офицерами. Совершившіеся факты не изслѣдованы еще

должнымъ образомъ, а многія частности ихъ, въ которыхъ заключается не мало дорогихъ матеріаловъ, для большей части спеціалистовъ даже неизвѣстны. Такимъ образомъ, слѣдуетъ надѣяться, что спеціальная литература пріобрѣтетъ въ скоромъ времени нѣсколько новыхъ сочиненій, разбирающихъ эту часть морской тактики, въ которыхъ, по всей вѣроятности, мы найдемъ для себя много интереснаго и полезнаго.

Разумѣется, прорывы флота подъ огнемъ укрѣпленій возможны лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда проходъ чистъ отъ подводныхъ препятствій. Если на фарватерѣ устроены хоть какія нибудь загражденія, то дѣло осложняется. Ряжи, цѣпные канаты, бонны, сѣти и особенно подводныя мины должны задержать флотъ во время форсирования прохода. Но это еще не значитъ, чтобы они могли удержать его отъ выполнения задуманнаго предпріятія. Ряжи можно разбить, цѣпи и бонны разорвать, мины выловить. Отсюда должна возникнуть, если можно такъ выразиться, подводная война, которая въ будущемъ разовьется до подробной боевой системы. Въ настоящее время, мы занимаемся только постановкою подводныхъ препятствій и стараемся дойти въ ней до возможнаго совершенства. Нужно взяться и за оборотную сторону медали, за разрушеніе преградъ, чтобы изучить лучшіе приемы этого дѣйствія и пріобрѣсти необходимый для того навыкъ. Понятно, что это должно отнести къ нашей морской спеціальности. Уничтоженіе подводныхъ загражденій не есть дѣло военнаго инженера, ихъ создающаго, а задача моряка, которому они мѣшаютъ при выполненіи смѣло задуманнаго плана. Трудности, которыя предстоитъ намъ побѣждать и устранять въ будущемъ, должны быть очень велики. Безнаказанно уничтожать подводныя загражденія можно только ночью, въ-потьмахъ, такъ сказать ошущью, вслѣдствіе чего работа не можетъ идти быстро и не всегда способна окончиться успѣшно. За тѣмъ, днемъ придется оборонять разрушеніе, сдѣланное ночью, чтобы непріятель не могъ снова укрѣпить ослабленный пунктъ фарватера. Подводная осада должна идти медленно, прибѣгая безпрестанно къ военнымъ хитростямъ и изыскивая разнообразныя средства для лучшаго уничтоженія разнообразныхъ же способовъ загородить дорогу прорывающемуся флоту. При этомъ нерѣдко будутъ происходить кровавыя ночныя схватки надъ самыми же загражденіями между обѣими враждующими сторонами, изъ которыхъ одна захочетъ начать свое дѣло разрушенія, а другая постарается не допустить ея до этого.

Между тѣмъ, не смотря на ясную очевидность предстоящихъ огромныхъ затрудненій, нельзя сомнѣваться, чтобы они были спо-

*

собны удержать смѣлыхъ людей не только отъ попытокъ, но и отъ настойчивыхъ усилій истребить подводныя загражденія и расчистить дорогу своему флоту для прорыва. Мнѣ кажется даже, что подобныя отчаянныя предпріятія будутъ чаще встрѣчаться съ успѣхомъ, чѣмъ съ неудачею. Смѣлость, основанная на расчетѣ, олицетворяющаяся выполненіемъ хорошо обдуманнаго плана, не есть безразсудный рискъ, имѣющій девизомъ «авось» и но большей части приводящій къ катастрофѣ. Это есть только быстрый приступъ къ тому, что слѣдуетъ выполнить для скорѣйшаго достиженія успѣха. Начинать дѣло, не будучи знакомымъ съ его сущностью, неблагоразумно и, за рѣдкими исключеніями, бесполезно. Но приступать къ его выполненію, обладая должною подготовкою, зная его подробности, усвоивъ себѣ весь планъ и главную цѣль, должно быстро, не теряя времени и безъ колебаній. Въ этомъ случаѣ смѣлость не есть лишенный смысла рискъ, а та спокойная стойкая храбрость, которая всегда приводитъ къ побѣдѣ. Вотъ почему я позволю себѣ повторить еще разъ, что весьма желательно, чтобы у насъ началось изученіе тѣхъ способовъ, помощію которыхъ можно быстрѣе всего уничтожать разнообразныя подводныя препятствія. Обладая этими способами, мы будемъ дѣйствовать не слѣпо и не наудачу, а прямо стремясь къ желанному успѣху.

Есть укрѣпленныя мѣстности, гдѣ подводная осада почти невозможна, или не въ состояніи привести къ успѣху, благодаря препятствіямъ, поставленнымъ не только искусствомъ человѣка, но и самою природою. Къ числу такихъ пунктовъ можно причислить и нашъ Кронштадтъ съ его узкимъ, окаймленнымъ мелями фарватеромъ, который по всей длинѣ своей обстрѣливается батареями острова Котлина. Кронштадтскій фарватеръ весьма удобенъ для защиты подводными минами. Форсировать его флотомъ дѣло чрезвычайно рискованное. Но за то есть мѣстности, гдѣ подводная оборона почти немыслима, и которая, вслѣдствіе этого, не смотря на свою вѣковую знаменитость, въ настоящее время не могутъ остановить прорыва ходкаго броненоснаго флота. Къ числу ихъ принадлежатъ, на примѣръ, Дарданеллы, гдѣ большая глубина и сильное теченіе не дадутъ возможности устроить подводныя преграды. Англійскій адмиралъ Дѣкворсъ форсировалъ этотъ проходъ съ деревянными парусными кораблями. Что же слѣдуетъ ожидать отъ броненосцевъ, обладающихъ большою скоростью хода и вооруженныхъ сильною артиллеріею? Для нихъ штурмъ Дарданельскаго пролива будетъ не особенно тяжелымъ подвигомъ.

Сухопутные артиллеристы полагаютъ большія надежды на навѣс-

ний огонь изъ мортиръ, который, по ихъ мнѣнію, способенъ надѣлать много зла прорывающемуся флоту. Вообще, они сильно рассчитываютъ на этотъ видъ артиллерійской обороны противъ атаки флота. Взглядъ на дѣйствительность бомбъ, падающихъ навѣсно на шлуду корабля, справедливъ. Вертикальныя пробойны, если можно такъ выразиться, для насъ опаснѣе горизонтальныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, уважаемые оппоненты наши придаютъ слишкомъ большое значеніе дѣйствию своихъ снарядовъ противъ кораблей.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, достаточно чуть-ли не одной бомбы, чтобы побудить къ отступленію броненосное судно. Подобныя взгляды не представляютъ, впрочемъ, въ себѣ ничего необъяснимаго. Они основаны на маломъ знаніи устройства и внутренней организаціи той мишени, по которой нашимъ оппонентамъ придется дѣйствовать во время боя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ слѣдуетъ искать и обычное вредное вліяніе стрѣльбы и вообще разныхъ «опытныхъ данныхъ», выведенныхъ для моря на сухомъ пути. Невѣрный взглядъ на значеніе полигоновъ и береговыхъ артиллерійскихъ испытаній погубилъ не мало денегъ и времени во флотахъ большей части морскихъ государствъ. Теоретикамъ все хочется доказать, что римляне были правы, при началѣ первой пунической войны, обучая своихъ матросовъ греблѣ на сухомъ пути и думая, что песокъ и вода одно и тоже. Попаданіе снаряда, брошеннаго изъ наръзной мортиры, въ быстро двигающееся судно можетъ быть только случайнымъ и, слѣдовательно, не подчиняется расчетамъ, которые мы привыкли соединять съ прицѣльною стрѣльбою. Напримѣръ, наръзная 7 дюймовая мортира Армстронга, при дѣйствіи кустотѣлымъ снарядомъ въ 87,5 фунта, не имѣетъ права назваться орудіемъ точнымъ. При дистанціи въ 660 сажень, среднее отклоненіе ея снарядовъ отъ цѣли равняется 40 саженьмъ; при разстояніи въ 1000 сажень оно равняется 54 саженьмъ; при разстояніи въ 1100 сажень оно равно 72 саженьмъ, а при дистанціи въ 1300 сажень—90 саженьмъ. Если мортирный огонь направленъ противъ судна, форсирующаго проходъ въ разстояніи отъ батарей въ 1000 сажень, или 10 кабельтововъ, то время полета снаряда равняется 21,7 секунды. Судно, идущее по 12 узловъ въ часъ, проходить въ каждую секунду 3,3 сажени; слѣдовательно, въ этотъ промежутокъ времени оно сдѣлаетъ 71,6 сажени и оставитъ за собою мѣсто паденія снаряда. Другое затрудненіе, представляющееся мортирному огню, заключается въ невозможности постоянно опредѣлять разстоянія до двигающагося корабля, отчего, между тѣмъ, зависятъ назначеніе заряда. Если корабль находится отъ укрѣпленія въ разстояніи 1130 сажень, то нужно употребить

зарядъ въ 4 фунта и время полета снаряда будетъ равняться 24 секундамъ. Если же корабль находится отъ батареи въ разстояніи 1000 саженъ, то зарядъ долженъ быть уже въ 3 фунта. Между тѣмъ, при 12 узлахъ хода, корабль сдѣлаетъ въ 24 секунды—80 саженъ и, слѣдовательно, придетъ на дистанцію, которая требуетъ заряда не въ 4 фунта, а въ $3\frac{1}{2}$ фунта, или же еще меньше, смотря по направленію курса прорывающагося судна. Если же мы примемъ въ соображеніе побочныя обстоятельства, могущія повліять на мѣткость стрѣльбы, какъ то вѣтеръ, неясную видимость пѣли за дымомъ и проч., то убѣдимся еще болѣе, что при мортирномъ огнѣ случайности должны играть гораздо важнѣйшую роль, чѣмъ расчетъ и соображенія, основанныя на артиллерійской практикѣ.

Впрочемъ, цифры, приведенныя выше, невыгодныя для мортирного огня, не могутъ считаться вполне соответствующими обыкновенному положенію дѣлъ. Корабли не всегда ходятъ со скоростью 12 узловъ въ часъ, а при разстояніи до пѣли въ 300 и 400 саженъ среднія отклоненія бомбъ, брошенныхъ изъ наръзной мортиры, не превышаютъ 10 и 13 саженъ. Вообще, я не хочу вовсе доказать, чтобы навѣсный огонь не былъ опасенъ для судовъ; я думаю только, что ему слѣдуетъ придавать нѣсколько меньшее значеніе, чѣмъ это дѣлается теперь. Мнѣ кажется, что для дѣйствія навѣсно бомбами съ прибрежныхъ укрѣпленій по прорывающемуся флоту слѣдуетъ отбросить всякое попопозновеніе къ прицѣльной стрѣльбѣ, а выбрать извѣстныя мѣста на фарватерѣ, на которыхъ, пристрѣлявшись заблаговременно, въ минуту надобности, скучивать по возможности значительнѣйшее паденіе бомбъ. Кораблямъ будетъ не легко проходить чрезъ подобныя пятна на фарватерѣ. Бомба, упавшая навѣсно на палубу, для насъ, моряковъ, весьма непріятный гость. Въ иномъ случаѣ, она, можетъ быть, надѣлаетъ не особенно много горя, но въ другомъ—результаты ея разрыва способны быть дѣйствительно опасными. Одной палубной брони будетъ недостаточно для обезпеченія отъ вертикальных пробойвъ. Американцы употребляли подъ Чарльстономъ съ успѣхомъ мѣшки, наполненные пескомъ, для блиндированія своихъ верхнихъ палубъ. Этотъ способъ станетъ употребляться, по всей вѣроятности, и въ Европѣ. Трудно сказать, какое количество навѣсно упавшихъ бомбъ способно вывести броненосное судно изъ линіи. Все зависить отъ мѣста, куда попадетъ разрывной снарядъ, а также и отъ калибра употребляемыхъ бомбъ. Бомбы, бросаемыя 6 и 7 дюймовыми наръжными мортирами, съ разрывнымъ зарядомъ въ 5 и 6 фунтовъ, не могутъ быть особенно страшны для бро-

неносца, у котораго желѣзные бимсы, палубная броня въ 2 дюйма и хорошія огнегасительныя средства. Онъ легко перенесетъ десять, и даже болѣе, вертикальныхъ пробоинъ. Поэтому, сторонникамъ навѣснаго обстрѣливанія фарватеровъ не мѣшаетъ позаботиться объ увеличеніи калибра своихъ мортиръ. Точно также и намъ, морскимъ офицерамъ, слѣдуетъ прискаты способы, которые могли бы доставить кораблю поболѣе обезпеченія отъ вліянія вертикальныхъ пробоинъ, потому что сухопутные артиллеристы совершенно правы, утверждая, что верхняя палуба корабля представляетъ отличную мишень для ихъ орудій, пренебрегать которою никоимъ образомъ не слѣдуетъ.

Этимъ мы окончимъ нашу сегодняшнюю бесѣду. Въ заключеніе ея, я попрошу у васъ, мм. гг., позволенія повторить то, съ чего я началъ, т. е. что изученіе прибрежной войны и установленіе для нея новыхъ, вполне современныхъ основаній можетъ быть выполнено какъ слѣдуетъ лишь соединеннымъ трудомъ офицеровъ, принадлежащихъ къ тремъ родамъ оружія. Работая отдѣльно, мы достигнемъ только результатовъ одностороннихъ. Но, заключивъ союзъ и дѣятельно помогая другъ другу, мы выработаемъ данныя, которыя, безъ сомнѣнія, въ минуту надобности принесутъ существенную пользу. вмѣстѣ съ тѣмъ, я позволю себѣ высказать мнѣніе, что было бы весьма желательно, чтобы сухопутные артиллеристы иногда навѣщали корабли наши во время морскихъ боевыхъ упражненій. Что они были бы для насъ, моряковъ, самыми дорогими гостями, про это говорить совершенно излишне. Но что подобныя посѣщенія принесли бы большую пользу для дѣла, то въ этомъ также нѣтъ никакого сомнѣнія. Обѣ стороны узнали бы обстоятельно главные элементы прибрежной войны и многія изъ нынѣшнихъ недоразумѣній уничтожились бы вовсе.

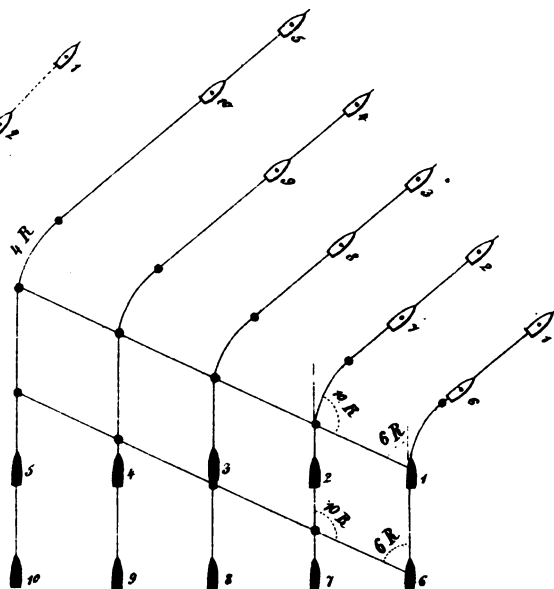
Черт. 1.

Черт. 24.

Черт. 25.

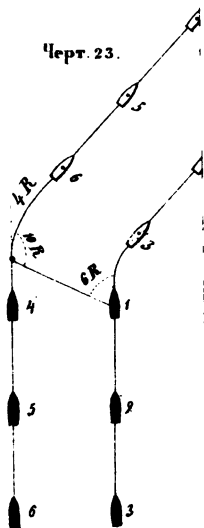
Черт. 2.

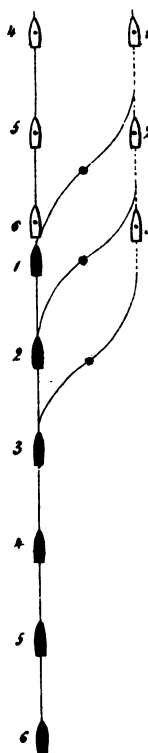
Черт. 1.

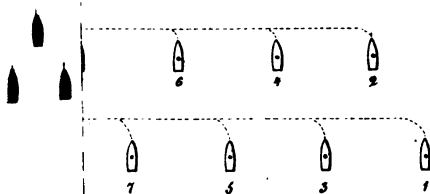
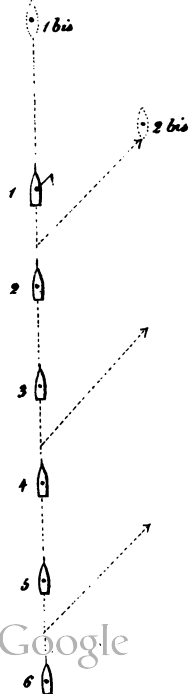
Черт. 23.

Черт. 27.

Черт. 28.

HARVARD LAW LIBRARY

Received

APR 1 1932